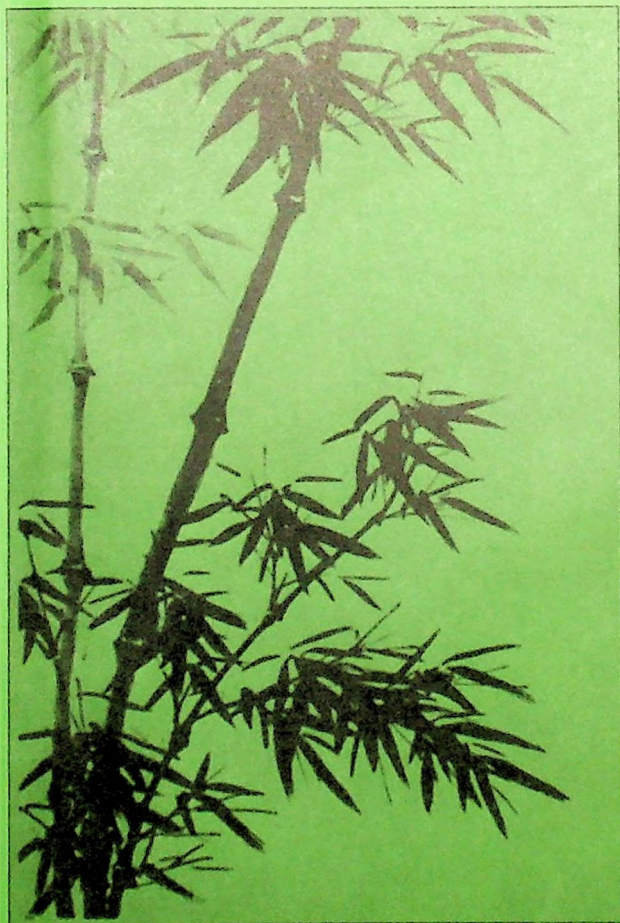

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2013

Геополитическое положение
Тихоокеанской России

•

Политический ландшафт в
Республике Корея

•

Внешнеэкономическая деятельность
провинции Цзилинь

•

Правовое регулирование
религии в Китае

•

К 200-летию со дня рождения
Г.И. Невельского

2.6.983

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2013

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН
Издается с марта 1972 года

От главного редактора..... 3

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

Г. Куликова. 95-летие академика С.Л. Тихвинского..... 4
М. Титаренко, А. Ломанов. Изучение китайской философии и религии в России в начале XXI века 12

ПОЛИТИКА

П. Бакланов, М. Романов. Об уникальности геополитического положения Тихоокеанской России 29
К. Антитов. Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога 39
Ким Ен Ун. Политический ландшафт в Республике Корея: тенденции эволюции 55

ЭКОНОМИКА

М. Александрова. Развитие внешнеэкономической деятельности провинции Цзилинь в период экономических реформ 69
Сунь Яо. О путях повышения уровня китайско-российского сотрудничества 88

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О. Борох. Дискуссии о «контролируемой экономике» в республиканском Китае (1930-е — 1940-е гг.) 93
Э. Пивоварова. Почему сегодня Китай «гордо стоит на Востоке мира» 109

ИСТОРИЯ

- С. Пономарев, А. Плотников.* К 200-летию со дня рождения Г.И. Невельского..... 113
- Г. Романова.* Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) 119
- Д. Якимова.* Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.)..... 131

РЕЛИГИЯ

- Л. Афонина.* Формирование и принципиальные моменты нормативно-правового регулирования религиозной сферы в КНР 138

КУЛЬТУРА

- Е. Сухова.* Дни китайской культуры в Чувашском государственном педагогическом университете имени И.Я. Яковлева..... 152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Коробова.* XIX Всероссийская научная конференция «Философии восточно-азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация»..... 155
- Е. Анохина.* О VIII конференции Международного общества по изучению зарубежных китайцев..... 163
- В. Григорьев.* Инновационные проекты ИДВ РАН в гуманитарных науках..... 167

РЕЦЕНЗИИ

- Г. Локшин.* Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме 170
- Р. Березкин.* Завидовская Е.А. Народная религия современного Тайваня..... 174
- В. Чернавская.* Забровская Л.В. Стратегия и основные направления политики России в отношении КНДР 176

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Андрею Андреевичу Крушинскому — 60 лет 180
- Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2013 год..... 182
- Contents..... 188
- Summary 189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

От главного редактора

Завершается 2013 год. Он отмечен существенной активизацией политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, причем, без преувеличения, «по всем азимутам». В конце года состоялись визиты президента РФ В.В. Путина во Вьетнам и Республику Корея, наполненные весомыми практическими результатами. Проведены первые в истории российско-японские консультации в формате «два на два» с участием министров иностранных дел и обороны обеих стран. Высокий уровень партнерских отношений России с Индией был подтвержден в ходе визита в нашу страну премьер-министра М. Сингха. А в коммюнике по итогам очередной встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая была дана положительная оценка трехсторонней дискуссии ученых-политологов этих стран, представленных Институтом Дальнего Востока РАН (Москва), Институтом китайских исследований (Нью-Дели) и Китайским институтом международных проблем (Пекин).

Одно из центральных мест в азиатско-тихоокеанской политике России в уходящем году, как и прежде, занимал наш стратегический партнер и дружественный сосед Китай. Состоялись четыре встречи лидеров двух государств, включая визит председателя КНР Си Цзиньпина в Москву. В ходе ноябрьского визита в КНР премьера Д.А. Медведева достигнута договоренность о существенном увеличении поставок российской нефти в Китай.

Несомненно, китайская проблематика останется в центре внимания журнала «Проблемы Дальнего Востока» и в 2014 г. Этому отчасти «способствуют» решения 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (9–12 ноября 2013 г.), провозгласившего курс на радикальное углубление в стране рыночных реформ при одновременном акценте на обеспечение большей социальной справедливости.

Разумеется, «не Китаем единым» будет жить наш журнал. Намерены оперативно освещать ход событий в АТР и государствах региона, регулярно публиковать статьи об истории, экономике, внешнеэкономических связях российского Дальнего Востока.

Реформа Российской академии наук затрагивает и ее издательскую деятельность. На повестке дня — дальнейшее совершенствование работы журнала «Проблемы Дальнего Востока», обновление его редакционной коллегии. Рассчитываем и впредь быть интересными и нужными для всех отечественных и зарубежных специалистов, профессионально изучающих проблемы Китая, Японии, корейских государств, Вьетнама, форматов БРИКС, РИК и ШОС, Дальнего Востока России.

С Новым 2014 годом! Всего самого доброго!

Владимир Портяков

Российское китаеведение

95-летие академика С.Л.Тихвинского

1 сентября традиционно отмечается в нашей стране как День знаний, и кажется глубоко символичным, что именно 1 сентября 1918 г. в Петрограде родился Сергей Леонидович Тихвинский, ставший не только легендой родного города, но всей нашей страны, всего отечественного китаеведения и российской политики в отношении Китая.

2 сентября 2013 г. в Культурно-информационном Центре Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы академик РАН С.Л. Тихвинский принимал поздравления по случаю 95-летия со дня рождения от своих коллег и друзей. Зал был украшен транспарантом, приветствовавшим С.Л. Тихвинского в связи с его знаменательным юбилеем и портретом ученого, написанным в стиле «гохуа» известным китайским писателем, художником и переводчиком русской и советской литературы, почетным доктором ИДВ РАН, кавалером российского ордена «Дружбы» Гао Маном.

Открывая церемонию и вручая юбиляру приветственные адреса от коллектива сотрудников и активистов Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы академик М.Л. Титаренко подчеркнул, что в нашей стране знают академика С.Л. Тихвинского как выдающегося ученого-энциклопедиста, всемирно известного историка-востоковеда, крупного организатора российской исторической науки, признанного лидера отечественного китаеведения, видного дипломата и общественного деятеля, блестящего педагога, подготовившего целую плеяду учеников и последователей. Многолетний самоотверженный труд С.Л. Тихвинского был отмечен высокими государственными наградами нашей страны и ряда зарубежных стран.

Среди большого числа гостей, пришедших в тот день в ИДВ РАН поздравить юбиляра, было много видных ученых, руководителей академических институтов и высших учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, представителей МИД РФ и других государственных и общественных организаций, большая группа дипломатических сотрудников Посольства КНР во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Лу Хуэем, представителей китайской диаспоры в Москве, российских и китайских средств массовой информации.

Председательствовавший на церемонии директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко с большим удовлетворением сообщил собравшимся, что в адрес С.Л. Тихвинского поступило приветствие от Президента РФ В.В. Путина.

«Уважаемый Сергей Леонидович! Сердечно поздравляю Вас с 95-летним юбилеем. Крупный ученый, дипломат и общественный деятель, Вы посвятили свою жизнь служению интересам Отечества. Ваша многогранная деятельность, огромный вклад в развитие исторической науки снискали Вам заслуженный авторитет в нашей стране и за

рубежом. Важно, что Ваши знания, опыт и богатый творческий потенциал по-прежнему востребованы и содействуют укреплению дружественных отношений между Россией и Китаем. От всей души желаю Вам доброго здоровья, благополучия, бодрости духа и всего самого лучшего», — говорилось в приветственном послании Президента.

«Ваши заслуги признаны во всем мире. Огромный опыт и знания помогают Вам на научной, организаторской и педагогической ниве, а благодаря трудам воспитывается новое поколение талантливых учеников и последователей», — эти слова адресовал юбиляру помощник Президента РФ А. Фурсенко.

Одним из первых в адрес С.Л. Тихвинского поступило поздравление от Президента Российской академии наук В.Е. Фортова. В приветственном послании, подписанном В.Е. Фортовым и главным ученым секретарем Президиума РАН И.А. Соколовым, говорилось: «Президиум Российской академии наук сердечно поздравляет Вас, выдающегося ученого-востоковеда, дипломата, государственного и общественного деятеля с 95-летием со дня рождения. Ваша жизнь — пример самоотверженного служения Отечеству и российской науке. Еще совсем молодым человеком Вы были призваны на ответственную дипломатическую работу. Блестящее владение китайским языком, глубокие познания в истории и культуре Китая помогли Вам снискать авторитет среди политической и культурной элиты этой страны. С Вашим именем связаны многие исторические события, в том числе установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой... Благодаря огромному таланту и трудолюбию. Вы сумели стать достойным продолжателем лучших традиций отечественной ориенталистики. Получив основательную синологическую подготовку под руководством академика В.М. Алексеева. Вы приобрели известность в России и далеко за ее пределами как крупнейший специалист в области новой и новейшей истории Китая, других стран Дальнего Востока, а также истории международных отношений. Вы — автор девяти фундаментальных монографий и свыше шестисот публикаций. В шести томах издано собрание Ваших избранных произведений. Вас хорошо знают и как крупного организатора науки. В разные годы Вы руководили Институтом китаеведения АН СССР, являлись заместителем директора Института народов Азии и Института экономики мировой социалистической системы, академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, главным редактором журнала «Новая и новейшая история»... Вы всегда уделяли большое внимание подготовке молодых востоковедов и дипломатов в стенах таких учебных заведений, как МГИМО и дипломатическая Академия МНД СССР, ректором которой Вы были на протяжении ряда лет. Среди Ваших учеников немало кандидатов и докторов наук, а также один член-корреспондент и один академик... Ваш авторитет признан мировой научной общественностью, Вы избраны членом ряда престижных зарубежных академий и научных обществ... Ваши исключительные заслуги перед страной отмечены многими орденами и медалями. Вы лауреат двух Государственных премий СССР и Государственной премии Российской Федерации, национальной премии «Триумф» в номинации «Гуманитарные науки».

С теплыми поздравлениями в адрес юбиляра обратился также вице-президент РАН академик В.В. Козлов.

Среди многочисленных коллег и гостей, собравшихся в Китайском зале ИДВ РАН, было много сотрудников МНД РФ и его зарубежных представительств.

Заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов огласил приветственное послание в адрес юбиляра от министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова. «Вы — один из самых именитых российских дипломатов, посвятивших всю свою жизнь служению Отечеству. Ваша биография отмечена участием в исторических событиях, а профессиональные достижения вписаны в летопись внешней политики нашей страны. — отмечалось в приветствии. — Неоценим Ваш вклад в становление и развитие связей с Китайской Народной Республикой. Сегодня они вышли на беспрецедентно высокий уровень, что бы-

ло бы невозможно без Ваших усилий по созданию базы наших отношений с великим восточным соседом. Огромное уважение Вы снискали на научном поприще, по праву став корифеем российской ориенталистики. Из-под Вашего пера вышли фундаментальные труды по истории и современной жизни Китая, вопросам внешней политики, ставшие настольными книгами для многих поколений российских дипломатов. Отрадно, что и сегодня Вы продолжаете плодотворно трудиться, являя собой пример высочайшей профессиональной самоотдачи, неиссякаемой энергии и жизненного оптимизма».

На чествовании были оглашены также поздравления С.Л. Тихвинскому от его бывших учеников и коллег: Посла РФ в КНР А.И. Денисова, Посла РФ в Итальянской Республике С.С. Разова и Посла РФ в Республике Корея К.В. Внукова.

Исключительно теплое поздравление от имени коллектива китаистов МИД вручил юбиляру директор I Департамента Азии А.Б. Кулик.

«На внешнеполитическом направлении Вы проработали многие десятилетия, войдя в число самых опытных и авторитетных российских дипломатов. Вы были и остаетесь одним из корифеев отечественной дипломатии, построивших свою яркую карьеру на основе беззаветного служения Родине... Вы установили высочайший профессиональный стандарт... Для Ваших соратников по цеху Вы всегда были и остаетесь духовным наставником, отличающимся отзывчивостью, справедливостью, добротой и открытостью. Присущий Вам неиссякаемый оптимизм, созидательная энергия и мудрость всегда служат для нас неоценимой поддержкой и опорой», — написали в своем послании китаисты МИДа.

Юбиляра тепло поздравили также сотрудники Историко-документального департамента МИД России, во главе которого в течение пяти лет стоял С.Л. Тихвинский. «Возглавляя Историко-дипломатическое управление, Вы вывели его на качественно новый научный и политический уровень, придав мощный творческий заряд его работе на десятилетия вперед... Для нас, сотрудников Историко-документального департамента МИД России, Вы были и остаетесь блестящим образцом дипломата и ученого, обладающего неиссякаемой творческой энергией и огромным научным потенциалом», — написали Сергею Леонидовичу ветераны и молодые сотрудники архивной дипломатической службы.

Со словами приветствия к Сергею Леонидовичу обратились также коллеги из Совета ветеранов войны и труда Министерства иностранных дел России. «Всегда Вы были и остаетесь для нас правофланговым в строю ветеранов МИД, ориентиром честности, доблести, бескорыстного служения Отечеству и нашему народу», — написали они в приветственном обращении.

Исключительно теплые приветственные послания поступили Сергею Леонидовичу от его бывших учеников, ректора Дипломатической академии, доктора исторических наук, профессора Е.П. Бажанова и ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова.

«Самый молодой душой академик Российской академии наук, Вы сами стали неотъемлемой частью истории и современности нашей науки, дипломатии и международной жизни нашей страны. МГИМО(У) МИД России гордится тем, что часть Вашей творческой и профессиональной жизни прошла именно в стенах нашего университета. Многие из нас считают Вас своим Учителем», — написал в юбилейном послании А.В. Торкунов.

«Вы по праву принадлежите к выдающейся плеяде научной, дипломатической и педагогической элиты России, служению которой Вы посвятили свою долгую и плодотворную жизнь... Добрым словом вспоминают сотрудники Дипакадемии тот период, когда Вы, уважаемый Сергей Леонидович, стояли во главе нашего учебного заведения и проявили себя выдающимся педагогом, ученым, организатором, чутким руководителем...», — эти слова из приветствия Дипломатической Академии МИД РФ.

«Вы снискали глубокое уважение в академической среде благодаря энциклопедическим знаниям и колоссальному опыту, которым с неизменной доброжелательностью делитесь с коллегами. Многие выдающиеся ученые и дипломаты с гордостью называют Вас своим учителем», — подчеркнул в обращении к юбиляру академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН академик В.А. Тишков и заместители академика-секретаря академики Н.А. Макаров и А.М. Молдаван.

Как к своему учителю обратились в приветственных посланиях к Сергею Леонидовичу директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян и директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук Ю.А. Петров.

«Мы глубоко чтим Вас и как ученого, и как прекрасного руководителя. И, главное, как человека. Для нас, для Ваших почитателей в Институте всеобщей истории, как и для всех историков нашей страны, Вы — патриарх исторической науки», — написал А.О. Чубарьян.

Теплые приветственные послания также поступили юбиляру от директора Института философии РАН академика А.А. Гусейнова, директора Института восточных рукописей из Санкт-Петербурга И.Ф. Поповой, декана Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета члена-корреспондента РАН М.Б. Пиотровского. «Современное отечественное Китаеведение без Вас представить невозможно. В наше непростое время во многом именно благодаря Вам, Вашей неиссякаемой энергии отечественное Китаеведение сумело не только выстоять, но и добилось немалых успехов. Очередным крупным вкладом в науку станет десятилетняя история Китая «От древнейших времен до наших дней», инициатором создания которой и руководителем огромного авторского коллектива Вы являетесь», — написал в своем приветственном послании М.Б. Пиотровский.

«Коллектив исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с большой признательностью отмечает Вашу активную общественную деятельность по сохранению культурного наследия человечества. Вы являетесь членом редколлегии и автором многотомного издания «История научного и культурного развития человечества», осуществляемого ЮНЕСКО, — говорится в приветственном послании декана исторического факультета МГУ, академика РАН, профессора С.П. Карпова.

Чествование юбиляра продолжалось не один час, и в зал продолжали приходить коллеги, ученики и друзья Сергея Леонидовича, чтобы выразить ему свое глубокое уважение и почтение.

Председатель Фонда «Историческая перспектива» Н.А. Нарочницкая, пришедшая с большим букетом цветов, вручила юбиляру свое приветственное послание: «На всем протяжении Вашей долгой прекрасной жизни Вы служили прежде всего вечным и неизменным национальным интересам исторической России, поскольку во все времена долг и честь служения преемственному Отечеству почитали превыше всего.

В Вашей исполненной личности воплощено все величие поколения, которое создавало, строило и защищало нашу страну в XX веке, и свершения которого остаются главным залогом ее судьбы и продолжения в веке XXI».

В Китайский зал Института Дальнего Востока РАН с поздравлениями к юбиляру пришли также делегации: Института востоковедения РАН во главе с членом-корреспондентом РАН, профессором В.В. Наумкиным и Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова во главе с его директором, доктором исторических наук, профессором И.И. Абылгазиевым.

«Ваш юбилей — это замечательное событие в жизни всей российской гуманитарной науки, дает повод нам, Вашим ученикам и коллегам, сказать слова искреннего уважения и восхищения по поводу тех замечательных научных и гражданских свершений, которые были достигнуты Вами на протяжении прожитых Вами лет. Ваш юбилей

дает все основания показать молодому поколению ученых и всей российской интеллигенции пример честного, бескорыстного преданного служения своему долгу, своему призванию», — говорится в приветственном послании В.В. Наумкина.

«Ваша насыщенная множеством событий деятельность на протяжении многих десятилетий в качестве практического китаевода, дипломата, государственного деятеля, историка, организатора науки, педагога снискала широкую известность в стране и за рубежом, — написал юбиляру И.И. Абылгазиев... Университетские востоковеды благодарны Вам за Ваши блестящие лекции в стенах Московского университета, а также за постоянную заботу и поддержку, которую Вы оказываете в подготовке кадров китаеведов в ведущих университетах России».

«Ваша жизнь — целая эпоха научных поисков и блестящих открытий, благородных устремлений и свершений. Это деятельная жизнь человека, постоянно стремящегося к совершенствованию и себя, и окружающего мира, это формирование и развитие личности, которой чужды проявления праздности и равнодушия... В этот торжественный день мне особенно приятно отметить большую роль, которую Вы всегда играли в единении российского профессионального научного сообщества, содействуя интеграции академической и вузовской науки», — эти слова из приветственного послания ректора Российского государственного гуманитарного университета, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара.

«Вы стали примером для многих российских ученых, решивших посвятить свою жизнь служению интересам России и российской науки. Вы явились для нас образцом научной строгости и принципиальности, наставничества и создания крупнейшей отечественной школы китаеведения. Вы сформировали вокруг себя особую культуру интеллектуального общения, научного поиска, тщательной экспертно-аналитической работы. Многим из нас посчастливилось учиться у Вас и общаться с Вами как ученым с мировым именем, щедро передающим свои знания и опыт», — написал в своем поздравлении Сергею Леонидовичу один из его бывших учеников, а ныне доктор исторических наук, профессор А.А. Маслов.

На чествовании было оглашено также приветственное послание юбиляру от директора Исторического музея, лауреата Государственной премии А.Д. Яновского. «Замечательный подлинно русский человек, настоящий интеллигент. Вы внесли и вносите огромный вклад в дело сохранения и изучения исторической памяти нашего народа. Вашу роль в укреплении позиций нашей страны на международной арене и духовно нравственном возрождении России трудно переоценить», — говорилось в приветствии.

В Институт Дальнего Востока РАН поздравить юбиляра пришли его давние коллеги: член-корреспондент РАН, генеральный директор Академиздатцентра «Наука» В.И. Васильев и руководитель издательской фирмы «Восточная литература» С.М. Анискина.

«Вы один из самых уважаемых и любимых авторов Академиздатцентра «Наука» РАН и его издательского отделения — фирмы «Восточная литература»... По Вашей инициативе, под Вашим руководством готовящаяся к изданию десяти томная «История Китая с древнейших времен до наших дней» — это труд, подводящий своеобразный итог более чем 200-летнему изучению истории Китая в России... Издательство «Наука» и фирма «Восточная литература» с радостью и гордостью работают над этим изданием», — сообщили они в своем приветствии.

Приветственные послания в адрес юбиляра продолжали поступать. Сергея Леонидовича приветствовали его друзья и коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, руководители Росархива.

Известный российский журналист, писатель и публицист политический обозреватель «Российской газеты» В.В. Овчинников в своем приветствии в адрес Сергея Леонидовича по случаю его юбилея вспоминал их совместные поездки в Китай, высокое уважение и почтение, которое неизменно проявляли к нему китайские товарищи, отмечая

при этом его необычайно широкий кругозор, глубокие знания, необыкновенное умение общаться, всегда проявляя при этом уважение к собеседнику.

А в приветственном послании, поступившем юбиляру от Российской государственной радиовещательной компании «Голос России», Сергей Леонидович Тихвинский был назван Голосом России, в течение всех лет его жизни и активной государственной и общественной деятельности призывающим к укреплению и развитию взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между странами и народами.

В этот юбилейный день все пришедшие в зал, чтобы поздравить юбиляра и направившие ему свои приветственные послания, были едины в том, что академик, Чрезвычайный и Полномочный Посол С.Л. Тихвинский на своем продолжительном трудовом пути ученого, дипломата и педагога всегда был и остается примером и образцом честного, бескорыстного, преданного служения своему долгу, своему призванию, нашей великой Родине.

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй в сопровождении сотрудников Посольства был в числе первых, пришедших в Культурно-информационный центр Института Дальнего Востока и Общества российско-китайской дружбы, чтобы лично поздравить академика С.Л. Тихвинского — почетного Председателя ОРКД.

«Уважаемый Сергей Леонидович! По случаю Вашего 95-летия со дня рождения примите мои самые сердечные поздравления», — сказал посол Ли Хуэй.

«Вы — всемирно известный ученый-востоковед, лидер российского китаеведения. Вы пользуетесь большим авторитетом, глубоким уважением и искренней любовью со стороны китайского народа. Как видный дипломат, выдающийся государственный и общественный деятель России, Вы внесли весомый вклад в дело становления и развития дружественных отношений между нашими странами, в дело создания и углубления китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Ваш многолетний самоотверженный труд по изучению Китая и его популяризации принесли и приносят обильные плоды. Ваши труды обогащают читателей знаниями и способствуют духовному сближению наших народов. Дорогой академик Ци Хэвэнь, Вы — большой друг китайского народа. Я рад с Вами поддерживать тесные связи и контакты и готов укреплять нашу личную дружбу. От всей души желаю Вам крепкого здоровья, счастья и творческого долголетия!»

Посол Ли Хуэй вручил Сергею Леонидовичу большую тарелку с его портретом, изготовленную прославленными мастерами Цзиндэчжэня.

Исключительно теплые поздравления по случаю 95-летнего юбилея поступили Сергею Леонидовичу Тихвинскому от Председателя Китайского народного общества дружбы с заграницей Ли Сяолинь и Председателя Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу.

«Вы не только являетесь корифеем российского китаеведения, светилом истории и востоковедения. Вы являетесь очевидцем и участником российско-китайского делового сотрудничества, способствуете укреплению дружбы двух государств на современном этапе. Вы оставили замечательные яркие страницы в летописи российско-китайских отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества», — написала в своем приветственном послании Ли Сяолинь.

«Вы посвятили жизнь изучению и популяризации китайской истории и литературы, всю свою жизнь неустанно трудились ради развития советско-китайских и российско-китайских отношений. Вы — обладатель глубочайших знаний, выдающихся достижений, столь дружественных по отношению к Китаю. Вашим ученикам и последователям нет числа. Вы не только образец для подражания, Вы — наша гордость!» Этими высокими словами приветствовал Сергея Леонидовича Тихвинского Председатель Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу.

К теплым словам и высокой оценке руководителей присоединились все наши друзья и коллеги из Китайского народного общества дружбы с заграницей и Общества китайско-российской дружбы, назвавшие Сергея Леонидовича «своим учителем, простым, добрым и приветливым человеком, давним и искренним другом китайского народа».

С исключительно теплым, поэтичным посланием обратился к С.Л. Тихвинскому его давний большой друг известный писатель, художник, переводчик русской и советской литературы Гао Ман.

«На не всегда гладком пути советско-китайских и российско-китайских отношений... Вы трудились без усталости, демонстрируя невероятные усилия... Ваши глубочайшие знания и великолепный китайский язык вызывают восхищение. Вы, словно капли сладкой росы на цветке дружбы России и Китая, источаете для потомков изумительный аромат», — написал он в своем поэтическом поздравлении.

Поздравление по случаю юбилея поступило Сергею Леонидовичу также от Ли Иннань — дочери Елизаветы Павловны Кишкиной, супруги Ли Лисяня, видного партийного и государственного деятеля Китая, отметившей в этом году свое 99-летие.

«Вас помнят и знают в Китае как старейшину российской дипломатии и китаистики, как легендарного участника многих исторических событий, закладывающих фундамент российско-китайских отношений... Мы восхищаемся Вами как человеком и ученым», — написала Ли Иннань в своем поздравительном письме.

Сергея Леонидовича Тихвинского приветствовали также китайские ученые. Генеральный секретарь Общества по изучению китайско-российских отношений, профессор Луань Цзинхэ подчеркнул: «Вы — старый друг китайского народа, а также уважаемый советник нашего общества... Желаем Вам долголетия, как у Южных гор, и безмерного счастья, как вода Восточного моря».

Приветствие в Москву пришло и от Президента Шанхайской академии общественных наук, профессора Ван Цзяня. «Вы всю жизнь посвятили укреплению российско-китайских научных и культурных связей, продвижению знаний о Китае в мире. Вызывает восхищение Ваша дальновидность, великое множество Ваших последователей и неопределимая значимость Ваших благодеяний... Подтверждением Ваших заслуг является и награда «За вклад в мировое китаеведение», утвержденная Шанхайской академией общественных наук», — написал в своем поздравительном письме профессор Ван Цзянь.

Сергей Леонидович Тихвинский известен в нашей стране и в Китае не только как выдающийся ученый-историк и дипломат, но и как активный сторонник народной дипломатии в российско-китайских отношениях.

«В этот памятный день Вашего юбилея мы с огромным удовлетворением и гордостью отмечаем то большое внимание и особую заботу, которые Вы всегда уделяли развитию народной дипломатии в российско-китайских отношениях», — написали в своем приветствии Председатель ОРКД академик М.Л. Титаренко и первые заместители Председателя академик В.И. Жуков, В.И. Иванов и Г.В. Куликова.

«Вы, дорогой Сергей Леонидович, не только стояли у истоков установления дипломатических отношений между нашими странами, но и были участником становления российско-китайских общественных связей».

В Пекине 5 октября 1949 г. Вы участвовали в учредительном собрании Общества китайско-советской дружбы, а 29 октября 1957 г. в Москве были участником учредительного собрания по созданию Общества советско-китайской дружбы — первых обществ дружбы с народами зарубежных стран.

В течение всех 56 лет со дня создания Общества российско-китайской дружбы, будучи сначала заместителем, затем первым заместителем, а с 1984 по 1998 г. — Председателем Центрального Правления Общества советско-китайской дружбы, Вы всегда были самым активным участником и организатором всех значимых мероприятий рос-

сийской общественности по развитию и укреплению дружбы с китайским народом. В трудные годы российско-китайских отношений особое значение имела деятельность ОРКД под Вашим руководством и при Вашем непосредственном личном участии, приведшая к нормализации, а затем и к восстановлению российско-китайских отношений и общественных связей.

И сегодня, уважаемый Сергей Леонидович, на посту Почетного председателя Общества российско-китайской дружбы Вы продолжаете принимать деятельное участие в работе общества, в развитии российско-китайских общественных связей. Каждый шаг Вашей деятельности в рамках народной дипломатии оправдывает высокое звание «Посланник народной дружбы», которым удостоили Вас наши китайские друзья».

Чествование Сергея Леонидовича Тихвинского по случаю его знаменательного юбилея — 95-летия со дня рождения, состоявшееся в Москве 2 сентября 2013 г., вылилось не только в высокую оценку его неустанного многолетнего труда во имя лучшего взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами, но и в торжество российской науки и дипломатии.

Как автору этой статьи, прошагавшей вместе с Сергеем Леонидовичем более чем полувековой путь, мне остается с большой радостью разделить все высокие слова, сказанные его коллегами и друзьями, и сказать, что для меня лично Сергей Леонидович всегда был и остается учителем, старшим товарищем и человеком, к которому со студенческих лет я испытываю высочайшее уважение и почтение, который всегда был для меня недостижимым примером знаний, обязательности, трудоспособности, ответственности и необыкновенной человечности.

Спасибо Вам большое, дорогой Сергей Леонидович, за все это!

*Г. Куликова,
Первый заместитель Председателя Правления
Общества российско-китайской дружбы.*

Академик С.Л. Тихвинский просит через журнал «Проблемы Дальнего Востока» выразить глубокую признательность всем поздравившим его с юбилеем.

Изучение китайской философии и религии в России в начале XXI в.*

© 2013

М.Титаренко, А.Ломанов

В статье рассмотрены основные тенденции и научные события в изучении китайской философии и религии в России после 2000 г. Среди ведущих научных направлений выделены создание комплексной энциклопедии «Духовная культура Китая», изучение наследия неоконфуцианства, роли китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада, исследование практических аспектов современной религиозной жизни в Китае.

Ключевые слова: Россия, китаеведение, философия, религия, цивилизация

В области изучения китайской философии и религии в России наиболее заметным событием первого десятилетия XXI в. стало издание комплексной шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая»¹. Отечественные ученые полтора десятилетия трудились над подготовкой этой работы, в итоге им удалось осуществить задачу, которую их предшественники поставили еще в первой половине XX в.

Путь к созданию энциклопедических справочников о Китае

Первым шагом в направлении создания авторитетного всеобъемлющего справочного издания стал изданный в 1940 г. сборник «Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость»². В книгу вошли два десятка статей о различных аспектах жизни Китая, написанные ведущими исследователями. Помимо материалов об истории, современной политике и экономике, в сборнике были опубликованы статьи о традиционной культуре (А.А. Петров «Очерк философии Китая», В.М. Алексеев «Китайская литература (историко-библиографический очерк)», Г.О. Монзелер «Религии в Китае»).

Сборник «Китай» стал моделью для последующих изданий справочно-аналитических трудов о Китае и других странах. К 50-летию КНР в 1999 г. ИДВ РАН выпустил фундаментальный труд «Китай на пути модернизации и реформ»³, который по форме и по методологии построения содержания следовал примеру сборника 1940 г. В книгу вошла статья В.Ф. Феоктистова, посвященная рассмотрению процессов формирования российской философской синологии и ее специфических черт⁴. Помимо этого, в сборнике были опубликованы статьи, посвященные теории социализма с китайской спецификой, диалогу культурных традиций России и Китая, религиозной ситуации в совре-

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, доктор философских наук, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант №12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

менном Китае, актуальным тенденциям в развитии китайской культуры. Эта книга сыграла важную позитивную роль в создании объективного образа Китая и преодолении в общественном сознании россиян негативных стереотипов восприятия соседней страны, накопившихся в 1960–1980-е гг. в период советско-китайского идеологического и политического противостояния.

Одним из редакторов сборника «Китай» 1940 г. был выдающийся отечественный китаевед В.М. Алексеев (1881–1951), неустанно призывавший к созданию и активному использованию справочных изданий по Китаю. Ученый читал серию курсов под общим названием «Энциклопедия китайской культуры», ее составными частями были «культура, история, литература, языки, китайская наука, европейская синология, искусство, быт, лекции путешественникам и т.д.»⁵.

В 1930-е годы В.М. Алексеев указывал, что потребность в справочных изданиях обусловлена большими изменениями, происходящими в языке и в китайской культуре в целом. Прежняя образовательная система, построенная на заучивании текстов, ушла в прошлое. Если прежде в Китае «справочником» служил сам изучаемый текст, то теперь образованным людям, испытавшим влияние западной культуры, требуется внешнее толкование текста. «Ныне без механического энциклопедизма китайцам, как и нам, очень трудно контролировать точное и уверенное понимание текста, которое уже не основано на былой их синтетической подготовке текстами к текстам (основными — ко всяким дальнейшим), создававшими интуицию начетчика как некую музыку, звучащую в неограниченном количестве мелодий, которые определяли как основные мотивы текста, так и все его нюансы...»⁶.

Таким образом, когда внутри Китая образованные люди утрачивают прежний целостный подход в понимании классики, за рубежом китаеведам приходится заниматься изучением современных проблем, и они также не могут сосредоточить все силы на постижении китайских памятников разных эпох. В этой ситуации роль более или менее полного словаря китайского языка и тематических справочников по китайской культуре растет как в Китае, так и за его пределами, хотя — и В.М. Алексеев постоянно предупреждал об этом — для настоящего китаеведа использование таких пособий не может заменить работу с китайским текстом, справочник «координирует знания», но не замещает их. Ученый подчеркивал важность самостоятельной работы китаеведов по составлению собственных справочных инструментов, каталогов и индексов. Вместе с тем, он призывал в полной мере снабдить студентов-китаеведов зарубежными справочными изданиями, отмечая, что «читать и старый, и современный китайский текст без китайского справочника значит обрекать себя и своих читателей на весьма убогое и экзотичное понимание вещей»⁷.

В конце 1930-х годов В.М. Алексеев начал фундаментальную работу по подготовке наиболее полного китайско-русского словаря, который включал бы в себя все богатство китайского языка с древности до наших дней. В опубликованных в 1948 г. материалах для обсуждения концепции будущего словаря ученый подчеркивал, что это должен быть «словарь всего китайского культурного наследия», «словарь китайской научной и культурной современности», «словарь человека, интересующегося Китаем и его научно изучающим»⁸. Эту работу продолжила группа учеников В.М. Алексеева во главе с И.М. Ошаниным, в итоге китайско-русский словарь был издан в 1952 г., а затем в 1983–1984 гг. появился «Большой китайско-русский словарь» в четырех томах⁹.

Уже в довоенные годы в нашей стране возникла проблема популяризации знаний о Китае. Аудитория, нуждавшаяся в справочных изданиях, заметно расширилась. Иностранцы указатели и толкования к китайским классическим текстам, которые требуются ограниченному числу профессиональных исследователей, удовлетворить эту потребность не могли. В 1944 г. В.М. Алексеев призвал снабдить китаеведов, прежде всего начинающих, справочными изданиями по китайской культуре на русском языке. Тогда они смогли бы

использовать эти справочники еще до того, как уровень знания языка позволит им обратиться к китайским изданиям. Ученый допускал, что первым шагом может стать перевод китайских справочников, однако вслед за этим следует опубликовать книги, подготовленные отечественными авторами. «Мне думается, что нам прежде всего необходимы энциклопедии, специально посвященные Китаю, со статьями наших советских ученых о стране и ее культуре. Тогда и дальнейшая любознательность, и затем научная подготовка кадров, пойдут совершенно иными путями и темпами, а не так, как бывает, когда люди садятся за изучение языка, ничего не зная о стране и культуре. Я легко себе представляю, как начинающий китаист с такою энциклопедией в руках явится уже не начинающим, а завершенным, и сам процесс овладения языком не будет уже для него решением уравнения со многими неизвестными, как то было до сих пор, когда ему приходилось решать и задачу текста, и задачу знания предмета одновременно»¹⁰.

Образование КНР вызвало в нашей стране устойчивый и широкий интерес общественности к истории и культуре великого соседа, что способствовало появлению и распространению справочных изданий о Китае. В 1954 г. в виде отдельной книги была издана статья «Китай» из Большой советской энциклопедии¹¹. Это компактное издание охватывало также проблемы китайской культуры, раздел «Философия» был подготовлен китайским ученым Хоу Вайлу, исследовавшим историю философии с марксистских позиций. Вместе с тем, поставленная В.М. Алексеевым задача создания энциклопедий о Китае была далека от воплощения. Лишь через несколько десятилетий формирование научных школ, расширение тематики отечественных синологических исследований и публикация достигнутых результатов в виде многочисленных статей и монографий создали необходимую основу для подготовки обобщающих справочных изданий.

Издание в 1994 г. первого в истории западного китаеведения энциклопедического словаря «Китайская философия»¹² позволило научному коллективу ИДВ РАН накопить ценный опыт систематизации материала китайской культуры, стандартизации трактовки китайской философской терминологии с одновременным выявлением ее глубины и многозначности. Эта работа оказала существенное влияние на развитие философской синологии в России. Новые знания были получены благодаря подготовке академических переводов канонов китайской мудрости, стали шире представления о методологии исследований, включавшей сравнительный анализ содержания категориальных аппаратов и логики построения философских систем китайских и западных мыслителей соответствующих эпох.

Однако спрос на универсальные энциклопедические работы по китайской культуре оставался неудовлетворенным. В 1999 г. появился небольшой словарь-справочник исследователя истории древнекитайской мысли Г.А. Ткаченко «Культура Китая». В книгу вошли 250 словарных статей, относящихся к истории, философии, религии, мифологии и искусству¹³. Попытку представить свой особый всеобъемлющий, но вместе с тем субъективный личностный взгляд на китайскую цивилизацию¹⁴, предпринял живущий и работающий ныне на Тайване российский исследователь В.В. Малявин (первоначально ученый входил в состав редакционного совета будущей академической энциклопедии китайской культуры). Книга содержала главы, посвященные китайской философии (классические школы китайской морали, философская традиция, эпохи китайской философии) и религии (народные верования и культы, буддизм, даосизм, синкретические религии, иностранные религии).

Проблемы философии в энциклопедии «Духовная культура Китая»

В середине 1990-х годов в ИДВ РАН под руководством и по инициативе М.Л. Титаренко началась работа по подготовке многотомной энциклопедии «Духовная культура Китая». Она была призвана в обобщенном виде рассказать о самобытности, внут-

ренной целостности и многообразии китайской цивилизации с древности до наших дней. Требовалось совместить строгие научные стандарты с просветительскими целями проекта, призванного показать не только динамику развития китайской культуры, выявить связь древности и современности, но и раскрыть место и роль китайской цивилизации в мировой культуре. Это справочное издание должно было удовлетворить запросы образованной аудитории, стремившейся расширить познания о Китае и стать ценным подспорьем для начинающих китаеведов. Заместитель главного редактора энциклопедии А.И. Кобзев заметил, что в конце XX в. на Западе в академических кругах появилась необходимость структурировать и обобщить знания, накопленные за четыре века знакомства с Китаем и два века его изучения. «Как любая нормальная наука, синология, развиваясь, настолько дифференцировалась, что стала уделом не энциклопедистов, а специалистов, которым необходимы энциклопедии»¹⁵. Иными словами, энциклопедия учитывает глубоко профессиональные интересы китаеведов, стремящихся получить достоверную обобщенную информацию о тех или иных сферах китайской культуры, ознакомиться с достигнутым уровнем исследований и библиографией основных трудов по этим направлениям.

Составители и авторы этого фундаментального труда исходили из понимания того, что современное развитие Китая и его очевидные феноменальные успехи в экономическом, социальном и культурном развитии невозможно объективно и целостно понять и объяснить без проникновения в основы китайской традиционной цивилизации и прежде всего философии. «Энциклопедия создавалась как ответ на научные и образовательные запросы современности в связи с необычайным ростом общественного интереса к китайской культуре, опыту модернизации этой страны. Авторы и составители энциклопедии учитывали не только значительное влияние китайской духовности на формирование культур многих соседних с Китаем стран, но и тот факт, что китайская культура составляет весомую часть сокровищницы мировой культуры. Кроме того, принималось во внимание и то, что быстро меняющийся в ходе осуществления политики реформ и открытости Китай становится одной из мировых держав, определяющих во многом будущее человечества и мировой цивилизации»¹⁶.

Каждый из томов энциклопедии открывается с рассмотрения вводных и общих вопросов в обзорных статьях, позволяющих читателю получить предварительное представление о предмете. Далее следует словарный раздел, в котором в алфавитном порядке располагаются статьи о китайской терминологии, течениях мысли, школах и группах, персоналиях и произведениях. Третий раздел каждого тома призван помочь читателю найти в книге нужную информацию, в него входят подробные указатели (имена, термины, понятия, течения и организации, произведения); помимо этого, для продолжения поиска интересующих сведений можно обратиться к тематической библиографии отечественных изданий за последние полвека.

Первый том «Философия» вобрал в себя в переработанном виде часть материалов из словаря «Китайская философия», в нем также появились новые обзорные статьи «Философия и духовная культура Китая», «Самоопределение китайской философии», «Категории и основные понятия китайской философии», «Логика и диалектика в Китае», «Китайская этническая мысль», «Китайская эстетическая мысль». Главный вывод, который вытекает из многоплановых академических исследований истории китайской мысли, сводится к тому, что присущая китайскому менталитету глубокая историческая память, уважение к истории и традициям служат мощной основой китайской национальной идентичности и регулятором в отношениях китайской культуры с культурами других народов. Именно этим определяется тот факт, что все заимствования из других культур во все исторические эпохи получали «право гражданства» в китайской культуре лишь после прохождения стадии китаизации, а все нарождающееся новое должно проходить стадию

установления национальных первоисточков. В Китае новое рождается на основе отбрасывания устаревшего, но это не огульное уничтожение, а «снятие» старого.

Второй том «Мифология. Религия» открывают обобщающие статьи о китайской мифологии и ее изучении в Китае и за рубежом, народных верованиях и государственных культах, мировоззренческих категориях, мантике и астрологии. В книге приводится сводный очерк исторического развития религиозной ситуации в Китае, рассматриваются конфуцианский культ, даосизм, буддизм, синкретические секты, иностранные религии (христианство, включая Православие, ислам, иуданзм, зороастризм, манихейство). По содержанию книга очень близко примыкает к тому «Философия». «Эти два начальных тома в наибольшей степени связаны друг с другом и могут рассматриваться как самостоятельный двухтомник, посвященный единому духовному комплексу философско-теологической мысли и религиозно-мифологического сознания, основанному на общей терминологической, текстологической и ритуально-литургической базе»¹⁷.

Помимо этого, важные аспекты китайской традиционной научной методологии, имевшей философскую подоплеку, рассмотрены в пятом томе «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование». В общем разделе тома рассматриваются методологические науки (нумерология, математика), науки о небе (астрология, астрономия, метеорология, календарь), физические науки, науки о земле (включая геомантию *фэн шуй*), инженерная мысль, науки о превращении веществ (алхимия, химия), науки о жизни и человека (биология, медицина, эротология, макробиотика). Составители тома подчеркивали, что его структура построена на оригинальном сочетании китайской и западной науковедческих моделей — в частности, в словарный раздел вошла статья о китайской синологии-*госюэ*. Тематическое многообразие тома соответствовало широте китайского традиционного понимания науки, охватывающей гуманитарные и естественные сферы, практические и псевдонаучные с современной точки зрения дисциплины (астрологию, алхимию, геомантию). Подобное понимание объединяет китайскую науку с философией и религией в единое синкретическое целое, что неразрывно связывает т. 5 ст. 1–2.

Создание энциклопедии стало делом большого коллектива отечественных исследователей китайской культуры — помимо ученых из ИДВ РАН, в ней принимали участие специалисты из других синологических центров Москвы, а также из Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Владивостока, Новосибирска. Особенностью книги стало появление в ней статей, опирающихся на публикации ушедших из жизни ученых¹⁸. Работа над энциклопедией позволила подвести итоги развития российского китаеведения, систематизировать накопленные исследовательские материалы, выявить «белые пятна» и наметить перспективные направления исследований. Одна из целей проекта заключалась в том, чтобы «представить китайскую духовную культуру так, как она выглядит сквозь призму российской синологии»¹⁹. И в этом отношении книга вносит вклад не только в постижение Китая, но и в укрепление и развитие традиций отечественной науки.

Символичной была история издания энциклопедии. Выход в свет первого философского тома в 2006 г. совпал с проведением национального Года России в Китае. Это было высоко оценено китайской общественностью, том завоевал первое место на международной книжной ярмарке в Пекине. Завершение публикации энциклопедии «Духовная культура Китая» в 2010 г. не менее символично совпало с проведением Года китайского языка в России, нацеленного на популяризацию среди россиян знаний о китайской культуре. Работа российских ученых внесла свой вклад в содействие культурному сближению между двумя народами.

В июне 2011 г. главный редактор издания М.Л. Титаренко и заместители главного редактора А.И. Кобзев и А.Е. Лукьянов были удостоены Государственной премии Российской Федерации за 2010 г. в области науки и технологий «за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной ака-

демической энциклопедии «Духовная культура Китая»²⁰. В официальном сообщении было отмечено: «Широта тематики, точность фактов и глубина теоретической проработки не имеют аналогов ни в одной сопоставимой научной дисциплине. Энциклопедия значительно обогащает программы профессиональной подготовки отечественных китайедов, открывает новые стратегические направления изучения Китая, создает прочные основы построения конструктивного диалога цивилизаций на евразийском континенте, способствует преодолению культурной и политической конфронтации в Восточно-Азиатском регионе»²¹.

Изучение китайской философской традиции от древности до наших дней

В 2000-е годы российские китайеды уделяли большое внимание изучению философии конфуцианства и неоконфуцианства. Важным стимулом и источниковедческой основой для развития исследований в этой сфере послужила публикация академического издания «Лунь юй» Конфуция²², подготовленного авторитетным знатоком конфуцианской традиции Л.С. Переломовым. За этот труд в 2000 г. ученый был удостоен премии РАН имени академика С.Ф. Ольденбурга. Помимо этого, появилось исследование и перевод «Лунь юй», выполненное петербургским китайедом А.С. Мартыновым²³. Книга рассказывает о жизни и судьбе Конфуция, дает характеристику конфуцианства как исторического, этического, литературного и философского феномена.

В 2004 г. под редакцией Л.С. Переломова вышло первое в России полное издание конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу») — снабженного комментариями собрания канонических текстов, оказавших глубочайшее влияние на формирование китайской философской традиции²⁴. Продолжая совершенствовать перевод изречений Конфуция, содержащихся в «Лунь юе», Л.С. Переломов в 2009 г. опубликовал новый обзорный труд по истории развития конфуцианской мысли²⁵. Выход в свет этой книги дает основания утверждать, что российские исследования конфуцианства как феномена китайской мудрости находятся на самом высоком международном уровне.

Заметное место в работе исследователей занимали вопросы места конфуцианства в жизни современного Китая, его отношений с государством и официальной идеологией. Л.С. Переломов в своих публикациях развивал мысль о том, что благодаря политике Дэн Сяопина «в противоположность японскому *конфуцианскому капитализму*, Китай будет строить *конфуцианский социализм*, формально называемый «социализмом с китайской спецификой»²⁶.

Исследователь современной китайской философии и идеологии В.Г. Буров также указал на превращение конфуцианства в одну из основных составляющих духовной культуры современного китайского общества. Ученый отметил, что в китайских исследовательских кругах сформировался консенсус в отношении трактовки роли конфуцианства в современном развитии страны — это квинтэссенция традиционной культуры, движущая сила модернизации и духовная сила обновления общества. «Конфуцианство нельзя рассматривать как обычное философское учение или научную теорию, это компендиум вечных универсальных истин, которые верны во всех обстоятельствах и при всех общественных режимах. С самим его содержанием связана жизненность конфуцианского учения. Выступая как моральная философия, оно воспитывает людей в духе высоких нравственных идеалов, делает их нравственно совершенными, осознающими свое общественное предназначение, свой профессиональный и семейный долг»²⁷. По мнению исследователя, в КНР «время нигилистического отношения к отечественным духовным и философским традициям кануло в лету. Не исключено, что в обозримом будущем мы увидим в Китае феномен конфуцианского марксизма, т.е. конфуцианизацию марксистского учения»²⁸. В одной из последующих пуб-

ликаций В.Г. Буров заметил, что участники китайских дискуссий о модернизации и духовной традиции стараются обойти стороной вопросы возможного обогащения марксизма элементами конфуцианства или их совмещения в едином учении. «Но возможность такого заимствования, видимо, не исключена, учитывая появление в 1980-е годы концепции «социализма с китайской спецификой»...»²⁹.

Эти проблемы заинтересовали исследователей молодого поколения, получивших кандидатские степени в 2000-е годы. А.В. Аллаберт попыталась обобщить и систематизировать различные трактовки конфуцианства в современном китайском обществоведении. проследить их связь с официальной идеологией КПК³⁰. Было высказано предположение, что внедрение конфуцианства в общественную жизнь уже вышло за пределы фрагментарного заимствования его отдельных аспектов (культивирование морали, внимание к практике, лозунг «народ как основа», пропаганда неподкупности чиновников). «На современном этапе развития общества и государства в Китае эти концепции начали разрабатываться как единая система ценностей, обогащенная особенностями развития современного китайского общества»³¹.

Исследователь подчеркнула абсолютные «вневременные» и «непреходящие» культурные характеристики конфуцианства, выступающего в современном Китае как источник стабильности и устойчивости власти, и вместе с тем, как инструмент реформ и развития культуры. Интерес китайских обществоведов к конфуцианству растет, однако их усилия носят ограниченный и фрагментарный характер. проблема формирования целостного взгляда остается нерешенной. «Вместе с тем конфуцианские принципы, которые используются в политической практике современного Китая, выступают в качестве комплекса идей, отчасти связанных с «современным постконфуцианством», что дает основание говорить о *новом этапе* в развитии конфуцианской доктрины»³².

В своем исследовании³³ Д.Е. Мартынов дал убедительный анализ взаимодействия национальной самобытности и значения сохранения самоидентичности культуры в условиях тесных глобалистских связей. Указав на проведение в КНР крупномасштабных конференций на конфуцианские темы и создание структур, поддерживающих изучение и пропаганду конфуцианского наследия, он заключил, что «конфуцианский ренессанс стал органической частью построения социализма с китайской спецификой»³⁴. Исследователь также сделал вывод о сохранении воздействия традиционных подходов на процесс модернизации в Китае: «Методология неоконфуцианства продолжает оказывать воздействие на теоретический курс КПК на современном этапе. В частности, это выражается в применении «дедуктивного подхода» по отношению к социальным проблемам: в идеократическом обществе идеологическое воздействие превалирует над собственно институтами...»³⁵. Он также отметил, что в начальный период реформ в Китае были унаследованы традиции массовых кампаний Мао Цзэдуна, однако их содержание, методы проведения и цели изменились: «Отныне функцией массовой индоктринации становилось в значительной степени возвращение к общеконфуцианской системе ценностей с приоритетом понятий социальной и экономической стабильности, консенсусного разрешения конфликтов и т.п.»³⁶.

Важной попыткой обобщающего исследования неоконфуцианства стала опубликованная в 2002 г. книга А.И. Кобзева³⁷. Автор уделил большое внимание проблемам философской методологии, уточнению терминологических толкований, выявлению интеллектуальной специфики различных периодов тысячелетнего развития этого течения от династии Сун до наших дней. А.И. Кобзев сосредоточил внимание на вопросах этики, антропологии и теории познания неоконфуцианства. Центральное место в работе занимает исследование учения Ван Янмина, охарактеризованного как «апогей имманентного развития китайской классической философии»³⁸. Примечательной особенностью книги стало включение в нее перспективы конфуцианской мысли XX в., включая гуманистическую трактовку древнего наследия Ду Вэймином и «моральную метафизику» Моу Цзун-

сая. Исследователь отметил, что современные формы развития конфуцианства значительно отличаются от предшествующих этапов, поскольку в сферу философствования в Китае проникли «чужеродные» западные концепции.

И.Т. Зограф и А.С. Мартынов опубликовали текст неоконфуцианского философа Чжу Си, посвященный проблеме сознания (*синь*)³⁹. К переводу 44-ой цзюани «Полного собрания сочинений Чжу-цзы, составленного по императорскому повелению», были добавлены предисловие, раскрывающее значение данного текста в истории китайской мысли, и подробный грамматический очерк языка Чжу Си. Авторы перевода отмечали, что «в отличие от европейской философской традиции китайских мыслителей занимала проблема не того, с какой мерой адекватности индивидуальное сознание отражает объективный мир, а того, в какой мере это сознание можно освободить от тирании впечатлений с тем, чтобы вернуть ему самостоятельность»⁴⁰.

А.С. Мартынов отметил, что ранние конфуцианцы интересовались проблемами сознания, однако позднее в ханьском конфуцианстве их вытеснила «космическая тематика». Автор вводного текста сделал акцент на новизне неоконфуцианской философии. Он указал, что произошла «резкая смена сверхзадачи во всей конфуцианской духовной традиции, принеся невиданную ранее социальную интеллектуальную активность, продиктованную желанием всего образованного общества достичь личного понимания всей духовной глубины философского наследия совершенномудрых»⁴¹. Если прежде конфуцианство было обращено в прошлое и стремилось к разработке этики на основе учений древних мудрецов, то неоконфуцианцы, не без влияния со стороны буддизма, обратились к анализу собственного сознания. Это специфическое стремление к разработке проблем познания было связано с тем, что «неконфуцианские мыслители должны были выявить в сознании человека полученное им свыше этическое содержание... гносеологические усилия должны были привести к четкому разделению в мире и человеке того, что должно быть «выправлено», и того, что должно быть выявлено»⁴². А.С. Мартынов подчеркнул, что неоконфуцианские гносеологические поиски были нацелены на принципы-ли, которые содержались в сознании, и потому их можно охарактеризовать как самопознание, носившее внутренний характер.

В 2008 г. ИДВ РАН приступил к осуществлению нового исследовательского и издательского проекта «Философия и культура Китая». В серии книг, посвященных духовной культуре и истории Китая, были опубликованы две работы по неоконфуцианству. В 2009 г. вышел в свет сборник о философском наследии Чжоу Дунъян⁴³. В него вошли исследование неоконфуцианской традиции XI—XII вв. (А.С. Рысаков), переиздания выполненных Н.Я. Бичуриним переводов трактатов «Тай цзи ту шо» («Изъяснение Плана Великого предела») и «Тун шу» («Книга о проницаемости»), их современные переводы и исследование А.Е. Лукьяновым. В книге приводятся параллельные поэтические и прозаические переводы эссе Чжоу Дунъян. Помимо этого, в 2013 г. в серии издан сделанный А.С. Рысаковым прокомментированный перевод трактата «Чжэн мэн» («Исправление неразумных») неоконфуцианского мыслителя Чжан Цзая⁴⁴.

В 2001 г. в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован выполненный Г.А. Ткаченко перевод трактата «Люйши чуньцю» («Весны и осени Люй Бувэя») ⁴⁵. Это синкретический памятник древнекитайской философской прозы, охватывающий широкий круг проблем. Во введении к переводу ученый указал на композиционную стройность памятника, призванную отразить единство Вселенной, а также на понимание мира как системы отношений неба, земли и человека. В системе ценностей представленной в «Люйши чуньцю», исследователь выделил ряд парных категорий — единое и двойственное, мудрость и невежество, порядок и смута, прекрасное и безобразное. Г.А. Ткаченко отметил важность темы упорядочения мира и его нумерологического описания: «В центре всех построений авторов памятника стояла проблема единства и многообразия мира, притом понимаемая таким образом, что очевидное многообра-

ние явлений может и должно быть сведено к простым величинам, выражающим соотношения вещей в природе»⁴⁶.

В последние годы отечественные исследователи проявили значительный интерес к тексту «Сань цзы цзин» («Троесловие»), многие века служившего в Китае задачам воспитания подрастающего поколения. Толкованию текста на фоне реалий современного китайского общества уделил внимание Ю.М. Галенович⁴⁷. Тематический юбилейный сборник был издан к 185-летию первого русского издания «Троесловия» в переводе Н.Я. Бичурина. В него вошли переводы самого текста и изъяснения к нему, выполненные Н.Я. Бичуриным, а также два современных поэтических перевода «Троесловия» на русском (В.П. Абраменко) и чувашском (П.Я. Яковлев) языках⁴⁸.

Новым начинанием в популяризации китайских классических текстов стала публикация их поэтических переводов. В частности, появились два подобных перевода «Дао дэ цзина». Л.И. Кондрашова подготовила ярко иллюстрированное издание стихотворного перевода древнекитайского трактата, приписываемого традицией Лао-цзы⁴⁹. Перевод сопровождают предисловие, послесловие и комментарии, в которых дается аргументированное обоснование аутентичности содержания поэтической форме перевода этого трактата. А.Е. Лукьянов и В.П. Абраменко предложили российскому читателю прозоритмический и поэтический переводы «Дао дэ цзина»⁵⁰. Продолжением их совместной работы стала публикация под одной обложкой научного перевода и поэтического переложения «Лунь юй» Конфуция⁵¹.

Исследователи стремились выявить связи философии и культуры в истории Китая. А.Г. Сторожук изучил влияние конфуцианства, даосизма и буддизма на развитие культуры дин. Тан⁵². Ученый использовал метод выделения ключевых «концептов» каждого из трех учений, наложивших отпечаток на художественное творчество эпохи. К примеру, конфуцианские идеи «исправления имен» в интересах процветания Поднебесной и устранения моральных недостатков правителя должны были обрести силу, воплотившись в художественном тексте ритуального характера. Автор отметил, что эти идеи оказали большое влияние на танское движение «возрождения древности» (*фу гу*). Конфуцианские мотивы обусловили стремление литераторов к простоте и ясности изложения, отражению в своем творчестве общественных проблем. Движение за возрождение древней письменной культуры *вэнь*, олицетворением которого стал Хань Юй, пыталось сформулировать толкование пути в связи с конфуцианским служением и создать пример, которому могли бы подражать будущие поколения. В работе также указано на влияние числовой символики «Книги перемен» на метрическую организацию уставных стихов.

Буддийские концепты в художественной литературе Тан — это пустота (*кун*) и «мир произведения» (*цзин*). Автор указал, что в этом контексте художественное произведение выступает как «искусно организованная Пустота», а восприятие окружающего мира формируется на основе создания «границ» или «опорных точек». В танскую поэзию вошла перспектива «сейчас», не подверженная характеристикам времени, передающая ощущения просветленного и выступающая в роли инструмента установления координат Пустоты. Из даосизма в художественное творчество пришли понятия пустоты (*сюй*), *ци* как выражения меры таланта, духа-*шэнь* как выражения меры вдохновения. Из даосского мировоззрения в литературу пришли сюжеты, посвященные трансформациям души человека после ее освобождения от телесной оболочки. Исследователь подчеркнул, что пустотность как проявление великой пресности (Абсолюта) приобрела роль основного принципа организации художественного текста, танские литераторы использовали даосскую стилизацию для того, чтобы рассказать об одиночестве человека и несовершенстве мира. Книга А.Г. Сторожука — это комплексное исследование, расположенное на стыке истории философии, религиоведения и литературоведения, в работе использовано большое количество авторских переводов китайских художественных текстов.

Отечественные исследователи продолжали поиски в области постижения традиционной китайской методологии. Публикации В.Е. Еремеева, посвященные изучению нумерологических аспектов «Книги перемен»⁵³ и философско-мировоззренческих основ традиционной китайской науки, внесли заметный вклад в развитие структурной школы изучения китайской философии. Исследователи творчества безвременно ушедшего из жизни ученого отмечают, что концепция арифмосемиотики В.Е. Еремеева привлекательна «в силу ее объяснительного и классификационного потенциала при наложении на разные сферы знаний, поэтому она заслуживает пристального внимания историков, философов и методологов»; главная идея арифмосемиотики состоит в том, что «Человек — посредник обменных процессов между Небом и Землей, и его действия влияют не только на его личную судьбу, но и на судьбу мира»⁵⁴. Помимо этого, необходимо упомянуть о самобытных творческих попытках Л.И. Головачевой провести «пре-синологическую» филологическую и структурную реконструкцию «Лунь юй»⁵⁵.

В публикациях, увидевших свет в начале нового столетия, отечественные исследователи стремились выявить место китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада. Л.Н. Борох проанализировала вклад Лян Цичао в процесс переосмысления конфуцианства под воздействием западных учений на рубеже XIX—XX вв.⁵⁶ В центре внимания оказался процесс перенесения ключевых понятий западной мысли в традиционную китайскую систему взглядов на этику и политику. Под влиянием идей Бокля, Монтескье и Руссо Лян Цичао призывал превратить китайцев в «народ-гражданин» (*гоминь*), активизировать у людей их «изначальный дух» (*юань ци*), для чего было необходимо воспитывать новые жизненные ценности независимости, свободы, конструктивного эгоизма, уверенности в себе и способности управлять собой. Мыслитель подчеркивал, что только независимые личности, не стремящиеся опираться на других, смогут бросить вызов традиционной стратификации и создать современное сообщество. «В конструктивном эгоизме, т.е. в активных действиях человека, отстаивающего свой интерес, Лян Цичао увидел одну из причин возвышения Запада, а также одно из условий выживания китайской нации и ее оформления в правовое государство»⁵⁷.

Идея активного участия людей в историческом процессе вела к оправданию разрушения, направленного на освобождение народа от подчинения, а также к острой критике воспитанных в условиях абсолютизма негативных черт характера китайцев (невежество, рабство, себялюбие). В трактате «Синь минь шо» («Учение об обновлении народа») Лян Цичао сформулировал новые требования — развитие национализма для защиты от произвола иностранных держав, принятие идеи «права сильного», отказ от прежнего акцента на воспитании у людей уступчивости и мягкости. Чтобы спасти ханьский этнос, мыслитель призывал к воспитанию у народа «общей добродетели» (*гун дэ*), нацеленной на «общую пользу».

Л.Н. Борох показала, как под влиянием драматических событий внутри Китая Лян Цичао пересмотрел свои взгляды — он отказался от европейских идей «общественного договора» и республиканского правления в пользу усиления роли государства и ограничения индивидуальной свободы. Мыслитель пришел к выводу, что за долгие годы монархии, и особенно при дин. Цин, «личные добродетели» китайцев пришли в состояние глубокого упадка, и потому невозможно говорить о готовности людей к немедленному революционному переходу к демократии. Он отказался от принципа разрушения и стал противником анархизма, полагая, что на воспитание у людей новых возвышенных целей потребуются десятилетия, как и на укоренение в Китае заимствованных на Западе этических норм. Рассмотренный в книге на примере эволюции идей Лян Цичао процесс перехода от увлечения западничеством к осторожному консерватизму представляет большой интерес, поскольку подобная смена воззрений не раз происходила среди китайских интеллектуалов в последующие десятилетия.

Понимание идейных процессов в Китае в конце XIX — начале XX вв. расширила публикация Д.Е. Мартынова, посвященная Кан Ювэю⁵⁸. В книгу вошел полный перевод «Автобиографии» мыслителя и политического деятеля, охватывающей события от детства и юности Кан Ювэя до реформаторского движения 1898 г. и его поражения. Дополняет этот текст биография Кан Ювэя, написанная его внуком Ло Жунбаном, она охватывает период 1898–1927 гг. В подробном авторском предисловии, посвященном рассмотрению взглядов мыслителя, Д.Е. Мартынов охарактеризовал его как «конфуцианского утописта эпохи декаданса», заметив: «Кан Ювэй оказался самым последовательным конфуцианцем среди современников — сторонником срединного пути постепенного преобразования политических институтов и социального строя страны как средства ее сохранения и возрождения»⁵⁹. Избрав популярный стиль изложения материала, автор осветил политические взгляды Кан Ювэя, его личностные характеристики, его отношение к конфуцианской традиции и утопические воззрения. В частности, он указал на двусмысленность исходной трактовки Кан Ювэя, в которой «всемирное единение практически неотличимо от китайского национализма»⁶⁰.

В 2009 г. была опубликована книга А.Б. Старостиной, посвященная философским взглядам видного конфуцианского традиционалистского мыслителя XX в. Лян Шумина⁶¹. В работе были проанализированы онтология, эпистемология и теория культуры Лян Шумина, его трактовка мировой истории на фоне традиционных китайских исторических концепций. Сам мыслитель был охарактеризован как «единственный из современных конфуцианцев, который создал систематическую теорию исторического процесса, объединенную с философией культуры»⁶². По мнению исследователя, это важная черта, поскольку в последнее столетие многие конфуцианские мыслители занимались философией культуры, но не философией истории. В книге подчеркивается, что хотя Лян Шумин представил собственную типологию культур, все же именно философия истории является наиболее репрезентативной частью его системы.

Достоинством работы А.Б. Старостиной стала попытка проследить эволюцию культурных и исторических воззрений Лян Шумина от 1920-х к 1970-м годам, не останавливаясь лишь на рассмотрении его наиболее известной ранней работы «Культуры Востока и Запада и их философии». Значительный интерес представляет трактовка автором цикличности и линейности в восприятии истории, равно как и попытка определить исторические корни учения Лян Шумина — буддизм, традиционное конфуцианство и западные учения, включая марксизм. В книге подчеркнуто, что рассмотрение типологии культур Лян Шумина помогает понять не только историю конфуцианской мысли XX в., «но и дать представление о механизмах решения проблемы глобализации»⁶³, равно как и об опасных последствиях огульной вестернизации для судеб национальных культур — с предостережениями по этому поводу мыслитель выступал еще в 1920-е годы.

Исследование религий Китая

Заметное развитие получило в 2000-е годы исследование традиционных религий Китая. В частности, работу по специализированному изучению религиозного даосизма и древних даосских текстов проводил Центр синологических исследований Амурского государственного университета. Руководитель Центра профессор С.В. Филонов опубликовал монографию о даосской антропологии, основанную на комплексном анализе ранних письменных памятников из книжного собрания школы Шанцин (Высшей чистоты)⁶⁴. Ученый подробно исследовал памятники «Хуан тин цзин» («Книга желтого дворика») и «Су лин цзин» («Канон безыскусного духа»), которые появились уже в III в. Исследователь подчеркнул, что эти тексты «впервые в истории даосизма развернуто зафиксировали концепцию антропологического космоса — систему представлений о человеке, рассмат-

риваемом в качестве пространства экспликации главнейших сил мироздания», их важнейшей темой было названо «преодоление смерти и торжество жизни»⁶⁵.

С.В. Филонов провел детальную реконструкцию древнего даосского учения о поиске высшего состояния внутри человека и связанных практик визуализации божеств из внутреннего антропологического космоса. Корреляция божеств с органами физического человеческого тела (сердцем, легкими и т.д.) не превращает эти трактаты в медицинские сочинения, поскольку речь в них идет о религиозной практике освоения человеком собственного «внутреннего ландшафта» и установления контакта с населяющими его божествами. В исследовании продемонстрирована параллельность даосских взглядов на антропоцентрический космос и мироздание в целом, подробно раскрыты древние представления о возможности преодоления влияния присутствующих внутри человека «смертоносных начал». Книга представляет несомненный интерес для тех, кто интересуется развитием антропологических представлений древних китайцев и учением даосизма.

Обобщающее исследование феномена китайских синкретических или «тайных» религий в XX в. предпринял К.М. Тертицкий⁶⁶. Ученый напомнил, что помимо буддизма и даосизма, в религиозной жизни китайцев присутствуют сотни течений, продемонстрировавших свою жизнеспособность на фоне гонений со стороны властей. В книге описаны два десятка важнейших китайских «тайных» религий XX в., приводится содержательная информация об их истории, вероучении, иерархической структуре, религиозной практике, опыте взаимоотношений с властями, нынешнем состоянии в материковом Китае, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре. Работа прослеживает связь подъема синкретических религий с социальными переменами прошлого столетия, питавшими в народе эсхатологические настроения.

Исследователь указывает на устойчивость этих общин, которые сумели пережить гонения и вновь добиться широкого распространения в ряде районов Китая, сохранив религиозную практику и воззрения. «Народные тайные религии» оказались жизнеспособными, поскольку предлагали людям в период социальной нестабильности простые и привлекательные нравственные ориентиры. «Вероучение синкретических религий зачастую было обращено к китайскому крестьянину, стоявшему во многом вне элитарной культуры империи, но одновременно ощущавшему свою причастность к ней»⁶⁷. Автор счел выдвинутые в адрес «тайных религий» обвинения в сектантстве необоснованными, предположив, что в перспективе эти учения могут вновь обрести заметное место в общественной жизни после их легализации в материковом Китае.

Теме китайского религиозного синкретизма был посвящена публикация А.Д. Зельниченко⁶⁸. Он поставил вопрос о правомочности применения термина «религиозный синкретизм» ко всему комплексу китайских верований и учений. Призвав уточнить это понятие — «следует ли его относить к феноменам, присущим исключительно культурным традициям низовых слоев населения, идет ли речь о результате взаимодействия «трех учений» или, возможно, его можно применять как описание типологической особенности всей духовной культуры Китая»⁶⁹. На основании рассмотрения истории даосско-буддийского взаимодействия и анализа особенностей использования буддийской терминологии в даосских текстах XVIII в. на примере трактата Лю Хуаяна «Хуэй мин цзи» («Канон мудрости и жизненности») автор пришел к выводу, что отношения власти, буддизма и даосизма не всегда носили религиозный характер, и «есть основания охарактеризовать данную систему скорее как эклектичную, но далеко не всегда синкретичную»⁷⁰.

Возможность проведения обследований в Китае открыла перед исследователями новые горизонты в изучении практических аспектов современной религиозной жизни китайцев. Работа Е.А. Завидовской о храмовых объединениях и религиозной жизни крестьян основана на материалах, собранных в провинциях Шаньси и Шэньси⁷¹. Проведен-

ные опросы местных жителей, религиозных активистов и кадровых работников позволяют понять, как происходило возрождение и видоизменение религиозной практики в годы реформ. В работе рассмотрена социология религиозной жизни, связанная с совместными действиями людей по восстановлению храмов и организации храмовых праздников, коллективным сбором пожертвований с каждого двора общины, объединенной вокруг храма. Еще больший интерес вызывает раздел книги, посвященный индивидуальному восприятию религии. Люди обращаются к божествам с просьбами о богатстве, появлении потомства, возносят молитвы о благополучии членов семьи. Некоторые просят божество помочь им сохранить накопленное богатство или уже полученную должность, местные партийные начальники тайным образом жертвуют храму деньги после повышения по службе.

Автор отмечает, что многовековая традиция взаимодействия с потусторонним миром остается массовой, люди просят божества о помощи, совершают ритуалы для того, чтобы поддержать сложившееся равновесие и избежать вмешательства негативных сил в этой жизни, равно как и наказания в загробном мире. Китайские крестьяне испытывают потребность в чуде как подтверждении эффективности культа, «проявления божественной воли» становятся стимулами для возрождения храмов. Происходящие в обществе перемены оказывают влияние на религиозную сферу, личное паломничество и обращение к божествам начинает преобладать над традиционным коллективным поклонением. После периода гонений произошло обеднение и упрощение верований, многие смыслы религиозного ритуала стали непонятны. Людей убедили в том, что их вера — «предрасудок», но они не хотят от нее отказываться, страшась кары божества. Исследование показало, что ими движет не только прагматизм, но также искреннее стремление к самосовершенствованию через религию. Об «отмирании» религиозной жизни в Китае говорить пока не приходится. «С процессом модернизации страны ритуалы и храмовые мероприятия не только не угасают, но, напротив, питаемые появившимися в деревне свободными частными средствами, набирают силу и масштаб»⁷².

Опубликованное в 2005 г. исследование современного положения даосской религии в Китае⁷³ также опирается на проведенные авторами полевые исследования, включающие выборочное анкетирование, беседы с насельниками даосских монастырей, присутствие на даосских службах. Книга содержит богатую фактическую информацию о современной ритуальной практике даосов, подготовке священнослужителей, монастырской иерархии и практике приема в монастыри — в частности, указано на тенденцию к омоложению даосских священнослужителей. Материалы обследований дополняются изучением официальных документов и постановлений Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД). Вэнь Цзянь и Л.А. Горобец отмечают, что в Китае набирает силы процесс восстановления утраченных даосских храмов и кумиров, тем временем в религиозной практике остаются распространенными гадания и ритуалы шаманского типа. Было высказано мнение о том, что в современном Китае даосизм более влиятелен, чем буддизм: «Определить реальную значимость даосизма в целом можно, лишь приняв во внимание его опосредованное влияние через указанные формы с учетом синкретических тенденций»⁷⁴. В книге рассмотрена государственная политика в отношении даосизма, включая меры по финансовой поддержке восстановления храмов и регулирование мест отправления культа, рассмотрена роль даосизма в жизни современного китайского общества. В качестве приложения представлены переводы на русский язык документов ВАПД — устав ассоциации, правила ВАПД по управлению монастырями и временные правила ВАПД об управлении даосами школы Чжэньи, живущими в миру.

Проблемы взаимоотношения китайской буддийской общины с обществом и государством нашли отражение в исследовании С.А. Горбуновой⁷⁵. В книге были рассмотрены исторические процессы восприятия буддизма в Китае, обусловившие его устойчивость на фоне социальных перемен в XX в. и способность к возрождению рели-

гиозной структуры. Большое внимание было уделено деятельности Буддийской ассоциации Китая и проблемам взаимоотношения буддийской общины и государства. Исследователь указывает, что тенденция возрождения китайского буддизма восходит ко второй половине XIX в., в республиканский период появились концепции социально ориентированного буддизма, испытывавшие воздействие европейской мысли, позднее буддийские реформаторы вдохновлялись идеями марксизма. Обращаясь к проблемам наших дней, автор замечает: «Постепенно охватившее реформами общество начало поворачиваться к буддизму. В то же время и современные буддисты адекватно реагируют на вызовы времени. В результате вырисовывается форма диалога религии и власти»⁷⁶. Исследователи ИДВ РАН также уделили внимание проблеме воздействия буддийского фактора на внешнюю политику Китая⁷⁷.

Ученые уделяли большое внимание прошлому и современному положению иностранных религий в Китае. В 2000-е годы появились новые публикации, посвященные христианству в Китае, об истории деятельности иезуитов рассказывала работа Д.В. Дубровской⁷⁸. В книге рассмотрены институциональные аспекты становления и развития иезуитской миссии, большое внимание уделено наследию Маттео Риччи, Адама Шалль фон Белля, Фердинанда Вербиста. Помимо освещения вклада миссионеров в ознакомление Китая с достижениями европейской науки, в книге рассмотрен ряд аспектов культурной адаптации католицизма в Китае, а также возникавшие на этой почве конфликты.

Монография А.В. Ломанова представила широкую обобщенную картину восприятия и истории интерпретации китайской культуры иностранными миссионерами и китайскими христианами⁷⁹. Основное место в исследовании заняла история взаимодействия идей и мировоззрений, а не развития миссионерских и церковных институтов. Автор сосредоточил внимание на изучении способов адаптации христианства к китайской культуре и выявлении ключевых постоянных компонентов этого диалога, опирающихся на неизменность библейского учения и устойчивость китайской традиции к внешним влияниям. Помимо деятельности ранних иезуитских миссий, оказавших большое влияние на формирование межцивилизационных контактов Китая и Запада, в книге были рассмотрены история культурной адаптации несторианства, а также развитие протестантских и католических миссий в XIX—XX вв.

Многие примечательные аспекты истории христианства в Китае и современной религиозной ситуации в стране были раскрыты в книге П.М. Иванова⁸⁰. Речь идет о христианском компоненте в мировоззрениях Сунь Ятсена и Чан Кайши, развитии христианства на Тайване, деятельности китайской секты христианского толка «Дом собраний» и не имеющей отношения к христианству секты «Фалуньгун». Несколько разделов работы посвящены истории православия в Китае — миссионерским переводам Нового Завета на китайский язык, деятельности православных миссионерских станом в Китае в начале XX в., а также истории возникновения Московского подворья Российской духовной миссии. После 2000 г. был опубликован ряд книг, посвященных истории православия в Китае⁸¹.

А.Г. Алексанян выполнил первое специализированное исследование истории манихейства в Китае⁸². Он изучил проблемы культурной и мировоззренческой адаптации этой религии, провел тщательное исследование терминологии манихейских текстов на китайском языке, в приложение к книге вошли переводы двух основных сохранившихся документов («Краткое изложение учения и обрядов Мани, Будды света» и «Трактат Пельо»). В сфере изучения ислама проблемы взаимоотношений мусульманской общины с властями КНР были обстоятельно освещены в работе В.С. Кузнецова⁸³.

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 томах + доп. том / Гл. ред. М.Л. Титаренко. ИДВ. М.: Вост. лит. РАН, 2006–2010. Т. 1: Философия (2006. 727 с.); Т. 2: Мифология. Религия (2007.

- 869 с.); Т. 3: Литература. Язык и письменность (2008. 855 с.); Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура (2009. 935 с.); т. 5 Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование (2009 г., 1087 с.); Т. 6 (доп.): Искусство (2010. 1031 с.).
2. Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: Сб. ст. под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 535 с., карта.
 3. Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. Титаренко М.Л. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 735 с.
 4. *Феоктистов В.Ф.* Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. Титаренко М.; Л.: Вост. лит. РАН, 1999. С. 129–135.
 5. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 171.
 6. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста: Кн. руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, 2010. С. 133.
 7. Там же. С. 144.
 8. Там же. С. 463, 468.
 9. Китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952; 2-е испр. и доп. издание. 1955. Более 70 тыс. слов и выражений; Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах. Ок. 250 тыс. слов и выражений / Сост. коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.
 10. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. М.: Вост. лит. РАН, 2003. Кн. 2. С. 263.
 11. Китай. М.: Гос. науч. изд-во БСЭ, 1954 (Отдельно изданная статья из т. 21 2-го изд. БСЭ).
 12. Китайская философия: энцикл. словарь. ИДВ РАН / Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994.
 13. *Ткаченко Г.А.* Культура Китая от А до Я: Словарь-справочник. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008.
 14. *Мялявин В.В.* Китайская цивилизация. М., Астрель; АСТ; Изд.-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000.
 15. *Кобзев А.И.* Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 421.
 16. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1 Философия / Ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. М., Вост. лит. РАН, 2006. С. 13.
 17. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2 Мифология. Религия / Ред. М.Л.Титаренко и др. М.: Вост. лит. РАН, 2007. С. 13.
 18. К примеру, в т. 2 энциклопедии были включены восемь статей по китайской мифологии, основанные на материалах книги российского китаеведа и генерального консула в Пекине П.С. Попова (1842–1913) «Китайский пантеон» (СПб.: Типогр. Акад. наук, 1907).
 19. *Кобзев А.И.* Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 428–429.
 20. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11508>.
 21. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/959.
 22. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй»: Исслед., пер. с кит., коммент. Факс. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998.
 23. *Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй»: в 2 т. / Пер. с кит. Мартынова А.С. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. Т. 1. 367 с. (Сер.: Мир Востока; 10); Т. 2. 372 с. (Сер.: Мир Востока; 11).
 24. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С.Попова при участии В.М. Майорова. Вступ. ст. Л.С. Переломова; ИДВ РАН. М., Вост. лит. РАН, 2004. 431 с. В книгу вошли опубликованный в начале XX в. текст «Мэн-цзы» в переводе П.С. Попова, а также переводы современных исследователей — Л.С. Переломова («Лунь юй»), А.И. Кобзева («Да сюэ»), А.Е. Лукьянова («Чжун юн»).
 25. *Переломов Л.С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI в.). М.: ИДВ РАН; «Стилсервис», 2009. 410 с.: ил.
 26. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 213.
 27. *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФ РАН, 2000. С. 118.

28. Там же. С. 151–152.
29. *Буров В.Г.* Модернизация и духовные традиции в Китае // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 459.
30. *Аллаберт А.В.* Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI века). М.: ИДВ РАН, 2008. 228 с.
31. Там же. С. 196.
32. Там же. С. 196–197.
33. *Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение и маоизм: Из истории соц.-полит. теории и практики Китая в XX в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 368 с.
34. Там же. С. 303.
35. Там же. С. 309.
36. Там же.
37. *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 606 с.
38. Там же. С. 48.
39. О сознании (Синь): Из философского наследия Чжу Си / Пер. с кит. Мартынов А.С., Зограф И.Т.; вступ. ст. и коммент. к пер. Мартынов А.С.; граммот. очерк Зограф И.Т. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 312 с. (Памятники письменности Востока; 72).
40. Там же. С. 13.
41. Там же. С. 58.
42. Там же. С. 96.
43. Чжоу Дуньшань и ренессанс конфуцианской философии. М.: ИДВ РАН, 2009. 376 с. В прил. воспроизводится факсимиле включенных в книгу произведений Чжоу Дуньшаня.
44. *Чжан Цзай.* Исправление неразумных. Исследование и перевод А.С. Рысакова. М.: ИДВ РАН, 2013. 312 с.
45. Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А.Ткаченко. Сост. И.В.Ушаков. М.: Мысль, 2001. 525 с. (Философ. Наследие; т. 132).
46. Там же. С. 61.
47. Троеслово: Сань-цзы-цзин / Пер. и коммент. Ю.М. Галеновича. М.: ИДВ РАН, 2010. 368 с.; Троеслово. (Сань-цзы-цзин). Доп. изд. / Пер. с кит., предисл. и примеч. Ю.М. Галеновича. М.: Рус. панорама, 2012. 295 с.: ил., карты.
48. «Сань цзы цзин» («Троеслово») / Пер. с кит. Отв. ред. М.Л. Титаренко: Сост. В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2013. 156 с., ил.
49. *Лао Цзы.* Дао-Дэ цзин или Трактат о Пути и Морали. Предисл. и стихотв. перевод с древнекит., послесл. Кондрашовой Л.И. М.: Рипол классик, 2003. 222 с., ил.
50. Дао дэ цзин: Прозоритмич. пер. с древнекит. и исслед. А.Е. Лукьянова. Поэтич. пер. В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН; «Стилсервис», 2009. 452 с.: ил.
51. Беседы и суждения. Лунь юй / Науч. пер. и исслед. А.Е. Лукьянова. Поэтич. переложение В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2011. 464 с.: ил.
52. *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: ООО «Типогр. «Береста»», 2010. 552 с.
53. *Еремеев В.Е.* Символы и числа «Книги перемен». 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 2005. 599 с.
54. *Орлова Н.А.* Арифмосемиотика в реконструкции В.Е.Еремеева // *Еремеев В.Е.* «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады. М.: Вост. лит. РАН, 2013. С. 41.
55. *Головачева Л.И.* Изучение «Лунь юй» и гипотеза развития китайской письменности // Пробл. Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 148–160; *Головачева Л.И.* Конфуций поистине непрост // XL научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 2010. С. 323–332.
56. *Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX—XX ввекв. Лян Цицао: теория обновления народа. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 287 с.
57. Там же. С. 55.
58. *Мартынов Д.Е.* Кан Ю-вэй: жизнеописание: Пер. с кит. и англ. яз. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. 328 с.
59. Там же. С. 7.
60. Там же. С. 90.
61. *Старостина А.Б.* Философия истории Лян Шуминна. М.: ИДВ РАН, 2009. 280 с.
62. Там же. С. 4.

63. Там же. С. 212.
64. *Филонов С.В.* Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III—VI вв. СПб.: Петербург. востоковедение, 2011. 656 с.
65. Там же. С. 541.
66. *Тертицкий К.М.* Китайские синкретические религии в XX веке. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 415 с.
67. Там же. С. 366.
68. *Зельницкий А. Д.* Китайский «религиозный синкретизм». СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та сервиса и экономики, 2008. 139 с.
69. Там же. С. 13.
70. Там же. С. 130.
71. *Завидовская Е.А.* Храмовые объединения и религиозная жизнь крестьян современного Китая. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. 128 С.
72. Там же. С. 118.
73. *Вэнь Цзянь. Горобец Л.А.* Даосизм в современном Китае. СПб.: Петербург. востоковедение, 2005. 160 с.
74. Там же. С. 48.
75. *Горбунова С.А.* Китай: религия и власть: история китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: Форум, 2008. 319 с.
76. Там же. С. 298.
77. *Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: ИДВ РАН, 2006. 379 с.
78. *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: «Крафт+» ИВ РАН, 2000, 256 с.
79. *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 446 с.
80. *Иванов Петр. священник.* Из истории христианства в Китае. М.: ИВ РАН «Крафт+», 2005. 224 с.
81. Бэй-гуань: Краткая история российской духовной миссии в Китае. Сост. Александров Б.Г. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2006. 218 с., ил., *Дацышен В.Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.; *Дацышен В.Г.* Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2011. 432 с.;
82. *Алексян А.Г.* Манихейство в Китае: (опыт историко-философ. исслед.). М.: ИДВ РАН, 2008. 163 с.
83. *Кузнецов В.С.* Ислам в общественно-политической жизни КНР. М.: ИДВ РАН, 2002. 296 с.

Политика

Об уникальности геополитического положения Тихоокеанской России

© 2013

П. Бакланов, М. Романов

Рассматриваются особенности геополитического положения Тихоокеанской России, определяемые расположением в зоне пересечения интересов крупнейших мировых «центров силы» и морских держав: США, Китая, Японии.

Ключевые слова: геополитическое положение, геополитический потенциал, мировые «центры силы», Россия, Китай, США, Япония, Тихоокеанская Россия, контактные структуры, трансграничные регионы.

В 1990-е гг., с распадом СССР геополитические позиции России в мире ослабли, и как отмечается рядом авторов, сферы ее влияния сузились, она стала более уязвимой для внешних негативных воздействий¹. Это прежде всего связано с тем, что существенно снизился ее собственный геополитический потенциал, в том числе социально-экономический и военный. Одновременно с этим возросло геополитическое влияние США, территориально и количественно расширился блок НАТО², стали формироваться новые мощные геополитические центры (или «центры силы»)³ — Европейский союз, Япония и Китай. Как отмечает П.М. Мознас, «глобальная архитектура международных отношений переживает процесс трансформации, и одна из главных его составляющих — изменение роли Китая в мире, модификация его геополитического статуса...»⁴.

По сравнению с Советским Союзом существенно изменилось геополитическое положение России. Под последним понимается положение страны по отношению к другим, прежде всего, соседним странам с учетом сходства или различия их политических систем и геополитических потенциалов, а также наличия или отсутствия взаимных геополитических интересов и проблем⁵.

Если оценить по этим составляющим геополитическое положение СССР и современной России, то видно, что ее геополитическое положение значительно ухудшилось. Если сравнивать западные районы страны с восточными, то очевидно, что резко возросли социально-экономическая асимметрия (рис. 1) и особенно геополитическая асимметрия⁶.

Если на западе соседями России первого порядка являются страны Балтии, Белоруссия и Украина — бывшие республики СССР, ориентирующие свои геополитические интересы (кроме Белоруссии) на Европейский Союз и НАТО, то на востоке непо-

Бакланов Петр Яковлевич, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, академик РАН. Тел.: 8 (423) 232-06-72.

E-mail: pbaklanov@tig.dvo.ru; geogr@tig.dvo.ru

Романов Матвей Тихонович, доктор географических наук, зав. Лабораторией Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН. Тел.: 8 (423) 237-59-28.

E-mail: romanov@tig.dvo.ru.

средственными соседями России остались крупнейшие страны мира: США, Китай и Япония, с геополитическими потенциалами на порядки выше западных соседей. Причем, если собственный социально-экономический потенциал России резко падает с запада на восток (рис. 2), то потенциалы стран-соседей, наоборот, значительно возрастают в этом направлении (рис. 3).

Рис. 1. Геополитическая асимметрия макрорегионов России

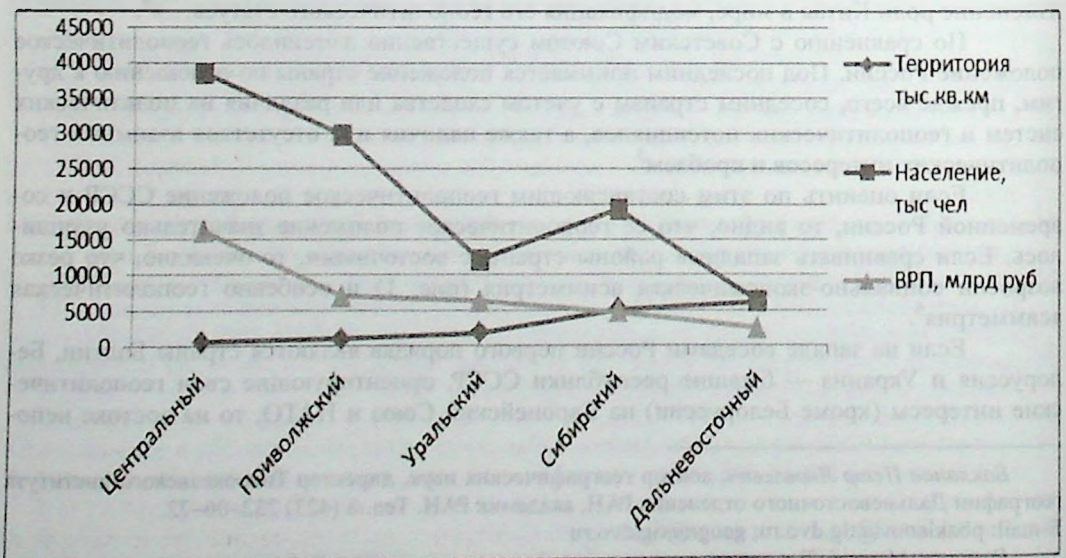

Рис. 2. Изменения значений основных показателей федеральных округов РФ с запада на восток

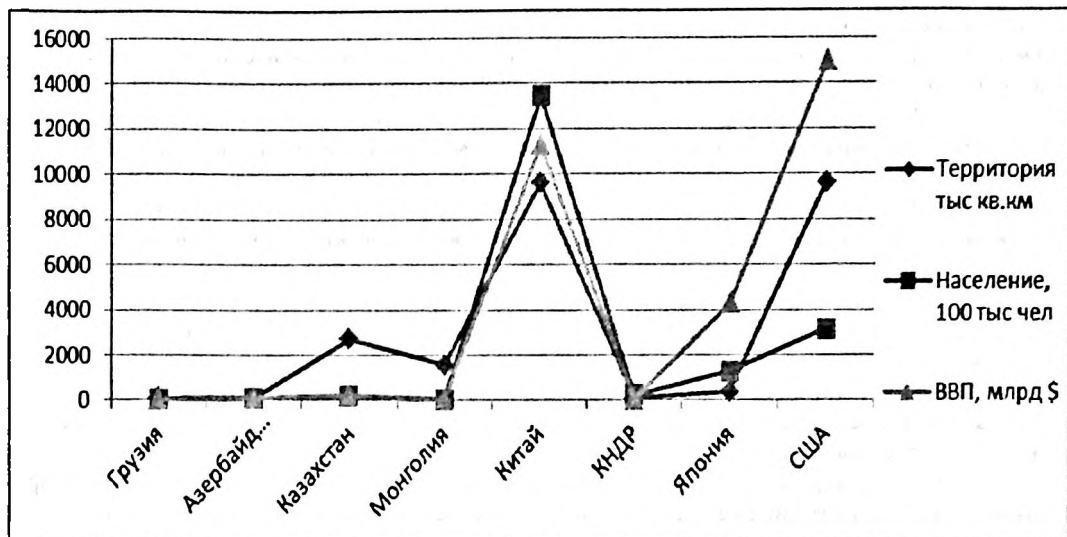

Рис. 3. Изменения значений основных показателей сопредельных стран с запада на восток

В этой связи можно полагать, что геополитические позиции нашей страны на Дальнем Востоке в силу исторических и географических особенностей, оказались еще более сложными⁷.

Представляется, что геополитическое положение восточного макрорегиона России может быть представлено и оценено более полно с учетом прилегающей к нему 200-мильной морской экономической зоны. Ее площадь, по нашим оценкам, составляет около 5 млн км². Полный российский суверенитет над природно-ресурсным потенциалом этой зоны, его эффективное долгосрочное освоение и обеспечение устойчивого выхода в Мировой океан предполагают реализацию в Северной Пацифике многих геополитических отношений. С учетом возрастающей ориентации России, ее геополитических интересов на восток — на Тихий океан, на страны АТР — Дальневосточный макрорегион, включая морскую экономическую зону и восточную часть арктического шельфа, может именоваться Тихоокеанской Россией⁸.

Сложившееся к настоящему времени геополитическое положение Тихоокеанской России можно оценить во многом как уникальное, сочетающее в себе одновременно черты благоприятного, а также напряженного, сложного, противоречивого.

Уникальность геополитического положения Тихоокеанской России (ТР), по нашему мнению, выражается в следующем:

1. Тихоокеанская Россия (ТР) — это зона глобальных контактных структур: во-первых, это стык крупнейшего макрорегиона — Северо-Востока Евразии с Тихим океаном, а во-вторых, непосредственное соседство России с крупнейшими странами мира: США, Китаем, Японией.

2. ТР — это зона крупных трансграничных регионов⁹:

– бассейны морей: Берингова, Охотского, Японского;

– бассейны рек — Амура, Усури, Туманной и др.;

– бассейн крупного озера Ханки;

– макрорегион в целом входит в Тихоокеанское трансграничное пространство (прежде всего — в Северотихоокеанское ТП).

3. ТР — это зона трансконтинентальных (начало и окончание трансевразийских) транспортных магистралей и портово-железнодорожных комплексов, обеспечивающих выполнение регионом контактных функций на глобальном уровне.

4. ТР — это зона уникального по разнообразию природно-ресурсного потенциала (в том числе — возобновляемых природных ресурсов морей и суши) — важной составляющей геополитического потенциала макрорегиона и страны.

5. ТР — это зона пересечения геополитических интересов ведущих стран мира и одновременно крупнейших морских держав с мощными военными и гражданскими флотами.

6. ТР — это зона со значительным весом морских составляющих в ее геополитическом потенциале, в том числе размещенных в прибрежной зоне и в морской 200-мильной экономической зоне.

Тихоокеанская Россия, являясь частью Северо-Восточной Азии (СВА), испытывает воздействие уникальности этого крупного макрорегиона и геополитических отношений в нем:

– Во-первых, Северо-Восток Евразии — стык большого числа мировых цивилизаций. В том числе крупнейших и древнейших: палеоазиатской, китайской, японской, корейской, европейской.

– Во-вторых, Северо-Восток Евразии и Северо-Западная Пацифика — макрорегион мира с большим числом «геополитических точек напряжения», т.е. районов, где так или иначе выражены геополитические проблемы, связанные с неурегулированностью вопросов государственных границ, принадлежности территорий и акваторий.

К таким районам можно отнести:

– Корейский полуостров (противоречия и неурегулированность геополитических отношений между КНДР и Республикой Корея);

– Южно-Курильские острова (геополитические противоречия в этом районе и отсутствие мирного договора между Россией и Японией);

– острова Токто (или Такэсима) в Японском море (геополитические противоречия между Японией и Республикой Корея);

– Острова Сенкаку в Восточно-Китайском море (геополитические противоречия между Китаем, Тайванем и Японией);

– Парасельские острова в Южно-Китайском море (геополитические противоречия между Вьетнамом, Китаем и Тайванем);

– острова Спратли в Южно-Китайском море (геополитические противоречия между Брунеем, Вьетнамом, Китаем, Малайзией, Тайванем и Филиппинами);

– остров Тайвань (геополитические противоречия между китайской республикой Тайвань и материковым Китаем);

– специфической геополитической проблемой является географическое название Японского моря, которое в КНДР и Республике Корея именуется Восточным.

Основным, «активно работающим» признаком уникальности геополитического положения российского Дальнего Востока — как Тихоокеанской России — является его значительная удаленность от центральных районов страны и в то же время — непосредственное соседство с крупнейшими развитыми и развивающимися странами мира: США, Китаем, Японией (табл. 1).

Сегодня именно эти три державы — и на глобальном уровне, и на макрорегиональном, — оказывают основное влияние на международную политику и интересы России в области безопасности и международных отношений. От геополитических отношений с этой «тройкой» стран во-многом зависит не только будущее Тихоокеанской России, но и всей страны. Разумеется, очень важным остается европейский вектор внешней политики России. Однако, «центр тяжести» геополитических отношений переносится в Тихоокеанский регион.

Таблица 1

Основные показатели геополитического потенциала стран, 2012 г.

Страны	ВВП, млрд долл. США, по ППС*	Военный бюджет на 2013 г., млрд долл. США ^{10**}	Численность населения, оценка на июль 2012 г. ^{***}	Территория, тыс. кв. км ^{****}
США	15 685	731,900	314	9 519
Китай	12 406	114,200	1 343	9 597
Япония	4 628	56,908 (2012 г.)	127	378
Россия	2 513	71,200	138 ¹¹	17 098

* По данным Международного валютного фонда (МВФ)¹³ по ППС — паритету покупательной способности национальных валют;

** По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) и Википедии;

*** По данным Американского Бюро Переписи (Factbook);

**** По данным Госкомстата РФ.

Из этой «тройки» США сегодня являются ведущим глобальным геополитическим центром, значительно превосходящим геополитические потенциалы всех других стран мира. В этой связи США представляют собой пока что единственный полюс в современной геополитической структуре мира. По ВВП США превосходят Россию более чем в 6 раз, а по населению в 2,2 раза. Их военный бюджет превышает российский в 10 раз, а инвестиции в модернизацию вооружений и военной техники — почти в 20 раз. В обозримом будущем это будет обеспечивать качественное и количественное превосходство США как в военной, так и в экономической сферах.

Япония также имеет большой социально-экономический и научно-технический, а также значительный военный потенциал. По ВВП Япония превосходит Россию в 1,8 раза (см. табл.), уступая ей в населении лишь на 8,7%. В последнее время эта страна наращивает и свой военный потенциал.

Китай опережает Россию по ВВП почти в 5 раз и по численности населения почти в 10 раз. При этом следует иметь в виду, что Тихоокеанская Россия остается слабо заселенной, но — насыщена природными ресурсами, в том числе энергетическими и земельными. В то же время и для Китая, и для Японии недостаток собственного сырья, топливно-энергетических ресурсов и пригодных для хозяйственного использования территорий, в том числе земель для производства продовольствия при быстро растущей экономике (и населения в КНР) становятся все более важной национальной проблемой.

Из этих стран-соседей в последние три десятилетия существенно усиливает свой геополитический потенциал Китай¹². Его значение для России определяется масштабами этой устойчиво развивающейся страны, протяженностью общей границы, значительными потребностями в природных ресурсах и территориях, а также — возможным позитивным влиянием Китая на будущее развитие России, в особенности, ее восточной части — Тихоокеанской России. Сегодня Китай заинтересован в торговле и поставках из России топливно-энергетических и других ресурсов, а также отдельных видов вооружений. Стратегическое сотрудничество и военные соглашения с Россией, в общем, усиливают позиции Китая в отношениях с США, Японией, Индией, странами АСЕАН. Однако для Тихоокеанской России существует и определенная опасность превращения в сырьевой придаток Китая с добычей и поставками ему нефтегазовых ресурсов, металлургического сырья, лесосырьевых ресурсов.

Поэтому в дальнейшем без ускоренного наращивания экономического и демографического потенциала на российском Дальнем Востоке, без диверсификации хозяйст-

ва на инновационной основе можно ожидать лишь усиления контрастов и роста социально-экономических градиентов, осложняющих геополитические отношения этих мировых геополитических центров, с одной стороны, и России — с другой.

В любом случае, для России широкое экономическое и гуманитарное сотрудничество с КНР, США, Японией, другими странами АТР выгодно и желательно как с экономической, так и с геополитической точек зрения. Однако в перспективе ключ к безопасности России на восточных рубежах лежит прежде всего в ускоренном собственном экономическом и демографическом развитии и поддержании в Тихоокеанской зоне разумного оборонного потенциала, а также в поддержании добрососедских взаимовыгодных отношений со всеми сопредельными странами, включая КНДР и соседей второго порядка — Республику Корея, Вьетнам, Индию и другие страны АТР.

Наращивание геополитического потенциала в пределах Тихоокеанской России будет способствовать укреплению ее геополитического положения, в том числе за счет «приращения» его морских составляющих.

В качестве «морских составляющих», во многом усиливающих уникальность геополитического положения Тихоокеанской России, можно выделить следующие:

- Наличие морских государственных границ России в пределах Дальнего Востока, их огромную протяженность (более 5 тыс. км) в разных природно-климатических зонах.

- Наличие исключительной морской 200-мильной экономической зоны, ее очень большие размеры и имеющийся в ее пределах разнообразный природно-ресурсный потенциал с полным российским суверенитетом над ним.

- «Морские» составляющие геополитического потенциала стран-соседей, с которыми имеются морские государственные границы (включая их морские экономические зоны, военно-морские базы и объекты, размещенные на их акваториях).

- Транспортно-транзитный потенциал морей и Тихого океана.

- Большая протяженность с севера на юг и изрезанность береговой линии, наличие большого количества закрытых, в том числе — незамерзающих заливов и бухт — как специфических прибрежно-морских ресурсов.

- Пересечение контактных структур «суша — море» государственными границами, в том числе морскими.

- Наличие большого количества межостровных проливов в Курильской гряде, обеспечивающих безопасный выход в открытый Тихий и Мировой океаны;

- Военно-морской и гражданский флоты, базирующиеся в ТР, их мощности, зоны плавания и влияния в сопоставлении с флотами сопредельных стран;

- Морская транспортная инфраструктура ТР, портовые мощности в сопоставлении с портово-транспортными инфраструктурами приграничных регионов сопредельных морских держав;

- Экономический, демографический и научно-технический потенциалы, обеспечивающие различные виды морехозяйственной деятельности в приморских регионах Тихоокеанской России.

С учетом широкого выхода Тихоокеанской России к морям, Тихому и Северному Ледовитому океанам и освоения их разнообразных природных ресурсов морские составляющие в геополитическом положении макрорегиона в перспективе будут возрастать и усиливаться. Именно сфера морской деятельности в этом макрорегионе мира становится важнейшей в отработке новых механизмов взаимодействия с основными современными центрами силы — США и Китаем, влияние которых в мире будет возрастать.

Появление у страны и ее крупного региона морских государственных границ требует организации их постоянной охраны и контроля и формирования специальных структур: военно-морских сил, морских погранвойск, рыбоохраны, таможенных служб и др. Необходимо также налаживать соответствующие взаимоотношения с соседними морскими странами в сфере охраны и контроля морских акваторий и ресурсов.

В пределах морской экономической зоны и арктического шельфа, по международным нормам, Россия обладает полным суверенитетом над всем их природно-ресурсным потенциалом. В то же время локализация многих морских природных ресурсов, в том числе нефтегазовых, не имеют четко выраженных пространственных рубежей, соответствующих морским государственным границам, в том числе — границам морских экономических зон. Рыбные ресурсы вообще являются подвижными, динамичными во времени и пространстве. Поэтому между соседними приморскими странами, в том числе и граничащими с Тихоокеанской Россией, возникают сложные проблемы взаимоотношений по поводу оценки, добычи, использования и контроля за морским природно-ресурсным потенциалом. При в целом едином природно-ресурсном потенциале морей необходимо решать проблемы его размежевания по принадлежности к выходящим к морям странам.

Одной из важных морских составляющих, определяющих геополитическое положение макрорегиона, является транспортно-транзитный потенциал морей, океана, в том числе и в пределах 200-мильных зон. Здесь также необходимо тесное взаимодействие, во-первых — приморских стран, во-вторых — и других, которые заинтересованы в его использовании. Например, ряд стран Восточной Азии, в том числе Китай, Япония, Республика Корея, проявляют большой интерес к использованию Северного морского пути.

Во многих случаях в морских зонах происходит пересечение и сопряжение как стационарных, так и подвижных элементов контактных структур: суша — море (природно-ресурсных, морехозяйственных, экологических), а также — приграничных акваторий — национальных структур природопользования соседних стран, что также требует своего постоянного регулирования.

Следует подчеркнуть, что практически все бассейны дальневосточных морей — как целостные морские геосистемы (экосистемы) — являются трансграничными, то есть через них проходят сухопутные и морские государственные границы. Важно также и то, что поддержание на высоком уровне экологического состояния морей, морских экосистем — задача, которая может эффективно решаться лишь при постоянном взаимодействии приморских стран, выходящих к одному морю.

Как показывают наши исследования¹³ в таких трансграничных регионах, несмотря на прохождение государственных границ, остаются тесно взаимосвязанными природные ресурсы и процессы (морские течения, миграции рыб, речной сток, циркуляция атмосферы и т.п.). При этом качественно-количественные изменения отдельных ресурсосодержащих компонентов или окружающей среды в одном месте трансграничного региона, как правило, передается в другие его части. Поэтому наиболее полная оценка природно-ресурсного потенциала во всем трансграничном регионе, а также организация устойчивого эффективного природопользования возможны только в пределах всего этого пространства. С этой целью необходима разработка долгосрочной договорной основы между государствами, являющимися частями единых трансграничных регионов.

Трансграничность морских бассейнов в конечном счете обуславливает и то, что все морские акватории таких бассейнов по мере их освоения становятся зоной пересечения геополитических интересов практически всех выходящих к морскому побережью стран^{3,5,6,18,19}. Например, акватория Японского моря является зоной пересечения геополитических интересов России, Японии, Республики Корея и КНДР. В известной мере, здесь пересекаются геополитические интересы и Китая, т.к. он также имеет часть этого трансграничного региона в бассейне р. Туманной. Акватория Охотского моря является в большей мере зоной российских геополитических интересов и в меньшей мере — японских. Акватория Берингова моря — зоной пересечения российских и американских геополитических интересов.

Для количественной оценки отдельных морских аспектов геополитического положения Тихоокеанской России могут быть использованы такие показатели, как длина

береговой линии, площадь морской экономической зоны, число судоходных выходов (проливов) в открытый океан и их расположение относительно взаимодействующих стран в этом регионе мира. Важную геополитическую составляющую имеют и такие показатели, как число и плотность населенных пунктов в прибрежной зоне, число морских портов, портпунктов и портовые мощности макрорегиона и соответствующих трансграничных регионов, в том числе в сопоставлении с аналогичными показателями в соседних странах, дислокация военно-морского потенциала в сопоставлении с соседними странами и др.

Следует подчеркнуть, что береговая и прибрежная зоны Тихоокеанской России в целом являются не только важнейшим природным ресурсом многоцелевого назначения, но и опорной базой в стратегическом отношении, в частности, в последующем освоении Мирового океана, а также Северного морского пути как новой трансконтинентальной магистрали. В этой связи прибрежная и 200-мильная морская зоны Тихоокеанской России существенно дополняют геополитический потенциал России в целом.

Значительные морские акватории, с одной стороны, являются естественными рубежами, или некоторым сдерживающим фактором в обеспечении национальной безопасности любого государства. Но в то же время именно значительная «морская составляющая» геополитического потенциала, обширные выходы к морям и Тихому океану обеспечивают соответствующий интеграционный потенциал и уровень взаимодействия России со многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Потенциал взаимодействия усиливается и благодаря тому, что государственные границы многих стран АТР преимущественно представлены морскими границами, в том числе и у соседних крупнейших в военном и экономическом отношении стран мира — США, Китая, Японии.

1. Бакланов П.Я. О категориях современной геополитики // Изв. РАН. Сер. геогр. 2003. № 2. С. 7–16.
2. Бакланов П.Я. Геополитическая асимметрия России как стратегический фактор регионального развития // Народонаселение. 2005. № 2. С. 116–120.
3. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
4. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
5. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (51). С. 60–72.
6. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю., Романов М.Т., Волыничук А.Б., Фролова Я.А. и др. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.
7. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. 2000. № 3. С. 40–61.
8. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия как объект и субъект российской и международной политики // Вестник ДВО. 2013. № 1. С. 4–9.
9. Лузянин С.Г. Российско-китайские измерения Шанхайской организации сотрудничества. Модель — 2013 г. // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 42–49.
10. Мозиас П.М. Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 25–39.
11. Население субъектов Российской Федерации. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.05.2013).
12. Организация Североатлантического договора. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 28.06.2013).
13. Парамонов В., Стрюков А., Стояновский О. Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/523.html> (дата обращения 17.06.2013).

14. *Портыков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.
 15. Список стран по ВВП (ППС). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.05.2013).
 16. Список стран по военным расходам [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/SIPRI>: <http://sipri.org/> (дата обращения: 14.05.2013).
 17. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 623 с.
 18. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
 19. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов; д-р полит. наук, проф. М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
 20. Численность населения стран мира (данные Американского Бюро Переписи (Factbook). URL: <http://mostinfo.su/29-chislennosti-naseleniya-stran-mira-v-2012-godu.html> (дата обращения: 14.05.2013).
-
1. *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.; *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (51). С. 60–72; Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю., Романов М.Т., Волинчук А.Б., Фролова Я.А. и др. Владивосток: Дальнаука: Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.; *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. 2000. № 3. С. 40–61; *Парамонов В., Строков А., Стояновский О.* Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/523.html> (дата обращения 17.06.2013); Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего // Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
 2. Организация Североатлантического договора. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 28.06.2013).
 3. *Бакланов П.Я., Ганзей С.С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.; *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.; *Парамонов В., Строков А., Стояновский О.* Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/523.html> (дата обращения 17.06.2013); *Портыков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.; *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 623 с.
 4. *Мотиас П.М.* Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 25–39.
 5. *Бакланов П.Я.* О категориях современной геополитики // Изв. РАН. Сер. геогр. 2003. № 2. С. 7–16.
 6. *Бакланов П.Я.* Геополитическая асимметрия России как стратегический фактор регионального развития // Народонаселение. 2005. № 2. С. 116–120.
 7. *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.; *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (51). С. 60–72; Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю., Романов М.Т., Волинчук А.Б., Фролова Я.А. и др. Владивосток: Дальнаука: Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.; *Парамонов В., Строков А., Стояновский О.* Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/523.html> (дата обращения 17.06.2013); Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
 8. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.;

9. *Бакланов П.Я., Ганзей С.С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.; *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (51). С. 60–72; *Ларин В.Л.* Тихоокеанская Россия как объект и субъект российской и международной политики // Вестник ДВО. 2013. № 1. С. 4–9; Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.; Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов; д-р полит. наук, проф. М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
10. США является лидером крупнейшего и самого активного военно-политического блока — НАТО, в который сегодня входят 28 государств, и военный бюджет которого на 2013 г. составляет около 850 млрд долл \$¹⁴. Кроме того, у США заключены двусторонние военно-политические соглашения с Японией и Республикой Корея — соседями I-го и II-го порядков российского Дальнего Востока. В целом военный бюджет этой группы стран на 2013 г. составляет 940 млрд. долл. \$, или около 54% от мирового значения (для сравнения, военный бюджет России от мирового значения достигает лишь 4%).
США является лидером крупнейшего и самого активного военно-политического блока — НАТО, в который сегодня входят 28 государств, и военный бюджет которого на 2013 г. составляет около 850 млрд долл \$¹⁴. Кроме того, у США заключены двусторонние военно-политические соглашения с Японией и Республикой Корея — соседями I-го и II-го порядков российского Дальнего Востока. В целом военный бюджет этой группы стран на 2013 г. составляет 940 млрд. долл. \$, или около 54% от мирового значения (для сравнения, военный бюджет России от мирового значения достигает лишь 4%).
11. По данным Госкомстата РФ, численность населения в России в 2012 г. составляла 143,37 млн. чел.
12. *Лузянин С.Г.* Российско-китайские измерения Шанхайской организации сотрудничества. Модель – 2013 г. // Пробл. Дальнего Востока. 2013. №3. С. 42–49; *Парамонов В., Строков А., Стояновский О.* Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/523.html> (дата обращения 17.06.2013); *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 623 с.
13. *Бакланов П.Я., Ганзей С.С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.; Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов; д-р полит. наук, проф. М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.

Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога

© 2013

К. Антипов

Беспрецедентная эскалация противоречий между КНР и США в киберпространстве обозначила определенный кризис в китайско-американских отношениях. Вместе с тем, итоги неформальной встречи Си Цзиньпина и Обамы в Калифорнии 8–9 июня 2013 г. свидетельствуют, что США и КНР, возможно, смогут продвинуться к новому этапу их взаимодействия в сфере безопасности.

Ключевые слова: Китай, США, киберпространство, экономические аспекты соперничества

Конфликт между Пекином и Вашингтоном в киберпространстве, в течение ряда лет развивавшийся на периферии соперничества двух стран, в 2012 — первой половине 2013 гг. вышел на первый план, угрожая занять доминирующее положение в общей системе китайско-американских отношений. Резко возросшее число хакерских атак на объекты КНР и США и усилившееся противоборство в двусторонних отношениях по поводу боевого использования информационных технологий стало не только проявлением стратегического соперничества двух держав, но и важным фактором глобальных международных отношений, затрагивающих интересы России, а также и всего мирового сообщества.

Обострение данной ситуации отражает широкий спектр долговременных противоречий между КНР и США, усиливающихся в политической, экономической и военной областях. Видные эксперты обеих сторон расценивают данную ситуацию как показатель того, что стратегическое соперничество стало опережать стратегическое сотрудничество. Это касается прежде всего милитаризации киберпространства, возрастающего экономического ущерба от хакерской деятельности и назревшей необходимости наладить в данной области диалог и широкое международное сотрудничество. Состоявшаяся в июне 2013 г. неофициальная встреча Си Цзиньпина и Обамы продемонстрировала желание обеих сторон снизить остроту конфликта, не отказываясь, однако, от продолжения противоборства на данном направлении. Происходящая интеграция новой силовой политики и дипломатии на высшем уровне развивается в русле становления международных отношений нового типа. Именно этот процесс во многом определит новые параметры международной безопасности и новые возможности для продолжения традиционных китайско-американских отношений, сочетающих борьбу и поиски взаимодействия между КНР и США.

Киберконфликт в контексте китайско-американских отношений

В последние месяцы руководители США и КНР не раз выступали с заявлениями о происходящем усилении киберугрозы и предпринимали практические шаги по наращиванию потенциала для дальнейшей борьбы. Послание Обамы Конгрессу США в январе 2013 г., ежегодный доклад директора центральной разведки США Клеппера, заявления советника по национальной безопасности Донилсона, а также целый ряд других авторитетных выступлений и публикаций стали свидетельством серьезной обеспокоенности Вашингтона обострением противоречий с Китаем в сфере кибербезопасности. Как отмечает ряд американских экспертов, впервые после событий 11 сентября 2001 г. киберугроза выдвинулась на первое место в системе приоритетов стратегии безопасности США. В исполнительном приказе президента США от 12 февраля 2013 г. и в докладе Белого дома от 21 февраля 2013 г. «Стратегия администрации по ограничению хищения торговых секретов США» закреплены новые задачи в данной области, нацеливающие американские силовые структуры на дальнейшее наращивание их деятельности. По сообщениям китайских комментаторов, США приняли решение в ближайшие годы в пять раз увеличить численность Стратегического киберкомандования. Проводимые мероприятия свидетельствуют, что США стремятся сохранить за собой не только военно-техническое превосходство, но и политическое лидерство в данной сфере.

Ускоренное наращивание киберпотенциала происходит и в КНР. Признавая рост киберугрозы, Пекин, вместе с тем стремится сохранять сбалансированную позицию и ориентируется на достижение международного согласия по вопросам кибербезопасности. Касаясь обвинений Китая в проведении массированных кибератак на объекты США, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян отметил, что «этот вопрос носит глобальный характер» и «сам Китай является его главной жертвой. Китай не только не поддерживает, но напротив — выступает против хакерских атак». Назвав осуждение Китая «презумпцией вины», Ли Кэцян подчеркнул, что обе стороны должны... сделать больше реальных дел для защиты безопасности киберпространства¹.

Как показывают события 2012–2013 гг., китайско-американское соперничество в киберпространстве в настоящее время проходит через кризисный период. При этом нарастание напряженности в двусторонних отношениях сопровождается постепенным осознанием на Западе того факта, что в данной области Китай в состоянии наносить серьезный ущерб американским интересам, несмотря на сохраняющееся военно-технологическое превосходство США. Это явилось важной предпосылкой для начала обсуждения проблемы на высшем уровне. Однако согласие сторон возобновить диалог пока не означает сближения их позиций. Это было наглядно продемонстрировано в ходе состоявшейся 8–9 июня 2013 г. неформальной встречи президента Обамы с председателем КНР Си Цзиньпином. Как неоднократно подчеркивали представители администрации США при подготовке встречи, ввиду происходящего нарастания кибератак вопрос о кибербезопасности в отношениях с Китаем являлся главным приоритетом для президента Обамы. Однако в изложении китайской печати данный вопрос, как правило, упоминался на последнем месте на всех этапах состоявшихся бесед. Подобная асимметрия в переговорных позициях может иметь достаточно глубокий смысл, учитывая то, что нынешняя инициатива США по организации диалога на высшем уровне является по сути запоздалой реакцией Вашингтона на предложения по проведению переговоров для нормализации обстановки в киберпространстве на правовой основе, ранее выдвигавшиеся Россией, а затем и Китаем. К тому же в ходе переговоров Обамы с Си Цзиньпином американская сторона попыталась построить диалог, выступая по существу с обвинительных позиций в отношении Китая. Начавшиеся в эти же дни в западной прессе масштабные утечки информации об агрессивной деятельности США в киберпространстве, особенно разоблачения бывшего сотрудника ЦРУ Э. Сноудена, показали несостоятельность

такого подхода для формирования сколь-нибудь перспективной американской дипломатии. Однако отказ от продолжения американской политики давления на Китай представляется пока маловероятным, поскольку деятельность киберподразделений США в отношении Китая осуществляется в течение ряда лет, она опирается на сложившуюся традицию и интегрирована в стратегию национальной безопасности США.

По оценке экспертов, наиболее активно киберпротивостояние развивается в китайско-американских отношениях с 2009 г. Оно протекает с прямым участием государственных органов обеих сторон и наносит серьезный ущерб Китаю и Штатам. Еще в мае 2009 г. в ходе обсуждения в конгрессе США использования Китаем информационных технологий президент Обама назвал кибератаки «одним из наиболее серьезных вызовов экономике и национальной безопасности США»². Данная тема стала предметом пристального внимания со стороны Белого дома, Конгресса США, систематически получает оценку в докладах Госдепартамента, национальной разведки, ЦРУ, Пентагона и других ведомств.

Говоря о растущем давлении хакерской деятельности иностранных государств, преступных групп и отдельных личностей на американское общество, директор Агентства национальной безопасности США (АНБ) генерал Кейт Александер заявлял, что киберугроза представляет еще большую опасность, чем стратегия ядерного устрашения, с которой США приходилось иметь дело в прошлом³. Он также признал, что до сих пор ни одно государство не располагает надежной защитой от киберагрессии, причем возникшее отставание киберобороны от средств нападения носит устойчивый характер и может сохраняться в течение длительного времени. Рассматривая эту особенность применительно к китайско-американским отношениям, эксперты считают, что на цифровом поле США пока находятся в более уязвимом положении, учитывая опережающее распространение информационных технологий во всех отраслях жизни американского общества. Кроме того, не имея возможности достоверно установить источник нападений техническими средствами, ни одно современное государство, в том числе — США и Китай, не могут обеспечить необходимую защиту своих сетей. Характерно, что мнение о большей опасности киберугрозы по сравнению с ядерной опасностью высказывают и авторитетные китайские представители. Так, Чэнь Сяогун, член Комиссии по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей, называет киберпространство «новым полем боя», предупреждая при этом, что если страны допустят на нем гонку вооружений, то «последствия этого будут еще страшнее ядерной войны»⁴.

К вопросам нарастающей киберугрозы и обеспечения безопасности в киберпространстве в последнее время проявляется повышенное внимание во всех странах, они все чаще находят отражение в публичных выступлениях представителей России, Китая и США и других государств. Происходит заметное усиление политической значимости кибербезопасности как негативного фактора внутренней политики и международных отношений, требующего особого внимания. Так, в декабре 2012 г. президент Путин поручил компетентным органам активизировать работу в киберпространстве. Он подчеркнул необходимость «и дальше действовать системно и наступательно»⁵. В Китае после целого ряда лет сравнительно сдержанного отношения к киберугрозе в публичных выступлениях на высшем уровне впервые прозвучали заявления о необходимости «придавать серьезное значение» обеспечению кибербезопасности КНР⁶. Тема кибербезопасности активно присутствует в китайских публикациях как для внутренней, так и для международной аудитории, ведется системная подготовка вооруженных сил к «действиям в условиях информатизации», данная проблема является объектом постоянного внимания китайской дипломатии, партийного и государственного руководства.

США, развернувшие масштабное наступление на позиции Китая в киберпространстве, осуществляют в этой сфере наиболее активную деятельность. На сегодняшний день Америка располагает самым мощным киберпотенциалом. По сообщениям

американской прессы, АНБ, используя автоматические системы взлома компьютерных сетей, ежедневно похищает 2 петабайта (2 миллиона гигабайт) информации в компьютерах всего мира. Это, по словам, бывшего директора национальной разведки США Майка Макконнелла, обеспечивает основной поток разведывательной информации, в том числе — свыше 75% информации, входящей в ежедневную разведсводку для президента США⁷.

Судя по появившимся в последнее время публикациям осведомленных американских экспертов⁸, уже в первые месяцы пребывания в Белом доме администрация Обамы двинулась по пути модернизации и придания наступательного характера киберстратегии США «Олимпийские игры», сформированной в последние годы администрации президента Буша-младшего. Одним из фундаментальных оснований стратегии является созданная в Америке система контроля за интернетом, использующая, в частности то, что десять из тринадцати корневых серверов, регулирующих основной объем глобального трафика в сети, действуют в США. Они находятся под наблюдением корпорации ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers), которой эти функции были переданы в 1998 г. правительством США.

Сохранение глобального лидерства США, укрепление доминирующего положения в сети интернет и ее активное использование в политических целях стало одним из системных элементов киберстратегии администрации президента Обама в отношении Китая. В основе этого подхода — политика сдерживания КНР, оказание идеологического и политического воздействия на эволюцию китайского общества, продвижение концепций либеральной демократии, стимулирование оппозиционных настроений в Китае. В последнее время эта стратегия все больше направляется и на цели соперничества с Китаем в международных отношениях. Так, по мнению видного американского эксперта Патрика Кронина, одной из основных причин усиления давления США на Китай в последние месяцы является стремление продемонстрировать союзникам в Азии готовность отстаивать свое доминирующее положение и сохранять баланс сил с КНР. Именно такой подход продемонстрировал министр обороны США Хейгел на XII встрече в верхах по безопасности в Азии, состоявшейся в Сингапуре в мае 2013 г.⁹ Киберпротивоборство является одним из существенных элементов этой политики.

Однако главное место среди политических приоритетов киберстратегии Вашингтона все еще сохраняет область китайско-американских противоречий по вопросам государственного суверенитета КНР. В этой связи следует отметить, что развитие силовой деятельности в виртуальном пространстве сопровождается настойчивыми попытками Запада утвердить в информационном поле новые принципы международных отношений, ограничивающие признание государственного суверенитета. Так, получившая в 2005 г. закрепление в решениях ООН т.н. «доктрина гуманитарного вмешательства» фактически использует в качестве одного из своих идейных оснований «Декларацию независимости интернета», обнародованную в Швейцарии в феврале 1996 г. и провозгласившую отказ от применения суверенитета к деятельности в киберпространстве¹⁰.

Наступательный характер киберстратегии США, ее разворот на решение политических задач в отношениях с Китаем наиболее ярко иллюстрируют попытки Запада в 2009 г. использовать Интернет, чтобы подхлестнуть антиправительственные настроения в КНР и содействовать подъему протестного движения в русле «твиттерных» революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Эти же задачи решаются в рамках политики США по вопросам Тибета и Синьцзяна. Цели и принципы, определившие основные шаги в этой деятельности, в том числе — создание вслед за военными структурами во главе со Стратегическим киберкомандованием США еще и соответствующего подразделения в госдепартаменте, сформулированы в известной речи Хиллари Клинтон о свободе Интернета¹¹.

Форсированное наращивание силового компонента киберстратегии и его активное использование во внешнеполитических целях США отодвинуло на второй план переговоры о возможностях сотрудничества для снижения киберугрозы. Кибердиалог с Китаем, ранее официально включенный в систему Стратегического диалога двух стран, оказался практически свернут. Длительная эскалация конфликта и отсутствие должных международных соглашений в этой области, по-видимому, в немалой степени объясняются расчетами США на сохранение стратегического превосходства над КНР в киберпространстве и на возможность доминировать в формировании мирового порядка в этой сфере. В этой связи приходится отметить, что в течение длительного времени США фактически игнорировали предложения России и Китая, направленные на соблюдение в киберпространстве государственного суверенитета и других признанных правовых норм. Однако в результате активного наращивания киберпотенциала обеими сторонами и стремительного научно-технического развития мировой киберсферы Китай и США к настоящему времени оказались в состоянии определенного паритета. Как отмечают западные эксперты, «китайская доктрина кибервойны хорошо разработана, в развитие наступательных и оборонительных возможностей НОАК и спецслужб сделаны значительные инвестиции»¹².

Китайско-американское соперничество оказывает усиливающееся воздействие на глобальную военную ситуацию. Оно ускоряет милитаризацию киберпространства, стимулирует рост напряженности и дальнейшее втягивание в гонку кибервооружений всего мирового сообщества. С военно-стратегической точки зрения, уровень развития информационных технологий в обеих странах позволяет США и КНР оказывать серьезное давление друг на друга путем создания киберугроз в широком диапазоне отношений, затрагивающих политические, деловые и иные интересы. Нарастание борьбы, по оценкам экспертов, создает угрозу сети интернет, имеющей жизненно важное значение для дальнейшего развития процессов глобализации во всем мире. Судя по комментариям специалистов, с технической точки зрения противостояние с использованием информационных технологий имеет широкие возможности для активного применения в условиях мирного времени и, следовательно, может приобрести долговременный характер.

Это актуализирует необходимость возобновления китайско-американского диалога по кибербезопасности и в то же время ставит целый ряд вопросов о перспективах переговорного процесса и имеющихся трудностях на этом пути. В этой связи стоит обратить внимание на то, что активное подключение к соперничеству в киберпространстве госдепартамента США и крен в сторону политических целей в последние годы привели к своеобразной асимметрии в подходах Пекина и Вашингтона к оценке угроз в цифровом поле. В дальнейшем это определило различие подходов и к определению сторонами своих приоритетных задач во взаимоотношениях по данной проблеме. Основную опасность для интересов США здесь американцы усматривают в хакерской деятельности китайских операторов, направленной на хищение военно-технической информации, интеллектуальной собственности, коммерческих секретов и т.п. Подобные действия, по словам директора Национальной разведки США Клеппера, в профессиональных кругах США рассматриваются в рамках единого понятия кибербезопасности — либо как нападение с диверсионной целью, либо как шпионаж.

Однако для Китая, помимо защиты информационных сетей, приоритетное значение приобрели также и вопросы защиты суверенитета от угроз в киберпространстве, поддержания стабильности и общественного порядка, а также обеспечения невмешательства во внутренние дела со стороны иностранных держав с использованием информационных возможностей Интернета. При этом китайцы в отличие от США разделяют понятия кибербезопасности и информационной безопасности. На этой почве сформировалось различное толкование сторонами многих понятий и терминов, определяющих сферу кибербезопасности. К числу подобных разночтений относятся даже

также основополагающие понятия как кибератака. В этой связи в последнее время в КНР и США участились выступления видных экспертов с заявлениями о необходимости дополнить длинный перечень китайско-американских расхождений признанием различия подходов еще в одной области — понимания киберугрозы и кибербезопасности. При этом отмечается, что речь идет не о семантических различиях в трактовке тех или иных понятий, а о различном понимании проблем, относящихся к кибербезопасности, о различии имеющихся представлений и взглядов политических лидеров, основанных на различии политических систем и фундаментальных интересов двух стран¹³. Важность установления понятийного соответствия в этой сфере становится еще более актуальной в результате усиливающегося смещения вопросов кибербезопасности из сферы профессиональной информационно-технической деятельности в область политического управления, предпринимательства и дипломатии. В ближайшей перспективе этот процесс может ускориться.

В «мозговых центрах» Китая и США постоянно подчеркивается важность согласования основных понятий еще и потому, что в повседневную деятельность в сфере кибербезопасности быстро втягивается значительная категория новых участников — от высших государственных чиновников до представителей массовых профессий, коммерческой, общественной и культурной деятельности. Это, по оценке экспертов, может оказывать существенное воздействие на переговорный процесс и общественное мнение, проявляющееся растущий интерес к китайско-американскому киберконфликту. При этом отмечается особое значение освоения киберпроблематики управленческим контингентом, принимающим решения в сфере внешней политики. О степени вовлеченности высшего китайского руководства в дела практического обеспечения кибербезопасности можно судить, например, по тому, что нынешний премьер Госсовета КНР Ли Кэцян возглавлял в ЦК КПК т.н. «группу координации национальной сети и информационной безопасности». Членами этой группы являлись нынешний председатель ВСНП Чжан Дэцзян и Лю Юньшань — член Постоянного комитета политбюро ЦК КПК¹⁴. Активное участие в работе на данном направлении принимали и бывшие члены Постоянного комитета политбюро Ли Чаньчунь, ведавший пропагандой, и Чжоу Юнкан, курировавший органы госбезопасности КНР.

Очевидно, что сторонам предстоит найти общую позицию для начала диалога. В отличие от США Китай в течение длительного времени проявляет устойчивую заинтересованность в создании международных норм для деятельности в киберпространстве. К настоящему времени наряду с военной доктриной в основном определились и основные политические аспекты стратегии кибербезопасности Китая, ориентированной на защиту суверенного права КНР обеспечивать кибербезопасность на собственной территории. При этом акцент делается именно на политическом, а не военно-техническом или разведывательном аспектах данной проблемы. Так, выступая в Чэнду в июне 2013 г. на встрече с участниками т.н. Форума 500 (2013 Fortune Global Forum), приуроченной к неофициальному визиту Си Цзиньпина в США, директор канцелярии Госсовета КНР по делам информации Цай Минчжао в очередной раз изложил позицию Китая по данному вопросу. Он выразил признание «выдающейся роли» Интернета в распространении и внедрении демократических ценностей в КНР: «продвижении прав граждан знать, выражать, участвовать и осуществлять надзор». В то же время Цай отметил различие условий в использовании Интернета в разных странах и потребовал проявлять «понимание и уважение» к усилиям правительства Китая по обеспечению кибербезопасности в собственной стране. Он подчеркнул, что проблема кибербезопасности по-разному воспринимается в различных обществах, подходы к ее решению могут быть разными, и в КНР ее будут решать в соответствии с имеющимся опытом, традициями и культурными потребностями. Вместе с тем, Китай заинтересован в международном сотрудничестве в целях освоения возможностей Интернета и обеспечения безопасности киберпространства¹⁵. Такая

трактовка отражает сложившуюся позицию Пекина и продвигается на всех уровнях международной деятельности КНР. Ранее на конференции по кибербезопасности в Будапеште ответственный представитель МИД КНР Хуан Хуйкан подчеркнул, что главным принципом китайской политики в киберпространстве является соблюдение суверенитета. Китай поддерживает свободу Интернета, однако это «обоюдоострый меч», когда в Интернете «бушует безответственная информация», угрожающая национальной безопасности, общественному порядку и законным правам людей¹⁶.

В соответствии с этим наряду с вопросами кибербезопасности китайское руководство стремится решать и проблемы информационной безопасности, связанные с попытками использования сети интернет в целях ослабления государственного режима в КНР. Как заявил Си Цзиньпин по результатам переговоров с Барак Обамой в июне 2013 г., «осуществляя доверительное сотрудничество, мы можем устранить опасения и превратить информационную безопасность и кибербезопасность в область позитивного сотрудничества между Китаем и США»¹⁷. Важно отметить в этой связи, что еще 22 сентября 2011 г. в Екатеринбурге на закрытой встрече руководителей спецслужб и силовых ведомств 52 стран Россия впервые представила Проект конвенции ООН «Об обеспечении международной информационной безопасности», запрещающий использование Интернета в военных целях и для свержения политических режимов, получивший поддержку КНР¹⁸. На данном этапе в авторитетных экспертных кругах США, например, в Фонде Карнеги, Брукингском центре и др. проявляются заметные изменения в подходе к данной проблеме, выдвигаются рекомендации воздержаться от использования сети для агрессивного продвижения в Китае принципов демократии и т.п. Однако заметного воздействия этих рекомендаций на решения государственного уровня пока не просматривается.

Экономическая взаимозависимость и киберконфликт КНР — США

Соперничество в киберпространстве закономерно проецируется на торгово-экономические отношения КНР и США, в значительной мере обеспечивающие устойчивость китайско-американского сотрудничества, но в то же время характеризующиеся растущей конкуренцией. Оценивая состояние безопасности в этой области, директор АНБ Кейт Александер заявлял, что в результате усиливающейся шпионской деятельности, похищения интеллектуальной собственности и коммерческих секретов Америке в последнее время наносится «беспрецедентный ущерб», происходит «величайшая по масштабам утрата собственности в истории». По его словам, ежегодные суммарные потери американских компаний от деятельности шпионов и киберпреступников могут достигать примерно 600 млрд долл. в год, что составляет около 60% потерь глобальной экономики, которые превышают 1 трлн долл. Преобладающую роль в этой деятельности он отвел китайским хакерам¹⁹. Вопросы экономической безопасности было уделено особое внимание во время неформальной встречи Си Цзиньпина с Обамой. По словам советника по национальной безопасности Донилона, Обама предупредил китайского партнера, что в случае продолжения хакерства «в экономических отношениях возникнут очень трудные проблемы»²⁰.

На данном этапе американское правительство активизирует попытки консолидировать деловое сообщество с целью получения дополнительной политической поддержки, мобилизации необходимых материальных ресурсов и усиления влияния администрации на американо-китайские деловые связи. Важная роль отводится использованию проекционистских мер, например, против крупнейших китайских производителей электронного оборудования компаний Хуавэй и ЗТЕ, деятельность которых на американском рынке серьезно ограничивается властями под предлогом обеспечения кибербезопасности. По существу правительство пытается создавать модель государственно-частного

партнерства для борьбы с хакерством, но одновременно с этим решается задача по укреплению конкурентных позиций американских компаний перед растущим напором китайского бизнеса. Обеспечение этого сотрудничества возложено на АНБ, разрабатывающее программы взаимодействия с предпринимательским сообществом с целью оказания технической помощи в борьбе с пиратством. Однако позиция американских деловых кругов нередко заметно отличается от официального курса Вашингтона. Важным препятствием для сотрудничества бизнеса с властями является опасение деловых кругов, что спецслужбы будут использовать сотрудничающие с ними компании, не считаясь с их интересами, для проведения наступательных операций против КНР в собственных целях²¹. Сдержанную реакцию предпринимателей встречают и попытки администрации добиться их политической поддержки в продвижении законодательных инициатив с целью усиления киберпротивоборства с Китаем. Оценивая итоги встречи в Белом доме президента Обамы с представителями 13 крупнейших американских компаний в марте 2013 г., руководитель Honeywell International Дэвид Коут заявил, что хотя «угроза реальна», действия правительства в данной ситуации должны быть «как можно более осторожными». «Важна гибкость, потому что угроза такого рода может быстро меняться»²². Следует отметить, что подобное отношение у бизнеса к инициативам Вашингтона в данной сфере сохраняется уже в течение ряда лет.

Пекин со своей стороны стремится использовать торгово-экономические связи в качестве одного из главных стабилизирующих факторов в китайско-американских отношениях. Судя по встрече Си Цзиньпина с Обамой в июне 2013 г., позиция, избранная китайской стороной, состоит, в частности, в том, чтобы снизить приоритетность проблемы кибербезопасности и выдвинуть на первый план вопросы строительства отношений нового типа и наращивания взаимовыгодного сотрудничества в различных областях. Такой подход был положительно воспринят представителями делового сообщества США, и с американской стороны незамедлительно прозвучали отклики авторитетных экспертов, выступивших в поддержку предложений Си Цзиньпина²³. Очевидно также, что для воздействия на Вашингтон и на общественное мнение в США Пекин активно использует китайско-американские деловые связи, особенно среди компаний, работающих на китайском рынке. Это было наглядно продемонстрировано, например, на упоминавшейся встрече директора канцелярии Госсвета КНР по делам информации Цай Минчжао с участниками «Форума 500» в Чэнду в июне 2013 г. В беседе с представителями таких компаний, как DreamWorks, Intel, WPP и Lenovo по вопросам кибербезопасности и сотрудничества в киберпространстве Цай Минчжао активно затрагивал политические вопросы. Он, в частности, отметил необоснованность обвинений в адрес КНР в организации масштабной разведывательной деятельности против бизнес-сообщества США и призвал мировые средства информации и телекоммуникации использовать свои возможности для того, чтобы «представить Китай международной общественности объективно»²⁴.

Эффективность апелляции китайской стороны к деловым интересам в значительной мере определяется тем, что киберконфликт развивается в условиях растущей экономической взаимозависимости между КНР и США. Взаимозависимость оказывает диалектическое воздействие на все стороны развития конфликта, сдерживая и стимулируя его одновременно. С одной стороны, нарастающий торгово-экономический обмен повышает роль разведывательной деятельности для обеих сторон, стремящихся укрепить конкурентоспособность своих экономик. В более широком контексте взаимозависимость открывает перед США и КНР возможность поиска все новых вариантов силовой политики. С другой стороны, взаимозависимость играет роль сдерживающего фактора, она объективно создает предпосылки для установления рамок соперничества, препятствует его перерастанию в крупное столкновение, наносящее невосполнимый ущерб государственным, общественным и частным интересам обеих стран. Стремление американской сто-

роны в большей степени учитывать эту особенность и сформировать сбалансированный подход к оценке киберугрозы наглядно проявилось на слушаниях в сенате 12 марта 2013 г., где директором Национальной разведки США Джеймсом Клэппером были по существу дезавуированы заявления бывшего министра обороны Леона Панетты о «грядущем Пирл-Харборе»²⁵, предостережения главы АНБ Александра о готовности Китая «перейти от подрывных нападений к разрушительным»²⁶, а также оценки ряда других высокопоставленных деятелей. Со ссылкой на преобладание взаимных интересов сотрудничества Клэппер фактически исключил возможность кибернападения Китая, как и других крупных держав, на военные и критически важные объекты жизнеобеспечения США в мирное время с целью их подрыва²⁷.

Отмечая расхождения между Пентагоном и другими силовыми ведомствами в трактовке проблемы кибербезопасности, ряд комментаторов высказывает мнение, что угроза столкновения с Китаем, несмотря на действительную опасность агрессивного использования информационных технологий, на данном этапе раздувается по конъюнктурным соображениям и активно используется в США как в политических, так и в ведомственных интересах²⁸. По-видимому, это свидетельствует о том, что выход киберконфликта с Китаем на первый план в области политики национальной безопасности США имеет и внутривнутриполитическое измерение, учитывая то, что проблемы кибербезопасности обострились и приобрели небывалый размах в ходе кампании переизбрания Барака Обамы на второй президентский срок. Отмечаемые всеми сторонами необычайно интенсивные нападки на Китай в ходе последней избирательной кампании, очевидно, могли повлиять на ведомственные оценки «угрозы» со стороны КНР.

Вместе с тем, не следует исключать и того, что допущенная администрацией Обамы эскалация конфликта использовалась в политических целях и китайской стороной, также переживающей период смены руководства и стремящейся консолидировать свои позиции, усилить наступательный характер внешней политики КНР. Выступления китайских руководителей на XVIII съезде КПК и 1-й сессии ВСНП 12 созыва, заявления ведущих политических и военных деятелей Китая свидетельствуют, что проблема кибербезопасности в отношениях с США поднялась на уровень политического приоритета и для Китая, становится предметом публичной деятельности и активной дипломатии и увязывается с задачами стратегического значения. Как отмечается в опубликованной в апреле 2013 г. «Белой книге» министерства обороны КНР, борьба с «традиционными и нетрадиционными угрозами» и подготовка спецподразделений ведется в соответствии с «коренными интересами» и «интересами развития» Китая²⁹. Освещение вопросов киберобороны в китайской печати, сообщения о масштабных учениях сил информационной защиты являются серьезным показателем перехода КНР к новой политике в вопросах кибербезопасности — от сокрытия растущего потенциала к демонстрации имеющихся возможностей. Судя по откликам китайских интернет-пользователей, такая позиция Пекина вызывает положительную реакцию и пользуется поддержкой населения КНР. Вместе с тем, готовность несколько отойти от традиций абсолютной секретности в том, что касается киберобороны, и приоткрыть некоторые возможности Китая свидетельствует о намерении активнее использовать политику устрашения и сдерживания в противостоянии с США на данном направлении.

Политика «устрашения» и переход к кибердиалогу

Следует признать, что до последнего времени эффективность политики устрашения со стороны обоих государств была невысока. Одной из основных причин того, по-видимому, можно считать нежелание обеих сторон принять ответственность за использование хакерских атак и их стремление поддерживать режим секретности в отношении своей деятельности в киберпространстве. Это ограничивало их возможности

открыто продемонстрировать друг другу свой потенциал, сделать его признанным элементом внешней политики и создать нужный эффект устрашения. По мнению западных авторов, США стали отходить от этой позиции, предприняв шаги с тем, чтобы продемонстрировать Китаю разрушительные возможности своих киберсредств. В этой связи нередко упоминается утечка информации о применении американцами «компьютерного червя» Stuxnet — вируса для вывода из строя оборудования ядерных объектов в Иране. Однако эта операция, по мнению специалистов, вызвала в Китае обратную реакцию и подтолкнула китайское руководство к решению ускорить информатизацию вооруженных сил КНР³⁰.

Кроме бездоказательных обвинений в адрес Китая и категорических возражений Пекина, соперники почти ничего не продемонстрировали из политического арсенала борьбы. Остались открытыми многие вопросы использования средств дипломатии и политики для противодействия эскалации киберконфликта. Ставка США на силовой вариант отношений в киберпространстве привела к тому, что до последнего времени возможность переговоров с Китаем по кибербезопасности прорабатывалась главным образом на экспертном уровне. При этом отставание политических решений от достижений военной кибернетики стало одной из главных тенденций в практике западных союзников на данном направлении. В русле этой тенденции на предыдущем этапе сложилось негативное отношение США к предложениям КНР и России о необходимости совместных шагов международного сообщества по формированию мирового порядка в киберпространстве. В результате усиление противодействия в киберпространстве, нарастание хакерских атак из-за рубежа в 2011 г. и стремительный рост причиняемого ими ущерба, по-видимому, оказались неожиданностью для Вашингтона. Взлом информационной защиты ряда важных американских объектов вызвал в США острую реакцию в виде угроз Пентагона применить все виды оружия — вплоть до ядерного — для подавления предполагаемых источников этих атак. Вместе с тем, именно в этот период в США с заявлениями выступил целый ряд авторитетных экспертов, подчеркнувшими необходимость уделить должное внимание международно-правовым аспектам этой проблемы. При этом подчеркивалась необходимость обеспечить США, России и Китаю «возможность предсказуемости» в этой сфере их отношений. Для этого предлагалось «обновить» Женевскую и Гаагскую конвенции, включив в них положения, регулирующие военную деятельность в киберпространстве, и признать кибератаки актом войны. Характерная реплика в этой связи прозвучала со стороны бывшего директора ЦРУ Майкла Хэйдена, положительно отреагировавшего на угрозы Пентагона. «Это — хороший шаг. В этой области самая большая слабость — это недостаточно ясная политика. Это поможет всем — в правительстве и за его пределами — понять позицию США»³¹. Анализируя американскую позицию, китайские эксперты подчеркивают, что попытки США найти решение для сдерживания киберагрессора в опыте прежней политики ядерного устрашения совершенно безосновательны, учитывая невозможность установить источник нападения и нанести по нему ответный удар³². Объективно это поставило вопрос о выработке новой политики, позволяющей сторонам сбалансировать свои отношения в совершенно новой для них области противоречий. Однако до последнего времени возможности дипломатии, как и специфика борьбы в киберпространстве, американцами явно недооценивались, и выработка новой политики строилась, исходя скорее из представлений об абсолютном военно-техническом превосходстве США, нежели из совокупности всех факторов противоборства.

В итоге, как представляется, Штатам не удалось объективно оценить потенциал противостоящей им киберугрозы и своевременно сделать выбор в пользу мирной стратегии. По-видимому, до последнего времени обе стороны находились в поиске адекватных средств взаимного сдерживания, которые могли бы сыграть ту же роль, что и политика ядерного устрашения в советско-американских отношениях периода «холодной войны».

Можно предположить, что в сложившейся ситуации роль фактора устрашения в китайско-американских отношениях могли сыграть массированные кибератаки на объекты США в 2012–2013 гг., причинившие серьезный ущерб американской стороне. По-видимому, эти события в значительной мере подтолкнули Вашингтон к возобновлению диалога и таким образом явились необходимым этапом в подготовке к развертыванию переговорного процесса.

Китайско-американский кибердиалог и возможности для России

Усиливающееся противоборство КНР и США в киберпространстве стало не только проявлением стратегического соперничества двух крупнейших держав, но и важным фактором глобальных международных отношений, затрагивающим интересы России, а также и всего мирового сообщества. Произошедшее в последние месяцы обострение китайско-американского соперничества в основном укладывается в прогноз, содержащийся в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», принятой Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537. Как отмечается в этом документе, в предстоящий период «усилится глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам». Противоборство между КНР и США, несомненно, содействовало усилению милитаризации киберпространства, стимулировало развитие хакерской деятельности, привело к осложнениям международных отношений, прежде всего — китайско-американских отношений, и подтолкнуло процесс новой поляризации сил в международном сообществе. В этой связи можно говорить о проявлении общей тенденции, в соответствии с которой китайско-американские отношения, особенно в их конфликтном спектре, будут и далее оказывать существенное воздействие на международную обстановку через механизм диалога и соперничества.

Очевидно, что дальнейшее усиление конфликта могло бы задеть интересы не только КНР и США, но и многих других стран. Это означает, что развитие китайско-американского двустороннего диалога по поводу острого киберконфликта уже на ранних этапах может содействовать повышению активности всех заинтересованных государств, международных объединений, предпринимательских, общественных крутов и т.д. Вместе с тем, можно с достаточной уверенностью прогнозировать активные шаги Пекина и Вашингтона с целью консолидации своих сторонников на базе предлагаемых ими подходов. Уже в настоящее время просматривается решимость США обеспечить себе лидерство в переговорах по проблемам виртуальной среды. Как заявил министр обороны Чак Хэйгел, выступая в Сингапуре на ежегодном саммите по азиатской безопасности, США «полны решимости усилить работу с Китаем и другими партнерами с тем, чтобы установить нормы ответственного поведения в киберпространстве»³³. Хотя круг таких «партнеров» еще не определен, движение в направлении интернационализации данной проблемы в принципе отвечало бы интересам России, выступающей за широкое международное сотрудничество в сфере кибербезопасности и за активное участие ООН в усилиях по выработке правовых регуляторов. При этом Россия в состоянии сыграть в этой ситуации самостоятельную роль, укрепив отношения с США и КНР и остальными участниками данного процесса. В этой связи обращает на себя внимание, что отводя диалогу КНР и США ведущую роль для начала переговоров о делах киберпространства, американские эксперты полагают, что выработанные ими совместно подходы к урегулированию противоречий в дальнейшем потребуют «широкого обсуждения».

На предыдущем этапе РФ и КНР уже продемонстрировали возможность успешного сотрудничества в ООН по данной проблематике. При этом Россия приобрела немалый опыт взаимодействия с Китаем в продвижении концепций международной кибербе-

зопасности, опирающихся на принципы защиты суверенитета и другие нормы международного права. Важно то, что усиливающаяся общность интересов двух стран в этой области имеет не только объективную основу, но достаточно хорошо осознается на политическом уровне и практически реализуется во внешнеполитической деятельности обоих государств. Об этом свидетельствуют, в частности, совместные выступления России и Китая на крупных международных форумах по кибербезопасности, прежде всего — на площадках ООН. Например, выдвижение совместного проекта Международного кодекса поведения в сфере кибербезопасности в качестве проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2011 года, участие в Международной конференции по кибербезопасности в Будапеште в сентябре 2012 г., Всемирной конференции Международного союза телекоммуникаций в Дубае (декабрь 2012 г.).

На этой платформе обозначилась потенциальная возможность оформления если не коалиции Китая и России, то устойчивой скоординированной позиции, позволяющей выступать с взвешенной программой по вопросам кибербезопасности и информационной безопасности, выдвигаемой в качестве альтернативы американской линии, не признающей суверенного права в киберпространстве. Однако теперь, когда США снижают конфронтационный барьер, усиливают свою кибердипломатию и добиваются начала диалога, прежний подход было бы целесообразно дополнить активизацией двустороннего, а затем — трехстороннего совещания России, КНР и США. Такой формат переговоров мог бы складываться уже на новой основе, включающей элементы либерального подхода. По-видимому, шагом в этом направлении могло бы стать состоявшееся Совместное заявление президентов России и США о новой области сотрудничества по укреплению доверия от 17 июня 2013 г., которым было обнародовано решение о создании совместной российско-американской рабочей группы по вопросам информационной безопасности. Дальнейшие шаги и в целом поиски оптимального формата отношений такого рода могли бы открыть новые возможности для совместной проработки вопроса о доверии и гарантиях безопасности в киберпространстве. Для этого мог бы быть переосмыслен прежний опыт, например — совместной работы российских и американских экспертов под патронажем вашингтонского центра East-West Institute по адаптации Женевской и Гаагской конвенций правил ведения войны для регулирования конфликтов в киберпространстве³⁴. При этом следует учесть, что опыт подобного сотрудничества с американскими экспертами есть и у китайских специалистов, совместно осуществивших важный проект по борьбе со спамом — также под эгидой East-West Institute³⁵. Неформальная трехсторонняя конструкция переговоров могла бы стать одним из существенных элементов для достижения в дальнейшем более широкого международного согласия по поводу содержания и принципов переговорного процесса, учитывая большое значение взаимодействия в треугольнике КНР — США — Россия в глобальном контексте. Целью российской стороны могло бы быть также формирование многосторонней позиции, учитывающей различные подходы и позволяющей проводить активную деятельность в ООН в вопросах кибербезопасности, ориентированную на разработку международного договора для поддержания принципов суверенитета и других общепринятых норм в виртуальном пространстве.

Следует отметить, что в этой области у России имеется немалый моральный, политический и дипломатический багаж, учитывая, что еще в 1990 гг. она начала выступать на международной арене за укрепление кибербезопасности, международного сотрудничества и стабилизацию отношений в киберпространстве. Начиная с 1998 г., Россия выдвигает в Генеральной ассамблее ООН инициативы против «информационного терроризма» и использования Интернета в качестве оружия. В 2008 году российские предложения легли в основу соглашения по этому вопросу стран-членов Шанхайской организации сотрудничества. Хотя по доле пользователей Интернета в населении страны Россия все еще занимает невысокое место в международных рейтингах, ее отличает высокая ди-

намика роста интернет-сообщества. Очевидно, что складывающаяся ситуация потребует активного участия российской дипломатии в международной деятельности вокруг данной проблемы с упором на ее политические аспекты. Укреплению наших позиций могло бы способствовать принятие Стратегии кибербезопасности РФ, проект которой подготовлен по инициативе Совета Федерации специальной рабочей группой правительства³⁶. Проектом, в частности, предусматривается создание Центра реагирования на киберугрозы наподобие ранее созданных в Китае и США.

Еще одной важной мерой, укрепляющей позиции России в условиях сложных противоречий между США и Китаем на поле кибербезопасности, могло бы стать подключение ресурсов российской «мягкой силы», в т.ч. народной дипломатии, в частности, Общества российско-китайской дружбы. При этом стоит учесть, что проблема кибербезопасности отличается не только глобальным масштабом, но и своеобразным демократизмом, так как воздействие на этот процесс могут оказывать не только международные блоки и отдельные государства, но также корпорации, отдельные фирмы и даже отдельные личности. Активное участие народной дипломатии могло бы содействовать расширению диапазона обсуждаемых вопросов, созданию условий для активизации научных обсуждений и т.д. Кроме того, это могло бы обеспечить более широкое участие конечных пользователей интернета и участников международных обменов в киберпространстве, в том числе стремящихся содействовать развитию диалога по вопросам регулирования интернета в интересах бизнеса, повышению эффективности и безопасности сети и т.д. Развитие международной дискуссии будет также повышать роль общественных, профессиональных и деловых кругов, непосредственно связанных с международными усилиями по формированию порядка использования Сети. Практическое значение уже на начальном этапе дискуссия может иметь для деловых кругов, компаний, работающих в сфере транспортной логистики, финансов, информатики, защиты интеллектуальной собственности. Такая практика могла бы содействовать сближению народной дипломатии с интересами делового сообщества и более широкому вовлечению общественности и профессиональных кругов в процесс нормотворчества, результаты которого будут затрагивать непосредственные интересы многих миллионов людей в России, КНР и США.

Существенную роль могло бы сыграть и более активное вовлечение экспертных возможностей в формирование общественных представлений о различиях в подходах США, Китая и России к таким проблемам как «кибербезопасность» и «информационная безопасность», суверенитет в киберпространстве. Кроме того, подобный подход содействовал бы расширению позитивной тенденции, наметившейся в результате переговоров Си Цзиньпина и Обамы в июне 2013 г., в соответствии с которой Китай и США намерены осуществлять разрешение вопросов кибербезопасности на фоне усиления сотрудничества двух стран в интересах развития. Включение России в кибердиалог КНР и США на такой позитивной основе могло бы расширить диапазон участия нашей страны, а также повысить авторитет наших предложений и эффективность их продвижения при поддержке народной дипломатии и общественного мнения.

Формирование позиции России, в том числе — ее киберстратегии, должно в полной мере учитывать тот факт, что, несмотря на очевидную приоритетность задач военно-стратегического характера, на всех этапах китайско-американского соперничества в киберпространстве наиболее масштабные проблемы возникали и до сих пор преобладают в сфере экономических отношений. Причем ущерб экономическим связям наносится не только в результате прямых кибернападений, но и развитием сопутствующих процессов, усилением протекционизма в торговой сфере и т.п. Необходимость укрепления государственно-частного партнерства и полноценного включения возможностей народной дипломатии неизбежно возникнет как объективная потребность обеспечения российских интересов.

Заключение

На данном этапе КНР и США не готовы отказаться от борьбы в киберпространстве. Нарращивание военного кибер потенциала обеих сторон и использование Интернета в разведывательных целях, несомненно, продолжится. Намерения Вашингтона и Пекина в отношении диалога пока носят ограниченный характер, рассчитаны на консультативные задачи и не содержат стратегических целей, например, заключения всеобщего договора о запрещении подрывной деятельности в интернете. В этой связи обозначившееся начало диалога стоит рассматривать скорее в контексте продолжающегося соперничества КНР и США.

Однако дальнейшая эскалация киберконфликта могла бы привести к усилению силового противоборства и нарастанию антагонистических тенденций. Это противоречило бы задачам КНР и США, которые заинтересованы в том, чтобы удержать баланс двусторонних отношений в конструктивной плоскости, сохранить достигнутый уровень сотрудничества и возможность для наращивания взаимовыгодных обменов, прежде всего — в торгово-экономической области. Судя по высказываниям представителей США и КНР, ближайшей целью сторон может стать создание т.н. «красных линий», ограничивающих возможность нарастания киберконфликта заранее согласованными рамками.

Анализ сложившейся ситуации в более широком контексте позволяет предполагать, что КНР и США переходят к поиску нового баланса в своих отношениях на фоне продвижения нынешней тихоокеанской стратегии США и продолжающегося роста глобального влияния КНР. В этой связи следует ожидать, что обе стороны постараются использовать переговоры по кибербезопасности для решения и других задач своих взаимоотношений, прежде всего в АТР. Примечательно в этой связи, что говоря о готовности Пекина заниматься урегулированием киберпроблемы и пойти на расширение китайско-американского военного сотрудничества, некоторые близкие к руководству КНР эксперты увязывают шаги в этом направлении с необходимостью решения проблемы островов Дяюйдао. Так, один из наиболее влиятельных китайских политологов Янь Сюэтуни пишет: «Китайско-американское военное сотрудничество должно быть расширено. Китай и США должны вместе работать над международными нормами для кибербезопасности, а также по вопросам демилитаризации космоса, безопасности на море и особенно по диспуту об островах Дяюй Китая с Японией, наиболее важным союзником США в Восточной Азии»³⁷. По мнению видного американского эксперта Бонни Глейзер, положительные сдвиги по киберпроблеме можно будет ожидать в том случае, если лидеры двух стран сумеют сблизить позиции по крупным региональным и глобальным вопросам³⁸.

В свете этого слова Си Цзиньпина о том, что кибербезопасность должна стать «новым ярким пятном» в сотрудничестве двух держав можно расценивать как обозначение исходного условия для рассмотрения проблемы кибербезопасности наряду с целым перечнем других острых вопросов, в течение длительного времени не находивших решения³⁹.

Политический аспект китайско-американского соперничества в киберпространстве до сих пор в отечественном академическом Китае не разрабатывался. Насущные российские интересы требуют систематического и комплексного изучения данной темы с использованием накопленного опыта исследований китайско-американских отношений, а также отношений в треугольнике России, КНР и США. Для углубления исследований в данной области необходимо также привлечение методологии и опыта специалистов, разрабатывающих смежные аспекты воздействия кибер фактора на международные отношения.

1. «Установление нового типа китайско-американских отношений отвечает коренным интересам народов двух стран — Ли Кэцян» // Жэньминь жибао он-лайн, 2013 0318. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8171276.html>.
2. SECTION 4: CHINA'S CYBER ACTIVITIES THAT TARGET THE UNITED STATES, AND THE RESULTING IMPACTS ON U.S. NATIONAL SECURITY. Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission One Hundred Eleventh Congress First Session November 2009.
3. NSA Chief: Cybercrime constitutes the "greatest transfer of wealth in history" // Foreign Policy. 2012. 07.09. URL: http://thecable.foreignpolicy.com/posts/2012/07/09/nsa_chief_cybercrime_constitutes_the_greatest_transfer_of_wealth_in_history.
4. Для защиты киберпространства нужны международные нормы // Жэньминь жибао он-лайн. 2013. 06.29. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8304368.html>.
5. Путин поручил ФСБ активизировать работу в киберпространстве // Взгляд. Деловая газета. 2012. 28 дек. URL: <http://vz.ru/news/2012/12/28/614262.html>.
6. Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 8 ноября 2012 года. Раздел IX. Ускоренно продвигать модернизацию национальной обороны и армии // Жэньминь жибао он-лайн. 2012. 11.08. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023971.html>.
7. Riley M. How the U.S. Government Hacks the World // Businessweek. 2013. 23 May. URL: <http://www.businessweek.com/printer/articles/119394-how-the-u-dot-s-dot-government-hacks-the-world>.
8. См., например: Sanger D.E. Mutually Assured Cyberdestruction? // The New York Times. 2012. 2 June. URL: http://www.nytimes.com/2012/06/03/sunday-review/mutually-assured-cyberdestruction.html?pagewanted=all&_r=1&
9. Top of the Agenda: Hagel Begins First Asia Trip // Analysis. Council for Foreign Relations. 2013. 06.01. URL: <http://www.cfr.org/about/newsletters/archive/newsletter/n1285>.
10. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace Davos, Switzerland 1996 0802. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>.
11. Clinton H., Secretary of State. Remarks on Internet Freedom. Washington, DC. 2010. 21 Jan. URL: <https://mail.yandex.ru/neo2/#message/2340000041461593396>.
12. Wortzel L.M. China Goes on the Cyber-Offensive // Far Eastern Economic Review. 2009. № 1. P. 56–59; Information Warfare Monitor // Tracking GhostNet—Investigating a Cyber Espionage Network. 2009. 29 March. URL: <http://d.scribd.com/docs/1jjiyoq3c13a9a4udh2s7.pdf>.
13. См., например: Lieberthal K., Singer P. Bottom Line: What would A U.S.- China Agenda Look Like in Cybersecurity? // Cybersecurity and US-China Relations. Brookings, N.Y., 2012.
14. Segal A. The 18th Party Congress and Chinese Cyberpower // Counsel on Foreign Relations, Asia Unbound. Washington. 2012. 13 Nov. URL: <http://blogs.cfr.org/asia/2012/11/13/the-18th-party-congress-and-chinese-cyberpower/>
15. International respect needed in cyber security: official. Xinhua, June 08, 2013. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/8278445.html>.
16. Chinese gov't to strengthen int'l cooperation on cyber issues: official // Xinhua, English.news.cn. 2012–10–04. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-10/04/c_131888329.htm.
17. China firmly supports cyber security: Chinese president // Xinhua. June 09, 2013. URL: <http://english.cpc.people.com.cn/206972/206976/8279852.html>.
18. РФ предлагает запретить использовать Сеть для свержения режимов // Коммерсант. 2011. 23. сент. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/786521/>
19. NSA Chief: Cybercrime constitutes the "greatest transfer of wealth in history" // Foreign Policy. 2012. 9 jul. URL: http://thecable.foreignpolicy.com/posts/2012/07/09/nsa_chief_cybercrime_constitutesthe_greatest_transfer_of_wealth_in_history.
20. Calmes J., Myers S.L. U.S. and China Move Closer on North Korea, but Not on Cyberespionage // The New York Times. 2013. 8 June. URL: http://www.nytimes.com/2013/06/09/world/asia/obama-and-xi-try-building-a-new-model-for-china-us-ties.html?hp&_r=1&
21. Ambinder M. Inside the Black Box. How the NSA is helping companies fight back against Chinese hackers // Foreign Policy. 2013. 7 March. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/03/06/inside_the_black_box.

22. "Heavey S., Selyukh A. As cyber threats build, CEOs ask for 'light touch'" // Reuters. 2013. 13 March. URL: <http://www.nbcnews.com/technology/cyber-threats-build-ceos-ask-light-touch-1C8855074>.
23. Interview: First Xi-Obama summit "positive": U.S. expert // Xinhua. 2013 10 June. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/8280683.html>.
24. International respect needed in cyber security: official // Xinhua. 2013. 8 June. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/8278445.html>.
25. Segal A. Is the threat of a "cyber Pearl Harbor" as potent as some have suggested? // Council on Foreign Relations. 2013. 6 June. URL: <http://www.cfr.org/cybersecurity/threat-cyber-pearl-harbor-potent-some-have-suggested/p30863>.
26. NSA Chief: Cybercrime constitutes the "greatest transfer of wealth in history" // Foreign Policy. 2012. 9 Jul. URL: http://thecable.foreignpolicy.com/posts/2012/07/09/nsa_chief_cybercrime_constitutes_the_greatest_transfer_of_wealth_in_history.
27. Clapper J. R. Director of National Intelligence. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community // Senate Select Committee on Intelligence. Statement for the Record. Washington, 2013. 12 March.
28. См., например: Lee P. China cyber-war: don't believe the hype // Asia Times. 2013 13 March. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/CHIN-01-150313.html>.
29. The Diversified Employment of China's Armed Forces // Chinese Information Office. 2013. 16 April. URL: <http://www.cfr.org/china/chinese-information-office-diversified-employment-chinas-armed-forces/p30466>.
30. Gady F.-S. Strategic Stability in Cyberspace // China Focus. 2013 4 June. URL: <http://www.chinausfocus.com/peace-security/strategic-stability-in-cyberspace/>
31. Cronin M. U.S. Cyber Strategy: The Perils of Deterrence // World Politics Review. 2011. 10 Jun. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9126/u-s-cyber-strategy-the-perils-of-deterrence>.
32. Чжуанця цзечи мэйцзюньванло вэйшичжэньлюэ цэнь шицзисяого наньи дачэн [Специалисты считают, что американская военная стратегия кибер сдерживания малоэффективна] // Чжунго гофанбао. 2012. 9 Jan. URL: <http://www.chinanews.com/gj/2012/01-09/3590771.shtml>.
33. Su E. Hagel chides China for cyberspying // REUTERS. 2013. 2 June. URL: http://www.washingtonpost.com/world/hagel-rebuked-china-for-cyber-espionage/2013/06/01/da9c1c6c-ca6f-11e2-9cd9-3b9a22a4000a_story.html.
34. "Working Towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering the Geneva and Hague Conventions in Cyberspace". By KARL FREDERICK RAUSCHER & ANDREY KOROTKOV. East-West Institute, New York — Moscow, January 2011.
35. Karl Rauscher & Yonglin Zhou [EWI] "Fighting Spam to Build Trust". China Focus, 2011 0527.- <http://www.chinausfocus.com/library/think-tank-resources/us-lib/peacesecurity-us-lib/ewi-fighting-spam-to-build-trust-may-27-2011> Yan Xuetong. "Let's Not Be Friends. Obama and Xi will work better together if they both acknowledge they don't trust each other". Foreign Policy, June 6, 2013.- http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/05/lets_not_be_friends_us_china_trust?page=0,1&wp_login_redirect=0.
36. «Правительство РФ разрабатывает Стратегию кибербезопасности». Известия-ИТАР-ТАСС, 2013 0402.- <http://izvestia.ru/news/547709>.
37. Yan Xuetong. "Let's Not Be Friends. Obama and Xi will work better together if they both acknowledge they don't trust each other". Foreign Policy, June 6, 2013.- http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/05/lets_not_be_friends_us_china_trust?page=0,1&wp_login_redirect=0.
38. News Analysis: Xi-Obama summit to focus on "big picture" of China-U.S. ties WASHINGTON, 2013 June 6 (Xinhua) http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-06/06/c_132436037.htm.
39. Jon Taylor "Fostering Cooperation and Dialogue", Beijing Review, NO. 25 JUNE 20, 2013.- http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2013-06/17/content_549104.htm.

Политический ландшафт в Республике Корея: тенденции эволюции

© 2013

Ким Ен Ун

Прошедшие в 2012 г. парламентские и президентские выборы в Республике Корея привели к заметному изменению расстановки политических сил. Неоконсерваторы потерпели серьезное поражение, произошла временная консолидация сил оппозиции. С вступлением в должность нового президента начались постепенные реформы в экономике и социальной сфере. Новый политический ландшафт влияет и на межкорейские отношения, в которых также наблюдаются позитивные сдвиги.

Ключевые слова: парламентские и президентские выборы, поражение неоконсерваторов, процесс доверия на Корейском полуострове

В 2012—2013 гг. на политической жизни Республики Корея сказались перемены, происшедшие за последние пять лет.

Это прежде всего видно по итогам парламентских (11 апреля 2012 г.) и президентских (19 декабря 2012 г.) выборов, приведших к власти новую формацию политиков, не разделяющих философию неоконсерватизма, приверженцем которого был предыдущий президент и его команда.

Новые тенденции связаны с изменениями в социально-экономической ситуации в стране и переменами в ее социальной структуре. Наиболее значимыми из них были — усиление монополизации экономики и рост социальной поляризации.

Растущее расслоение общества по доходам и доступу к социальным благам привело к довольно ощутимому сокращению среднего класса, росту числа малозащищенных и увеличению количества людей, чьи трудовые права и занятость оказались подорваны. В том числе — к увеличению числа временных, нештатных работников, не имевших нормального трудового и социального страхования и каких-либо стабильных перспектив занятости. Это в свою очередь привело к росту протестного настроения и усилению влияния либеральных, социально-ориентированных сил в обществе.

Свою роль сыграли и просчеты в кадровой политике — как президента и его администрации, так и правящей партии, хотя и главная оппозиционная партия также не блистала сильными кадрами. Кадровая чехарда в руководстве правящей и оппозиционных партий серьезно подрывала единство их рядов, зачастую вела к расколам и как результат — к общему ослаблению партийной работы и снижению авторитета политических партий, независимо от принадлежности к правящему или оппозиционному, консервативному, либеральному или левоцентристскому/ левому движению.

За годы правления Ли Мен Бака правящая партия Ханнарадан проиграла все дополнительные промежуточные выборы в парламент, а также в местные органы власти.

Если перед президентскими выборами 2007 г. почти три четверти всех провинций и городов центрального подчинения (примерно 35 млн из 49-миллионного населения страны) контролировались представителями Ханнарадан, то перед президентскими выборами 2012 г. правящая партия контролировала две провинции — Кенги (11,9 млн чел.) и Северная Кенсан (2,7 млн) из девяти и 3 города — Пусан (3,6 млн), Тегу (2,5 млн), Ульсан (1,3 млн) — из 7 городов центрального подчинения. При этом, хотя губернатор самой крупной по численности населения провинции Кенги (столичный регион, четверть населения страны), был представителем правящей партии, в большинстве городов и муниципальных образований победу одержали представители оппозиции (71 глава муниципалитетов против 37 от правящей партии). По данным Министерства государственного управления и безопасности от 3 сентября 2011 г. на территориях, где органы власти возглавляли представители оппозиции, проживали 30 млн (60% населения страны), а на территориях с преобладанием представителей правящей партии — 20 млн (40%)¹.

Среди причин ослабления влияния и авторитета правящей партии следует назвать принявшую катастрофические размеры коррупцию и непотизм как в самой партии, так и в администрации президента.

Ближайшие соратники президента были обвинены органами прокуратуры в результате проведенных ими и полицией расследований в коррупционных делах, подверглись судебным преследованиям и получили реальные сроки уголовного наказания. Среди них — старший брат президента многократный депутат, бывший одно время вице-спикером парламента Ли Сан Дык², действующий председатель парламента, бывший лидер правящей партии Пак Хы Тхэ (впоследствии осужден за покупку голосов в свою пользу при выборах лидера партии в 2008 г.), глава Комитета по электронным средствам массовой информации, бывший руководитель южнокорейского отделения службы Гэллапа Цой Си Чжун³. Этот список можно продолжить⁴.

Все это в условиях серьезного расширения расследований коррупции со стороны правоохранительных органов и ужесточения наказания создало обстановку, при которой поражение правящей партии как на парламентских выборах в апреле 2012 г., так и на президентских выборах в декабре 2012 г. стало вполне вероятным. В ней не оказалось активно действующих руководящих политиков или общественных деятелей, способных повести ее на выборы и если не обеспечить победу, то хотя бы проиграть достойно.

Возникает вопрос, почему к руководству партией не призвали такую харизматическую фигуру, как четырехкратный депутат парламента, бывший лидер партии, и влиятельный политик Пак Гын Хе? Как внутри партии, так и среди консерваторов и либералов было много противников ее выдвижения. Многие из нынешних лидеров консерваторов в свое время боролись против режима ее отца и перенесли на нее свое неприятие методов правления Пак Чон Хи и его личности как таковой, хотя вся ее политическая карьера показывала, что она — не копирует своего отца, у нее другие стиль и методы работы. То же отношение было и у либералов.

Многие консерваторы были против ее кандидатуры потому, что в конфуцианском обществе, где только за семь лет до этого женщинам дали право претендовать на часть наследства в своей родовой семье⁵, а добродетельной женщиной считалась только та, которая всю свою жизнь подчинила служению мужу, а после его смерти старшему сыну, всей семье, считалось невозможным, чтобы она могла быть избрана высшим должностным лицом страны⁶.

Против ее выдвижения в качестве кандидата в президенты выступали и неоконсерваторы — сторонники действовавшего президента, и часть тех политиков, которые группировались вокруг бывшего президента Ким Ен Сама, в свое время немало пострадавшего от политических преследований со стороны ее отца. Большая часть молодежи также была настроена против нее причем не против нее, как дочери бывшего президента, а как представителя обанкротившейся партии.

Однако актив партии Ханнара и политические силы, поддерживающие ее, не смогли найти достойную кандидатуру для своей партии кроме нее. На тот момент только одна она с ее незапятнанной репутацией и имиджем выдержанного, умного и выполняющего свои обещания политика могла серьезно помочь своей партии.

Но в свое время Ханнарадан, борясь с тенями диктаторских замашек своих лидеров, включила в партийный Устав условие, малопонятное с точки зрения здравого смысла и партийных интересов и мало где встречающееся в мире политики. Согласно п. 2 ст. 92 Устава партии, действующий лидер партии или любой занимающий партийный пост член партии не может выдвигаться и быть выдвинутым от партии ее кандидатом на президентских выборах. Не менее чем за полтора года до дня выборов будущий кандидат в президенты должен подать в отставку со всех партийных постов, кроме общественной должности старшего советника, которую обычно занимает заслуженный бывший лидер или парламентарий и не предусматривает каких-либо административных или иных преимуществ⁷.

Таким образом, выведя партию из тяжелейшего кризиса и обеспечив ее победу на парламентских выборах 2004 г., выиграв все промежуточные и дополнительные, а также местные выборы, Пак была вынуждена уйти в отставку с поста лидера партии в июне 2006 г. — за полтора года до президентских выборов 2007 г. И пока она не занимала официальных постов, немалая часть политиков (в том числе и часть ее выдвиженцев) переметнулись на сторону кандидата, который располагал большими средствами и которому был создан благоприятный информационный фон для предвыборной кампании не только за счет раздувания истории с искусственной речушкой Чонгечхон⁸, но и путем своеобразной подачи рейтинга популярности среди избирателей⁹.

Но в ситуации подготовки к парламентским и президентским выборам в конце 2011 г. у правящей партии не оказалось другого выбора, кроме как принять решение пригласить Пак Гын Хе к руководству партией, потому что в любом другом случае Ханнара проигрывала парламентскую и президентскую гонку. Чтобы не нарушать Устав, было принято решение о подаче в отставку в полном составе всего руководства партии и передаче партийной власти Чрезвычайному комитету (ЧК), созданному для спасения партии. А на председателя ЧК не распространялось категорическое ограничение на партийный пост. Председателем ЧК была избрана Пак Кын Хе. Комитет был создан в составе председателя и 15 членов, причем часть постов в нем заняли обычные сочувствующие партии граждане, не являвшиеся партийными функционерами или активистами. Конечно, отбор членов ЧК был осуществлен под руководством Пак, и она сумела привлечь очень многих известных, а иногда и известных только в узкой среде людей. Например, членом ЧК был назначен 27-летний бизнесмен в сфере информационных технологий очень популярный среди молодежи. В состав Комитета были привлечены также пользовавшийся безупречной репутацией бывший Председатель Конституционного суда Ким Ен Чжун и ряд других высокопрофессиональных специалистов.

Пак Гын Хе также предложила изменить название партии, чтобы впредь она не ассоциировалась с прежней Ханнара. По ее предложению она была переименована в партию под названием Сэнури (Новый мир), демонстрируя тем самым создание новых условий для жизни страны.

Часть деятелей правящей партии надеялась, что результаты выборов в парламент окажутся неблагоприятными и у них будет возможность дать отрицательную оценку деятельности Пак и свалить на нее неудачу на выборах. Кроме того, несмотря на заявления президента Ли Мен Бака о том, что Республика Корея первой из всех стран в мире вышла из мирового кризиса, социально-политическая и экономическая ситуация в стране была явно неблагоприятной, и процесс полевення общества становился все заметнее. Об этом свидетельствовали и результаты выборов в 2008—2011 гг.

В этой обстановке Пак предлагает партии идти на выборы с лозунгами не типично консервативными, а центристскими, во многом либеральными и в определенной степени социально ориентированными, которые можно назвать популистскими. Она выступает за бесплатное содержание детей в детских яслях и садах до 3-х лет, отмену платы за учебу в старших классах средней школы, снижение вдвое платы за учебу в высших учебных заведениях, повышение так называемых народных пенсий¹⁰, списание задолженностей домохозяйств и ряд других мер, облегчающих тяготы жизни малоимущих слоев населения. Кроме того, для привлечения голосов смешанных семей, а также северокорейских перебежчиков и выступающих за связи с КНДР общественных организаций, Пак предложила включить в общенациональный список известную телеведущую и актрису Ли Жасмин, этническую филиппинку, вышедшую замуж за южнокорейца и живущую вот уже почти 15 лет в Южной Корее, а также директора Центра просвещения по проблемам объединения, бывшего доцента Университета им. Ким Ир Сена в Пхеньяне, 20 лет назад бежавшего на Юг, Чо Мен Чхоль¹¹. Ли Жасмин стала первой некорейкой, а Чо Мен Чхоль первым перебежчиком в составе парламента РК.

Таким образом, стратегия и тактика Пак Гын Хе на выборах в парламент были подчинены не только завоеванию максимального количества голосов и обеспечению большинства в парламенте, но и созданию солидного задела для победы на президентских выборах. Хорошо зная настроения людей, она понимала необходимость больших перемен в сфере социального обеспечения и увеличения расходов на социальные нужды. К этому также побуждало положение Республики Корея в группе развитых стран, ее место в таких объединениях как Группа-20 и ОЭСР, где Южная Корея со времени вступления в нее стабильно занимает последнее место по доле расходов на социальные нужды.

Результаты парламентских выборов 11 апреля 2012 г. подтвердили правильность стратегического и тактического замысла Пак Кын Хе. Сэнури завоевала 152 депутатских мандата, тогда как ОДП — 127, 5 мест достались еще одной консервативной партии — Передовой либеральной партии, созданной в свое время бывшим лидером Ханнара Ли Хве Чаном и за два парламентских избирательных цикла превратившейся в маловлиятельную региональную партию, прекратившую свое существование к осени 2012 г.

Несмотря на сильные внутренние сложности и общее снижение числа поданных за них голосов (10,24%)¹², две прогрессивные партии, созданные на базе бывшей Демократической рабочей партии, получили в общей сложности 13 депутатских мандатов, из них 7 — по одномандатным округам, в том числе, что особенно важно, 2 мандата завоевано впервые в избирательных округах столицы¹³. Для сравнения: в 2004 г. единая ДРП получила по общенациональному списку 13,03% голосов и 10 депутатских мандатов, но при этом всего два депутата были избраны по одномандатным мажоритарным округам.

3 места достались беспартийным, что существенно меньше, чем в три предыдущие парламентские избирательные циклы¹⁴.

Это был успех не столько партии Сэнури, сколько ее бесспорного лидера Пак Кын Хе. В то же время результаты голосования показали, что в стране произошла серьезная корректировка политического ландшафта. Если на выборах президента 2007 г. и парламентских выборах 2008 г. 68% голосов было отдано за правые партии¹⁵, то на парламентских выборах 2012 г. за них было отдано уже 45,5% голосов, в том числе 42,06% за Сэнури, а за либеральные и левые партии — 47,23%, в том числе 33,99% за ОДП¹⁶, хотя в силу особенностей мажоритарной системы они и получили меньше депутатских мандатов. Правящая партия проиграла парламентские выборы в столице, получив менее трети депутатских мандатов (15 из 48 депутатов парламента от Сеула)¹⁷, хотя ко времени выборов располагала более чем тремя четвертями депутатских мест от столицы. Она также проиграла выборы в провинции Кенги, где проживает на миллион человек больше, чем в Сеуле (21 депутатский мандат из 52 от провинции)¹⁸. Оппозиционная Объединенная демократическая партия провела в парламент от Сеула 31 депутата.

Поэтому в ходе подготовки к президентским выборам Пак Кын Хе и партия Сэнури основное внимание обратили на социальные вопросы, положение средних слоев, а также на работу среди молодежи, которая в массе своей была настроена оппозиционно. С точки зрения формирования политического пула для победы на президентских выборах, важное значение имела консолидация всех консервативных сил, чего в конечном итоге кандидату Пак удалось добиться. Но она не ограничилась этим, а стала подавать себя как политика-объединителя, который будет выражать интересы не только выдвинувшей ее партии, а и других политических сил, коль скоро они отражают настроения общества. В этом смысле важное значение имело получение ею поддержки от знаковых фигур либерального крыла политической жизни страны. В частности, от многолетнего соратника Ким Дэ Чжуна в борьбе против военных режимов, за демократизацию страны, бывшего лидера Демократической партии, прозванного «маленьким Ким Дэ Чжуном» Хан Хва Гапа¹⁹, от знаменитого поэта, активного в прошлом борца против режима генерала Пак Чжон Хи «Юсин» Ким Чжи Ха²⁰ и др. Немалую роль сыграло и то, что в период предвыборной борьбы Пак Кын Хе принесла извинения тем, кто пострадал от репрессий во времена, когда ее отец был президентом страны, хотя это было очень нелегкое для нее решение.

Хотя неоконсерваторы пытались подпортить ее имидж, вылив на нее ушаты грязи в период праймериз (так, как они ее пытались очернять, не сумели даже представители оппозиции), ее победа на церемонии выдвижения кандидата от партии Сэнури с поддержкой более чем 80% участников еще раз убедительно показала, что на тот момент в этой партии не было фигуры, хотя бы приближающейся к ней по уровню популярности.

Выдержанная и умелая предвыборная кампания без попыток кого-то очернить дала свои результаты. На президентских выборах 19 декабря 2012 г., в которых приняли участие 75,8% зарегистрированных избирателей, Пак Кын Хе получила 51,6% голосов. В истории прямых президентских общенародных выборов президента еще ни один победитель не получал поддержки абсолютного большинства избирателей²¹. Она получила большинство голосов в 7 из 9 провинций и 5 из 7 мегаполисов. В этих административных единицах проживает более двух третей населения страны. Даже в Сеуле, где партия Сэнури в апрельских парламентских выборах потерпела серьезное поражение, она получила поддержку 48,2% избирателей. Можно считать серьезным поражением 7,8% голосов в ее поддержку в политическом и духовном центре юго-запада, оплоте Демократической партии г. Кванчжу, а также 10% в провинции Чолла-намдо и 13,2% в провинции Чолла-букдо (все того же оплота Демократической партии), но еще никогда кандидат от предшественников Сэнури не получал в этих провинциях больше 10% голосов избирателей.

Картина возрастных предпочтений показывает, что ей не удалось переломить в свою пользу настроение молодых избирателей. Так, среди избирателей в возрасте от 20 до 29 лет ее поддержали 33,7%, в возрасте от 30 до 39 лет — 33,1%, в возрасте от 40 до 49 лет — 44,1% голосовавших²².

Вместе с тем, кандидат от оппозиции, соратник бывшего президента Но Му Хе-на, Мун Чже Ин получил поддержку 48% избирателей. Это также наивысший показатель поддержки, полученной проигравшим выборы кандидатом (в 2002 г. Ли Хве Чан получил 46,6% голосов, в 2007 г. кандидат Чон Дон Ен — 26,1%). Кроме того, Мун Чже Ин получил в столице поддержку 51,4% избирателей. Возможно, еще большее значение имеет тот факт, что в оплоте Сэнури — г. Пусане, он получил поддержку 39,8%, в центре судостроения и тяжелой дорожной техники, а также автомобилестроения Ульсане — 39,78%, в провинции Кенсан-намдо — 36,2% голосов избирателей²³, в столичной провинции Кенги — 49,19%. Никогда до этого кандидат Демократической партии не получал в этих регионах такой поддержки.

В какой-то степени брать ответственность за судьбу обанкротившейся партии и выдвигаться от нее на пост президента для Пак Гын Хе было обременительно. Может быть, было бы лучше для нее лично и для судеб тех, кто связал свою политическую судьбу с партией, а также для электората, если бы была создана новая партия, на которую не падала бы тень от прежней правящей партии. Тем более, что в практике Южной Кореи бесконечные слияния, объединения, расколы и переименования (часть ветеранов партии Сэнури, постоянно находясь в ее рядах, успели побывать членами 6 партий, так часто она меняла название за последние 25 лет, из которых 14 лет приходится на этап Ханнара).

Пак не пошла на создание новой партии по двум причинам. Первая: в 2002 г., в начале своей политической деятельности, она выходила из Ханнара и создавала свою партию, но через 5 месяцев распустила ее и вернулась в Ханнара. Повторять такие ошибки она не собиралась. Вторая: анализ политической истории Республики Корея последних 20 лет показал, что в стране фактически утвердилась двухпартийная система наподобие США или Великобритании, Франции, Германии. Партий по-прежнему множество, в том числе и социалистические, но ни одна из новых партий, создававшихся с середины 90-х годов прошлого века, не смогла серьезно конкурировать с двумя ведущими партиями и в лучшем случае просуществовала один-два парламентских выборных цикла. Ни один из покинувших правившую партию и создавших свою партию или свое политическое движение, будь то бывший дважды кандидат от Ханнара на пост президента, бывший премьер-министр Ли Хве Чан, его соперник в борьбе за выдвижение кандидатом в президенты от правящей партии в 1997 г., бывший министр труда и фаворит Ким Ен Сама Ри Ин Чже, или бывший видный деятель Ханнара и губернатор столичной провинции Сон Хак Кю так и не смогли стать серьезными претендентами на президентский пост и даже просто крупными политическими фигурами, с которыми считались бы в течение хотя бы одного-двух выборных циклов. Феномен профессора Сеульского университета Ан Чоль Су в президентской гонке 2012 г. также показал бесперспективность партий или силы, конкурирующих с двумя основными партиями. В этом смысле в будущем легче будет прогнозировать развитие политических процессов в Республике Корея.

Правда, в отличие от других стран с двухпартийной системой, в Южной Корее у каждой из этих партий есть четко выраженные территориальные и этнографические базы. Базой Объединенной демократической партии²⁴ является юго-западная часть страны, именуемая Хонамом или двумя провинциями Чолладо (Южная и Северная Чолладо, и город с правами провинции Кванчжу). Здесь поддержка ОДП составляет в среднем 90% от числа избирателей (в г. Кванчжу кандидат Мун получил 91,9% голосов), независимо от того, какую политику проводит ОДП, и какое название она принимает. Поскольку это длится уже 50 с лишним лет, нет оснований предполагать, что в ближайшие 10—15 лет позиция избирателей этого региона изменится.

База Сэнури — юго-восточная часть, именуемая Еннамом (Южная и Северная Кенсан, города с правами провинций Пусан, Тегу и Ульсан), хотя в последние годы здесь идет размывание ее электората. В частности, в провинции Южная Кенсан до недавних пор губернатором был оппозиционер, а во время парламентских и президентских выборов ОДП в крупнейшем портовом городе страны Пусане, в одном из центров автомобильной, судостроительной, тяжелой дорожной техники Ульсане и Южной Кенсан, некогда бывших безоговорочном оплотом Ханнара и Сэнури, оппозиция получила почти 40% голосов. Можно сделать вывод о том, что на юго-востоке страны избиратель больше стал руководствоваться на выборах не соображениями «выберем своего» независимо от его деловых качеств и его программы, а стал разбираться в политических программах и платформах, и в его среде все больше симпатизирующих социально ориентированным программам. Т.е. политическая культура избирателей региона поднялась на новый, более высокий уровень, начиная преодолевать «региональность».

Итоги выборов свидетельствуют о значительном изменении социально-политического климата, политических предпочтений избирателей. По существу, произошла консолидация вокруг двух кандидатов основных консервативных и либеральных сил. Правящая партия впервые в период Шестой Республики смогла обеспечить своему кандидату абсолютное большинство голосов на президентских выборах. В то же время оппозиция в истории РК впервые смогла получить такую поддержку на президентских выборах, как в нынешнем году. В обществе существует солидарное мнение о необходимости глубоких реформ в социальной сфере и в экономике, а также в отношении к КНДР.

Президент Пак, даже будь она представителем правых консерваторов, не могла бы игнорировать эти настроения. Но ее политические взгляды и не близки центристам правым консерваторам. В ходе предвыборной кампании она давала обещания по социальным вопросам, которые она должна будет выполнить в силу своей политической философии и этики. Цена вопроса — 127 млрд долл. дополнительных поступлений в бюджет для выполнения ее обязательств за 5 лет. Даже для экономики с ВВП 1,13 трлн долл. это непростая задача²⁵. Она не будет ссылаться на состояние мировой экономики, чтобы отказаться от своих обязательств. Конечно, консолидация всех консервативных сил вокруг нее ставит пределы ее политическим и социальным преобразованиям, а также нормализации межкорейских отношений. Правда, есть и общенациональные интересы, которые могут побудить ее скорректировать свои позиции при изменившихся обстоятельствах. После выполнения обязательств Пак Кын Хе²⁶ в социальной сфере, в экономике и в политической жизни, Республика Корея может приблизиться по расходам на социальные цели к среднеевропейским стандартам, что вызовет дальнейшее полевение общества.

В области внешней политики в силу сложившейся ситуации Пак будет продолжать линию на сохранение военно-политического союза с США. В то же время прием на следующий день после выборов послов четырех стран-участниц пекинских переговоров о денуклеаризации Корейского полуострова говорит о внешнеполитических предпочтениях Пак. Правда, последовательность приема послов (США, КНР, Японии и РФ) говорит и о предпочтениях. Хотя Япония является близким соседом, крупнейшим торговым партнером Южной Кореи, в отношениях между двумя странами достаточно проблем, которые не позволят их быстро решить. Не случайно Пак отказалась принять спецпосланника, победившего на выборах в нижнюю палату парламента Синдзо Абэ, которого тот намеревался направить в РК 22—23 декабря. В этой ситуации у России появилась возможность занять третье место в внешнеполитических контактах нового президента РК. Это и произошло 6 сентября 2013 г. во время саммита Группы-20 в Санкт-Петербурге, где встреча В.В. Путина и Пак Кын Хе на полях саммита была весьма успешной и длилась в два раза больше времени, чем намечалась. Визит президента В.В. Путина в РК в ноябре с.г. продолжил тенденцию расширения двухстороннего сотрудничества наших стран.

Формулируя свою северокорейскую политику, президент Пак исходила из того, что в решении проблемы мира и безопасности на Корейском полуострове ключевая роль принадлежит обоим корейским государствам. Так называемое «стратегическое терпение» США по отношению к КНДР мало что смогло решить и фактически блокировало усилия других стран шестисторонних переговоров по решению проблемы денуклеаризации Корейского полуострова. Вторая администрация президента Обамы ничего нового по корейской проблеме не выдвинула, да, по-видимому, и не выдвинет. В такой ситуации роль Южной Кореи в нормализации ситуации на полуострове должна возрасти.

При этом президент Пак учитывала некоторые неблагоприятные моменты истории межкорейских отношений последней четверти века. Они по большей части складывались так: при очередной смене лидера в Южной или в Северной Корее проис-

ходило обострение межкорейских отношений, потом постепенная нормализация, в период с 1999 по 2007 гг. еще и сопровождавшаяся предоставлением значительной экономической помощи со стороны Юга. И так по кругу каждый раз, кроме периода правления предыдущего президента. Важно понять, по чьей вине происходят такие периодические всплески напряженности в межкорейских отношениях с видимостью некоторой нормализации.

Президент Пак считает необходимым избавиться от этого унижительного для ее страны замкнутого круга²⁷ и выстроить отношения так, чтобы они нормализовались и развивались поступательно в сторону все большего улучшения и расширения сотрудничества и роста доверия; чтобы каждое новое правительство Южной Кореи не испытывало бы очередного всплеска напряженности в отношениях с Северной Кореей и не вынуждено было бы идти все по тому же порочному кругу.

Она подчеркивала в ходе предвыборной кампании, что нельзя признавать ядерную программу Северной Кореи и забывать о гибели корвета «Чхонан» и инцидента у острова Енпхендо, но в то же время нельзя заикливаться только на них, надо находить способы снижения напряженности и нормализации отношений²⁸.

Мир и безопасность на Корейском полуострове названы одним из пяти главных направлений деятельности нового правительства в качестве основной задачи «Создание нового Корейского полуострова, идущего по пути счастливого объединения»²⁹. При реализации этого направления была определена следующая последовательность: 1) нормализация межкорейских отношений на основе процесса доверия на полуострове (*ханбандо силте просес*); 2) начав с малого объединения, добиться большого объединения; 3) подготовка реального объединения через укрепление объединительных процессов³⁰.

Через полгода после вступления президента Пак в должность политика процесса доверия на Корейском полуострове, провозглашенная как теоретико-политический план, была конкретизирована и стала своеобразным рабочим планом. Этот детализированный план реализации политики доверия был изложен в специальном документе Министерства объединения, который представил общественности министр по делам объединения Рю Гиль Чже 21 августа 2013 г.

Министр объяснил, что сейчас очень высока степень межкорейского недоверия и отношения находятся в минусовой ситуации, поэтому политика процесса доверия представляет собой один из шансов формирования нового порядка, основанного на доверии, при ведущей роли Южной Кореи.

Суть северокорейской политики правительства Пак он сформулировал следующим образом: на базе прочной безопасности, формируя межкорейское доверие, развивать отношения между Севером и Югом, закрепить мир на Корейском полуострове и в дальнейшем создать базу для объединения³¹.

В документе названы три этапа реализации процесса доверия на Корейском полуострове (точнее, в межкорейских отношениях, поскольку в основном речь идет о них): первый этап — построение доверия, второй этап — сотрудничество в области социальной и экономической инфраструктуры, третий этап — связанная с прогрессом в денуклеаризации крупномасштабная поддержка Северной Кореи³².

Процесс установления отношений межкорейского доверия видится прагматичным и сбалансированным; основанным на здравом смысле и рациональности; свободным от «ястребиного» или «голубинового» подходов. Он предполагает использование всего положительного из северокорейской политики предыдущих правительств Южной Кореи; будет сочетать разумный баланс диалога и давления; не будет просто неким средним курсом между жесткостью и соглашательством; будет строить свою политику в соответствии с позицией Северной Кореи, т.е. если будет она проводить гибкую политику, то и Южная Корея будет придерживаться такой же гибкой политики, а на жесткие действия Севера будет дан такой же жесткий ответ. Эти принципы, как считает министр, позволяют

подвигнуть к правильному выбору КНДР. РК не будет ждать перемен на Севере, чтобы начать сотрудничество, а будет через процесс доверия добиваться перемен и правильного выбора КНДР.

Что касается тезиса о малом и большом объединении, то министр Рю высказался следующим образом: малое объединение — путем создания устойчивого мира на полуострове снизить военное противостояние между Севером и Югом, построить экономическое сообщество на Корейском полуострове и на его базе пойти к конечной цели — большому (политическому). Другими словами, суть политики объединения Кореи нынешней администрации Южной Кореи можно назвать не «ожиданием объединения», а «приближением объединения»³³.

В правительстве предыдущего президента вопросами взаимоотношений с КНДР занимались не специалисты по Северной Корее, а политики или специалисты по общеполитическим или внешнеполитическим вопросам (например, географ или специалист по южнокорейско-американским отношениям), которые не понимали, например, особенностей экономики КНДР и механизмов ее функционирования. Поэтому еще борясь за выдвижение своей кандидатуры, претендент Пак привлекла к выработке северокаорейской политики крупных специалистов именно по Северной Корее, например, Чхве Де Сока — директора Института проблем объединения Кореи женского университета Ихва. Министром по делам объединения был назначен заведующий кафедрой Северной Кореи университета Северной Кореи, который готовил магистров, специализирующихся по северокаорейской проблематике, Рю Гиль Чже.

При реализации на практике северокаорейской политики необходимо было решить ряд вопросов. Один из них касался так называемой политики 24 мая. В этот день 2010 г. президент Ли Мен Бак со ссылкой на выводы комиссии по выяснению причин гибели корвета «Чхонан» объявил о прекращении всех проектов сотрудничества с КНДР, за исключением Кэсонского промышленного комплекса. Вопрос стоит так: будет ли президент Пак и дальше проводить линию фактического бойкота всех форм экономического, культурного и политического взаимодействия с Северной Кореей или выберет другой путь.

24 апреля 2013 г. президент Пак объяснила суть своей новой инициативы, получившей название «сеульского процесса», который будет включать меры многостороннего сотрудничества, главным образом вопросы взаимодействия стран региона в борьбе с терроризмом, последствиями глобального изменения климата и проблему безопасности атомных электростанций³⁴.

В проблеме объединения президент Пак Кын Хе сочла необходимым выделить три принципа, на которых она будет строиться: 1) по согласованию и при поддержке народа, вместе с народом; 2) объединение, которое принесет счастье всем на Корейском полуострове; 3) сотрудничество и совместное развитие Азии, объединение через сотрудничество как составная часть мира на земле³⁵.

Прошло больше полугодия со времени начала реализации политики по Северной Корее президента Пак. Пока рано давать оценку, насколько эти первые месяцы дают основание быть уверенными в реализации этой политики, тем более что не все политики, причастные к ее реализации, являются явными единомышленниками президента: не всех она видела с самого начала на ключевых постах в своем правительстве. В политике всегда есть элементы случайности, ошибок, неудачных ходов, обстоятельств, которые вынуждают предпринимать меры, которых в другое время наверняка можно было и не предпринимать. Получилось так, что в первые месяцы президентских полномочий Пак Кын Хе ей больше пришлось заниматься вопросами безопасности и обороны страны. Запуск спутника в КНДР, который был оценен в Южной Корее как испытание межконтинентальной баллистической ракеты (справедливо или нет, в данном контексте не самое главное), третье ядерное испытание, а также запланированные еще до вступления в

должность президента Пак Кын Хе учения «Доксурн», в которых вместе с 216 тыс. военнослужащих РК, США и Австралии участвовали ударные атомные подводные лодки, атомные авианосцы, стратегические бомбардировщики «В-2», «В-52», способные нести ядерное оружие и проводившие учебные бомбометания³⁶, вызвали резкое обострение обстановки на Корейском полуострове, сопровождавшееся угрозами ядерных ударов. В такой ситуации любой президент, каким бы он ни был миротворцем, должен жестко продемонстрировать намерения дать отпор противнику и защитить интересы безопасности страны³⁷. Что успешно и сделали лидеры обеих Кореи. И эта же ситуация вынуждала президента РК на первое место ставить вопросы ядерного разоружения КНДР, хотя, как упоминалось выше, в ее стратегии на первом месте стоял вопрос о нормализации отношений. 27 мая 2013 г. министр иностранных дел Южной Кореи Юн Бен Се заявил: «Переговоры ради разговоров нам не нужны. Северная Корея должна показать свою искренность в отношении процесса ядерного разоружения на деле»³⁸, т.е. снова на первый план выдвигается решение ядерной проблемы, хотя предыдущие 5 лет показали, что это не приносит никаких положительных результатов, кроме укрепления ядерной мощи КНДР.

Думаю, что прав директор Центра корейских исследований, профессор Колумбийского университета Чарлз Армстронг, который сказал в июне 2013 г., что США делают ошибку, требуя в качестве условия нормализации ситуации на Корейском полуострове ликвидации ядерной программы КНДР. При этом он считает правильным в долгосрочном плане линию на денуклеаризацию Северной Кореи, но вопрос состоит в том, как этого добиться. Достичь этого можно только путем переговоров, однако предварительные условия, которых не принимает КНДР, делают невозможными диалог, а в отсутствие диалога Север будет только укреплять свой ядерный потенциал³⁹.

Нужно время, чтобы напряженность несколько спала, тон взаимных обвинений снизился, чтобы в спокойной обстановке можно было начать выстраивать реализацию политики доверия и мирного процесса, начав хотя бы с решения небольших проблем, представляющих взаимный интерес. А то, что такие интересы есть, при всех противоречиях между двумя Кореями, сомнений нет, как нет сомнений и в том, что обе страны хотели бы их решения. Об этом свидетельствуют межправительственные контакты по нормализации отношений, успешно, хоть и трудно проведенные переговоры⁴⁰ по нормализации работы Кэсонского промышленного комплекса и предстоящие договоренности по возобновлению работы Кымгансанского туристического проекта, а также по возобновлению встреч членов разделенных в результате раскола Кореи семей.

Президент Пак считает необходимым выполнение всех договоренностей, достигнутых между двумя странами. Это абсолютно правильная политика. В самом деле, трудно строить отношения с каким-то государством, если каждый новый руководитель будет отвергать международные соглашения, заключенные его предшественниками. В таком случае не будет никакого доверия, а без доверия не может быть и взаимопонимания и нормальных отношений. Но возникает вопрос, как быть, если документы разных периодов содержат утверждения и обещания, не совсем совпадающие, а иногда и противоречащие друг другу.

Между двумя Кореями такая проблема возникла, т.к. существуют четыре основных документа, подписанные представителями разного уровня. Первый документ подписан в 1972 г., с одной стороны, директором ЦРУ РК, а с другой — секретарем ЦК ТПК. Есть документ 1992 г., подписанный премьер-министрами двух стран, а также две декларации, подписанные в результате саммитов 2000 и 2007 гг. их высшими руководителями. Республика Корея считает главным документом базовое соглашение 1992 г., т.к. он содержит обещания денуклеаризации Корейского полуострова. КНДР считает основными документами межкорейских отношений Совместное заявление 4 июля 1972 г., Декларацию 15 июня 2000 г. и Совместное заявление 4 октября 2007 г.

Как известно, в юридической практике, если возникают противоречия между нормами законов, то имеющей большую силу признается норма, утвержденная в более позднее время. Разумеется, это не касается коллизий между нормами конституции и закона, т.к. конституция всегда имеет преимущество перед любым законом. Кроме того, при коллизиях международных соглашений (договоров, меморандумов и т.д.), приоритет отдается документам, подписанными главами государств или являющихся фактическими главами государств. Руководители РК исключили из своего лексикона зафиксированный в Декларации 15 июня 2000 г. термин «*уриминжоккири*» для характеристики межкорейских отношений и все чаще прилагают усилия для выстраивания их на основе международных норм, т.е. как отношения между обычными субъектами международного права, а не странами с единым народом. Пожалуй, при таком подходе слова об объединении представляют собой либо политическую риторику, либо рассчитанную на многие десятилетия попытку объединить две разные страны, а по существу — отказ от объединения в краткосрочном и среднесрочном плане. Можно предположить, что будет идти довольно долгая борьба между двумя корейскими государствами за то, положения какого документа положить в основу нормализации и выстраивания процесса доверия.

Россия заинтересована в нормализации межкорейских отношений и формировании атмосферы широкомасштабного сотрудничества на полуострове и готова принять активное участие в реализации проектов трехстороннего РФ—КНДР—РК сотрудничества, а также в других многосторонних проектах, включающих участие обеих корейских государств.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что свою стратегию отношений с окружающими странами Южная Корея строит через призму задачи привлечения их на свою сторону в решении проблем Корейского полуострова.

В попытках склонить КНР к поддержке давления на КНДР по ядерной проблеме и проблеме прав человека, а также изменения характера режима в ней, как отмечает бывший посол РК в КНР Син Чон Син, руководство РК указывает на большие экономические выгоды для КНР, в особенности для трех северо-восточных провинций, если объединение Кореи произойдет под руководством и контролем Южной Кореи⁴¹. Повидимому, Россию также будут побуждать поддержать южнокорейскую модель объединения. Каждое государство в своей внешней политике исходит из собственных интересов. Но эти интересы не должны приводить к нежелательное, искусственное противоречие с задачами и заботами окружающих стран, нельзя строить отношения с ними только исходя из проблемы Корейского полуострова. Или, исходя из задачи решения корейской проблемы, пытаться взять на себя роль посредника в решении сложных двухсторонних проблем, существующих между окружающими крупными государствами⁴². В принципе, в желании играть роль посредника, балансера нет ничего предосудительного, вопрос только в том, можно ли надеяться на роль медиатора, являясь военнополитическим союзником одной из стран, чьи интересы находятся в противоречии с интересами другого гиганта.

В Южной Корее считают необходимым привлекать более широкий круг людей в России к обсуждению проблем Корейского полуострова, т.к., по их мнению, нынешние эксперты более склонны поддерживать Северную Корею, чем Южную⁴³. По существу это означает, что пытаются работать с людьми, которые не имеют солидной общетеоретической и корееведческой подготовки, поскольку дилетантам легче навязать свою точку зрения, как единственно верную. Проблема только в том, что эти свежеспеченные, прикормленные «специалисты» не способны дать объективную оценку ситуации и тенденции развития, перспектив Корейского полуострова, и потому южнокорейские северокорееведы и политики будут делать те же ошибки, что и предыдущий президент, за пять лет умудрившийся почти свести на нет результаты многолетних усилий его предшественников по нормализации отношений с КНДР. Не лишне, наверное, напомнить, что

именно ныне действующие специалисты, в том числе из Института Дальнего Востока РАН предупреждали о пагубности курса Ли Мен Бака по отношению к КНДР и о том, что межкорейские отношения могут быть отброшены к ситуации времен холодной войны. Их прогноз полностью подтвердила жизнь.

1. URL: <http://blog.naver.com/jckim99999/1501179500369>.
2. Ли Сан Дык был арестован в 2012 г. и осужден в январе 2013 г. к двум годам заключения и штрафу в 700 тыс. долл. URL: <http://nwww.koreaherald.com/view.php?ud=20130124000832>.
3. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2012/01/27/201212702451.html?news_Head1.
4. Уже в январе 2013 г. по возбужденному в 2012 г. делу по обвинению в получении взятки был осужден на 15 месяцев лишения свободы помощник президента Ли Мен Бака по кадровым вопросам Ким Хи Чжон. URL: <http://nwww.koreaherald.com/view.php?ud=20130111000640>.
5. До 2005 г. женщины после замужества вообще исключались из родовой книги своей семьи, соответственно и их дети исключались из родовых списков и не могли претендовать на наследство семейства деда или бабушки по матери.
6. В истории Кореи были случаи, когда, например, в государстве Силла страной, правда, не очень продолжительное время, правили женщины не в качестве регентов, а как законные королевы.
7. Сенурдан данхон, чже 5 чжан [Тэтхонрен хубочжа ы сончул], чже 92 чжо (хубо чжа ы чжагек), чже 2 хан (Устав партии «Сэнури», глава 5 (выдвижение кандидата в президенты от партии), ст. 92 (права и обязанности кандидата в президенты от партии), п. 2. URL: <http://www.saenuriparty.kr/web/intro/web/readConstitutionView.do>)
8. Бывший ручей исчез вообще, а в «обновленную» речку подается из городской водопроводной системы чистая вода, на что тратится в год не менее 18 млн долл. средств из городского бюджета.
9. Южнокорейская служба Геллала неизменно показывала серьезное отставание Пак Кын Хе от Ли Мен Бака, хотя другие опросы показывали практически равные рейтинги, а в партии и среди сочувствующих она неизменно опережала своего основного конкурента в партии.
10. В Республике Корея гарантированная пенсионная система существует только для государственных и муниципальных служащих и для организаций государственного сектора (армия, правоохранительные органы, учителя государственных школ и преподаватели государственных вузов, техникумов и больницы, а также государственных предприятий). Остальные могли обеспечить свою пенсию за счет накопительного страхового взноса. Но основная масса населения, работающего в системе мелкого и индивидуального сектора производства и услуг, пенсией не получает. В годы правления президента Но Му Хена (2003–2008 гг.) была введена так называемая система народной (в Южной Корее слово народная не используется, т.к. используется в названии КНДР, вместо нее применяют термин гражданская) пенсии, когда людям пенсионного возраста, не имеющим никакой пенсии или вспомоществования от родственников, выплачивалась пенсия в размере 100 тыс. вон в месяц (около 90 долл.), что при ВВП на душу населения в 23 тыс. долл. представляется очень скромным, на которую прожить нельзя.
11. URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20120320001134>.
12. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701020000AKR20120412008500001.HTML>.
13. URL: http://news.chosun.com/special/issue/choice411/index.html?gnb_pm&main_top.
14. URL: http://news.chosun.com/special/issue/choice411/index.html?gnb_pm&main_top.
15. Корея: на пороге перемен: Докл., представленные на XII науч. конф. корееведов России и стран СНГ. Москва, 27–28 марта 2008 г. М.: ИДВ. РАН, 2008. С. 123.
16. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701020000AKR20120412008500001.HTML>.
17. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701020000AKR20120412017500004.HTML>.
18. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701030000AKR20120412011000060.HTML>.
19. URL: http://app.yonhapnews.co.kr/YNA/Basic/Gallery/YIBW_showPhotoNews_New.aspx?contents_id=PYH20121206089200013.

20. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/vote2012/2012/11/26/2901010000AKR20121126155400004.HTML>.
21. В Республике Корея действует пропорциональная система, когда побеждает тот, кто получит хотя бы на один голос больше, чем его ближайший соперник. Бывало даже, что победитель получал всего 33,5% голосов, т.к. выступали три примерно одинаковые по влиянию претенденты, но каждый из них получил 32%, 29%, а остальные распределялись между остальными претендентами, которых было всегда много. Президент Но Му Хен был избран в 2002 г., получив 48,9% голосами, президент Ли Мен Бак получил 48,7% голосов. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/vote2012/2012/12/20/2901010000AKR20121220011300001.HTML>.
22. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/vote2012/2012/12/27/2901010000AKR20121227173600001.HTML? =2085>.
23. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/vote2012/2012/12/20/2901010000AKR20121220011300001.HTML>.
24. После президентских выборов ОДП в очередной раз сменила свое название и теперь снова, как во времена Ким Дэ Чжун, именуется Демократической партией.
25. По данным Всемирного банка. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?lang=r&id=Ec&No=32042¤t_page=
26. Как показали события осени 2013 г. реализация многих социальных проектов пока что идет в урезанном виде из-за проблем с наполняемостью бюджета.
27. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?lang=r&id=Po&No=30562¤t_page=
28. URL: <http://view.koreaherald.com/kh/view.php?ud=20120822001169>.
29. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=31168&id=Po.
30. URL: <http://www.president.go.kr/kr/policy/assignment.php>.
31. *Рю Гиль Чже*. Намбук гванге пульсин нопха... Сэ чжилсо хенсон гихве [Недоверие в межкорейских отношениях высоко... Шанс формирования нового порядка]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2013/08/21/0505000000AKR20130821133551043.HTML?template=2087>.
32. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2013/08/21/0505000000AKR20130821119500043.HTML?template=2087>.
33. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2013/08/21/0200000000AKR20130821115100043.HTML>.
34. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?lang=r&id=Po&No=30640¤t_page=2.
35. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2012/11/08/0503000000AKR20121108086851001.HTML?template=2087>.
36. Австралия впервые приняла участие в этих учениях не наблюдателем, а своим боевым подразделением. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=30598&id=In.
37. Такая политика получила поддержку населения. Так, к 100 дням президентства Пак наиболее высоко поддерживали именно ее действия в сфере безопасности. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2013/06/02/0501000000AKR20130602039900001.HTML?template=2087>.
38. См.: URL: <http://rg.ru/2013/05/28/koreya-site.html>.
39. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2013/06/15/0200000000AKR20130615049600014.HTML>.
40. Позиции и аргументация сторон были вначале диаметрально противоположными, хотя каждая из сторон по-своему права. Разве не разумно было предложение Южной Кореи до возобновления работы комплекса договориться о том, чтобы были даны гарантии того, что отныне северокорейская сторона не будет в одностороннем порядке останавливать работу, отзывая всех своих работников из комплекса, по своему решению уменьшать или увеличивать, а то и вовсе обнулить число получающих разрешение на въезд в Кэсонский комплекс работников южнокорейских фирм, чьи списки давно были согласованы с северокорейской стороной или дать гарантии личной безопасности всем южнокорейским работникам комплекса или же предложение, чтобы в Кэсонском комплексе могли бы быть представлены и фирмы иных стран, чтобы там утверди-

лись принятые в мире нормы работы таких специальных экономических зон. В то же время представлялись вполне разумными предложения Северной Кореи, чтобы пресса РК прекратила приписывать своим северным соседям исключительно меркантильные соображения в отношении Кэсонского комплекса или требование, чтобы министр обороны РК дезавуировал свое заявление о готовности ввести свои войска и даже силы спецназа США в Кэсонский комплекс для «спасения» южнокорейцев, работающих в комплексе и чтобы южнокорейские соседи дали заверения, что впредь они не будут иметь таких планов и намерений. В конечном итоге были найдены такие формулировки, которые позволили сгладить острые углы и достичь соглашения.

41. *Син Чон Сын*. Пак Кын Хе тэтхонрен ы гукбинбанчжунгва хан-чжун гванге [Государственный визит президента Пак Кын Хе в КНР и южнокорейско-китайские отношения] // *Верё, чже* 106 хо. 2013.7 [Международные отношения. 2013. № 106. июль. С. 23].
42. *Easing International Concerns over a Unified Korea and Regional Benefits of Korea Unification* / Published by Korea Institute for national Unification (KINU). 2013, July. P. 29.
43. *Ibid.* P. 43.

Экономика

Развитие внешнеэкономической деятельности провинции Цзилинь в период экономических реформ

© 2013

М. Александрова

Для внешней торговли Цзилиня характерно отрицательное сальдо торгового баланса. Провинция не получает «дивидендов» от выгодного экономико-географического положения, поскольку граничит со слабо развитыми территориями России и КНДР. До мирового финансово-экономического кризиса географические направления экспортно-импортных потоков были слабо диверсифицированы. В результате реформирования госпредприятий и принятия «Программы возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая» провинция стала более привлекательной для FDI. Цзилинь выработала собственные поправки к Стратегии выхода во вне.

Ключевые слова: Возрождение старых промышленных баз, толлинговая торговля, приграничная торговля, FDI, госпредприятия, автомобильная промышленность, экспорт трудовых услуг.

Относящаяся к старым промышленным базам КНР провинция Цзилинь за 60-летний период оказала значительное влияние на экономику всей страны. Расположенная в центральной части северо-восточного Китая, Цзилинь занимает площадь 187 тыс. кв. км, с населением 27,5 млн чел. (на конец 2012 г.). Она относительно богата природными и трудовыми ресурсами. За провинцией закрепились понятия «Золотой пояс кукурузы» и «Сосвые уезды»: по производству товарного зерна входит в число лидеров.

В 2012 г. ВРП провинции составил 1193,78 млрд ю., или в 145 раз больше, чем в 1978 г., среднегодовой темп прироста ВРП — примерно 15%. Этими сдвигами обусловлена активизация внешнеэкономической деятельности. Если в 1978 г. внешнеторговый оборот провинции составлял 37,04 млн долл., то в 2012 г. — 24,57 млрд долл., т.е. вырос в 661 раз, при среднегодовом росте 20%.

В развитии внешней торговли Цзилиня можно выделить 4 периода:

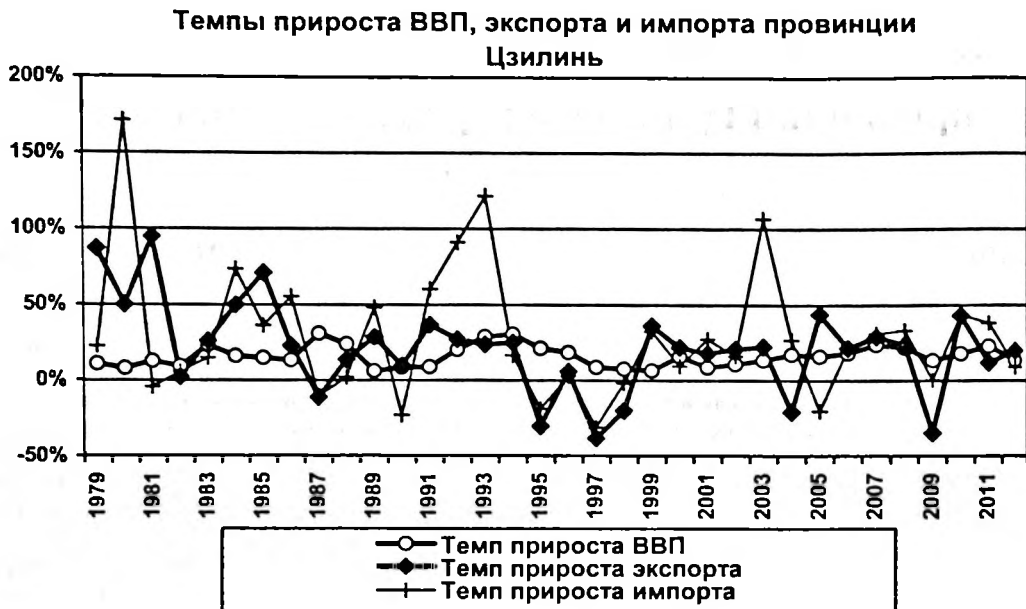
1978–1993 гг.: быстрый рост и формирование основ отрасли

В этот промежуток времени товарооборот от ничтожных 37,04 млн долл. увеличился в 79,5 раз — до 2,98 млрд долл., с ежегодным темпом прироста в 34%, при этом импорт рос на 36,1%, экспорт на 32,6%. В эти 16 лет показатель открытости экономики вырос с 1,27 до 23,92%, вклад экспорта и импорта в национальную экономику постоянно возрастал¹.

Характерной чертой внешней торговли в 1980–1990-х гг. стал устойчивый профицит. Так при суммарном товарообороте 11,88 млрд долл. положительное сальдо провинции составило 4,42 млрд долл.

С 1984 г. проявилась тенденция ускоренного роста внешней торговли: уже в 1985–1986 гг. темпы роста экспортно-импортных операций составили 55,6 и 61,8%. Но от уровня восточных приморских районов они отставали, только спустя 13 лет провинция преодолела барьер в 1 млрд товарооборота.

График № 1

Рассчитано по: Цзилинь тунци няньцзянь 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

График № 2

Источник: Цзилинь тунци няньцзянь 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

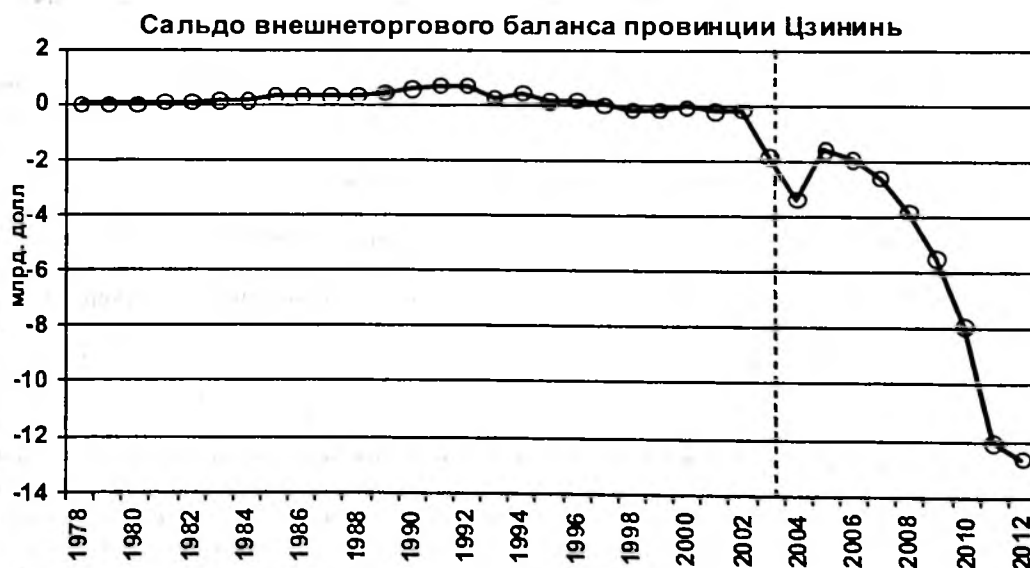
На динамику внешней торговли значительное влияние оказали принимаемые государством правовые акты. Так, в феврале 1988 г. Госсоветом было опубликовано «Положение о некоторых вопросах ускорения и углубления реформы системы внешней торговли», направленное на дальнейшее осуществление реформы внешнеэкономического сектора. Именно с этого времени начался трехлетний переходный период, в который темпы роста внешнеторгового оборота значительно снизились, поскольку основные силы были брошены на поиск путей развития внешнеэкономической сферы (в результате темп прироста в 1990 г. составил лишь 0,9%). В 1991–1993 гг. осуществлялся новый период реформы внешней торговли, ознаменовавшийся отменой экспортных субсидий и удержанием единого обменного курса. Внешняя торговля Цзилиня снова стремительно растет, три года подряд ежегодный прирост составляет 40%.

1999–2001: настройки внешнеэкономической деятельности, подготовка к вступлению в ВТО

В течении восьми лет внешняя торговля провинции претерпевала взлеты и падения, суммарные объемы товарооборота росли незначительно, о чем свидетельствует статистика: в 1994 г. внешнеторговый оборот составлял 3,61 млрд долл., а в 2001 г. снизился до 3,13 млрд долл.

На внешнеэкономическую деятельность провинции воздействовали внешние и внутренние факторы: нестабильность внутрикитайской экономической ситуации, азиатский финансовый кризис, осуществление национальной политики макроконтроля, изменение государственных квот на экспорт зерна, проведение политики специальной сертификации транспортных средств и др. Все это вызвало «перелом» во внешней торговле, повлекший изменения структуры товарооборота и снижение темпов прироста экспорта, что в свою очередь привело к устойчивому отрицательному сальдо. Увеличение импорта было обусловлено приходом иностранного капитала и открытием производств со 100-процентным зарубежным участием — прежде всего, в автомобилестроении. Это повлекло завоз большого числа промышленного оборудования, как и импорт наиболее важных узлов и деталей.

График № 3

Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

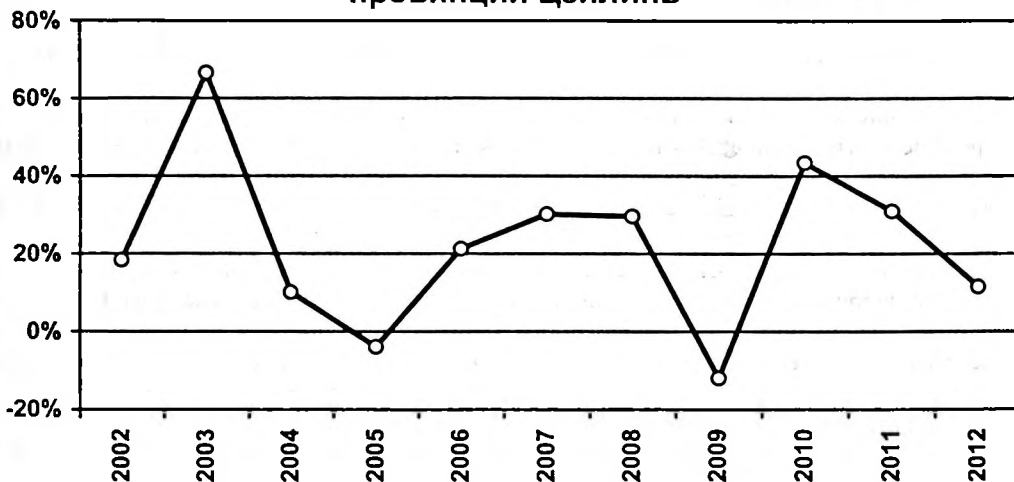
1994 г. стал переломным в процессе открытия КНР внешнему миру, символом чего стало принятие «Закона КНР о внешней торговле», который законодательно закреплял реформирование внешней торговли

2002–2008 — рост и ускоренное развитие внешней торговли

После вступления КНР в ВТО и принятия «Программы возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая» внешнеэкономическая сфера провинции Цзилинь вступила на путь стремительного развития. Объем внешнеэкономических операций возрос с 3,7 млрд долл. в 2002 г. до 13,34 млрд в 2008 г., суммарный объем за 7 лет составил 54,75 млрд долл., среднегодовые темпы роста достигли 23,8%.

График № 4

Темп прироста внешнеторгового оборота провинции Цзилинь

Рассчитано по: Цзилинь тунцзи няньцзянь 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

В 2007 г. товарооборот впервые преодолел рубеж в 10 млрд долл. Экономика провинции развивалась быстрыми темпами, а растущие отрасли промышленности постепенно интегрировались в мировую экономическую систему, при этом во внешней торговле произошли значительные изменения (особенно, в структуре).

2009 — по настоящее время: активизация провинции на внешних рынках

В связи с распространением тенденций мирового финансового кризиса в 2009 г. был отмечен серьезный спад внешнеторгового оборота из-за сокращения внешнего спроса. В 2009 г. у ключевых предприятий Цзилиня было отмечено существенное снижение экспорта продукции. Так, у FAW Group отмечалось падение экспорта на 57,4%, у Sinosteel Jilin Ferroalloy Co. Ltd. — на 92,5%, у Shougang Tonggang Group — на 90,6%. У этих трех компаний суммарно экспорт по сравнению с 2008 г. снизился на 731 млн долл.²

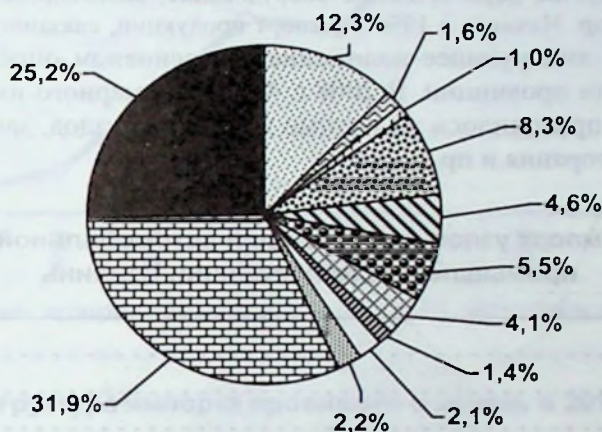
В 2009 г., чтобы адаптироваться к изменениям в мировой экономике, китайское правительство решило снова ввести возвратный налог на часть экспортируемой продукции; предпринимаются усилия по оптимизации структуры экспорта; реализуется стратегия диверсификации экспорта. В результате ситуация начала изменяться к лучшему, с 2008 по 2011 гг. внешнеторговый оборот провинции возрос в 2,8 раза, и в 2012 г. составил 24,5 млрд долл. (20-место по КНР), прирост составил в сравнении с 2011 г. — 11,4%.

Структурные характеристики внешней торговли провинции Цзилинь

Исследование структуры внешнеторгового оборота невозможно осуществить в отрыве от исследования структуры производства. Доминирующими отраслями в провинции стали автомобилестроение, химическая промышленность, глубокая переработка сельхозпродукции. Значимое место занимают и фармацевтика, биоинженерия, производство новых материалов.

График № 5

Доля отраслей производства в валовом промышленном продукте провинции Цзилинь (2010г.)

- Глубокая переработка сельхозпродукции
- ▨ Пищевая промышленность
- ▩ Энергетика
- ▧ Химическая промышленность
- ▦ Фармацевтическая
- ▤ Добыча минеральн. неметаллического сырья
- ▣ Черная металлургия
- ▢ Производство металлических изделий
- Выпуск производственного оборудования
- Производство спец. технол. оборудования
- ▟ Транспортное машиностроение
- ▀ Прочие

Источник: URL: <http://www.cbresearch.com/datadetail/6783.html>

Непрерывно углубляя политику реформ и открытости, Цзилинь постепенно совершенствует свою модель экономического развития, переходя от экстенсивной экономики к интенсивной, а также заменяя трудоемкие производства на капиталоемкие.

Для осуществления столь непростого процесса модернизации производства и создания новых высокотехнологических отраслей Цзилиню требовалось импортировать значительное количество современных машин и оборудования (при том, что основу экспорта продолжала составлять продукция с низкой степенью переработки).

Структура импорта

После начала реформы провинция для модернизации промышленности и создания новой модели экономического роста начинает расширять импорт промышленного и технологического оборудования. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в провинцию, хотя и не в большом количестве приходят иностранные инвесторы, которые приносят с собой новые методы производства, технологии и оборудование, что способствует постепенному повышению конкурентоспособности промышленности. Именно это вызывает изменение структуры импорта, где доминирующее место занимает продукция с высокой добавленной стоимостью. К примеру, в 1992 г. FAW Group и немецкий концерн Volkswagen создают совместное предприятие, и именно автомобилестроение становится отраслью для которой импортируется дорогостоящее оборудование, включающее станки, производственные линии и др. Начиная с 1994 г. импорт продукции, связанной с автомобилестроением занимает лидирующее положение и в основном определяет тенденции развития импорта провинции. В 2008 г. 49,9% суммарного импорта (в объеме 4,28 млрд долл.) приходилось на полные комплекты узлов, запчастей, двигателей внутреннего сгорания и пр.

График № 6

Импорт узлов и деталей для автомобильной промышленности провинции Цзилинь

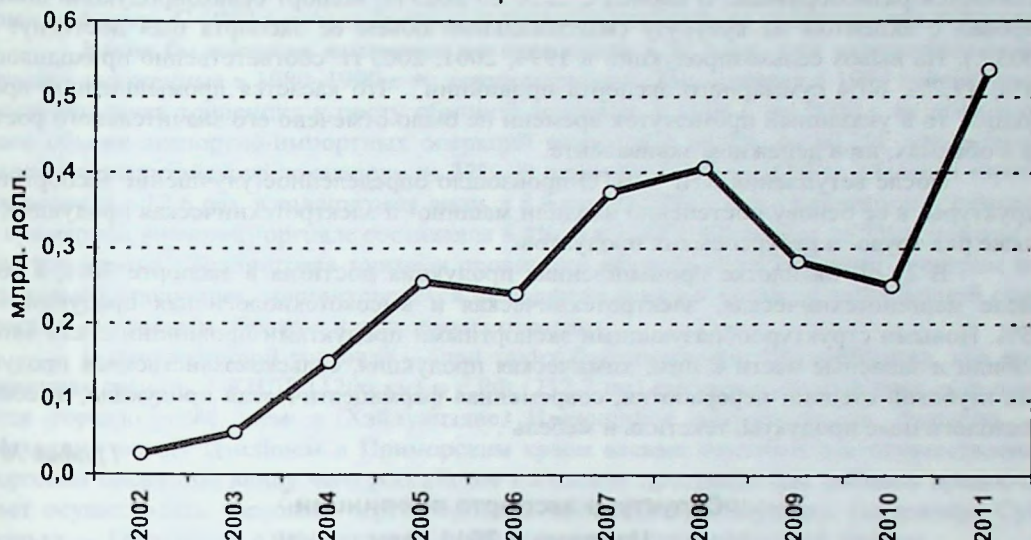
Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь 2003–2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

В связи с непрерывным развитием экономики провинции ускоряется процесс индустриализации, что вызывает повышенный спрос на ресурсы. Помимо импорта машино- и электротехнической продукции увеличивается ввоз руд и концентратов металлов, зерна.

Заметно возрос объем импорта по таким позициям, как: подъемно-транспортное оборудование и узлы к нему, металлообрабатывающие станки, узлы и запасные части для аудио-, видеоаппаратуры и беспроводного телекоммуникационного оборудования³.

График № 7

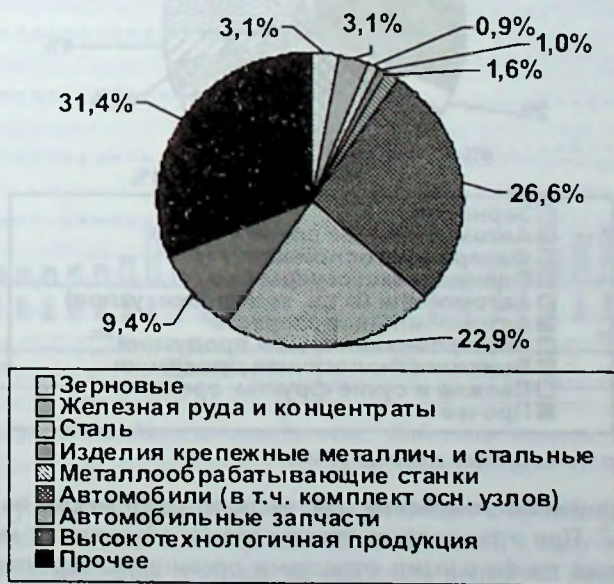
Импорт железной руды и концентратов провинции Цзилинь

Источник: Цзилинь муниципалитет 2003–2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

График № 8

Структура импорта провинции Цзилинь в 2011 году

Источник: URL: <http://changchun.customs.gov.cn>

Структура экспорта

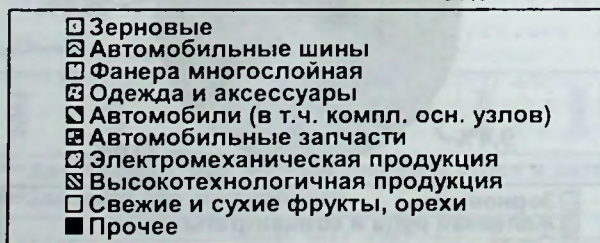
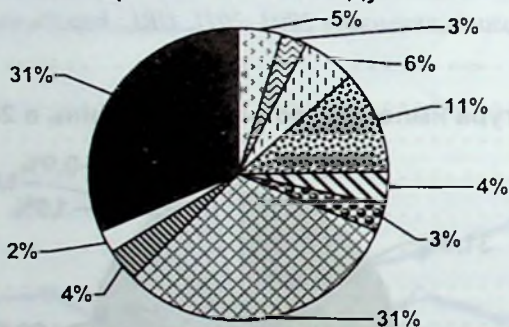
По сравнению с импортом объемы экспорта скромны, а структура продукции не отличается разнообразием. В период с 1994 по 2003 гг. экспорт сельхозпродукции доминировал с акцентом на кукурузу (максимальный объем ее экспорта был достигнут в 2003 г.). На вывоз сельхозпродукции в 1994, 2001, 2003 гг. соответственно приходилось 58%, 49,2%, 60% суммарного экспорта провинции⁴. Что касается промышленной продукции, то в указанный промежуток времени не было отмечено его значительного роста ни в объемах, ни в денежном эквиваленте.

После вступления КНР в ВТО произошло определенное улучшение экспортной структуры, в ее основу постепенно входили машино- и электротехническая продукция, а также ряд трудо- и ресурсоемких продуктов.

В 11-ой пятилетке промышленная продукция достигла в экспорте 70%, в том числе машинотехническая, электротехническая и высокотехнологичная продукция — 35%. Новыми структурообразующими экспортными продуктами провинции стали автомобили и запасные части к ним, химическая продукция, сельскохозяйственная продукция глубокой степени переработки, современная фармацевтическая продукция, высокотехнологичные продукты, текстиль и мебель⁵.

График № 9

Структура экспорта провинции Цзилинь в 2011 году

Источник: URL: <http://changchun.customs.gov.cn>

В 2012 г. произошли изменения: так, экспорт обуви возрос на 87%, мебели и узлов к ней — 83,8%⁶. При этом следует учесть, что ни обувная, ни мебельная промышленность не являются профильными отраслями провинции: вероятно, Цзилинь, как и Хэйлуунцзян, выступает в этом случае в качестве реэкспортной территории.

Формы внешнеэкономических сделок

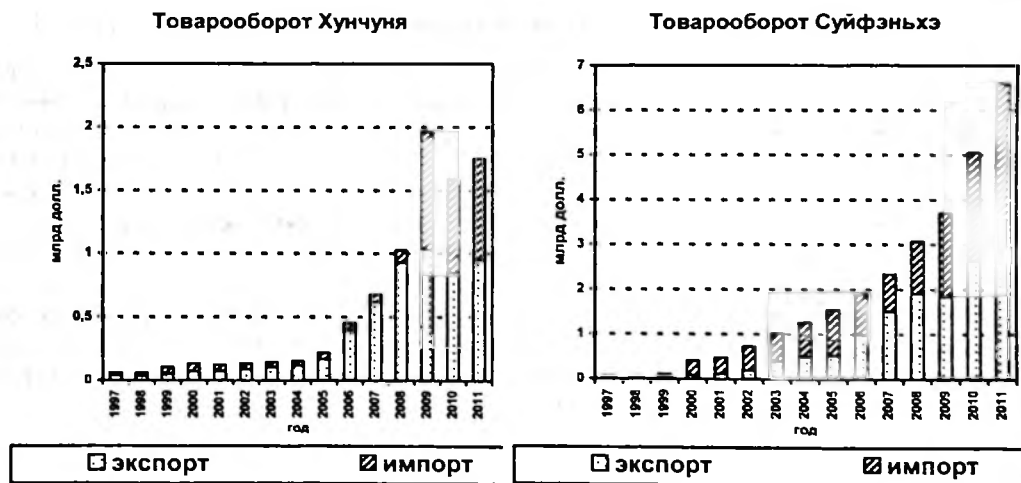
До 1978 г. провинция осуществляла торговлю в основном с СССР, Восточной Европой, КНДР по межправительственным соглашениям, когда оплата осуществлялась

на основе бартерной схемы; операции за наличный расчет проводились лишь с рядом развитых стран. С началом осуществления экономических реформ формы внешней торговли стали разнообразнее, появилась сборка продукции из узлов и деталей, поставляемых зарубежным партнером, толлинговая и компенсационная торговля и другие «гибкие» ее формы. С 1982 г. начала быстро развиваться приграничная торговля.

Какие бы внешние изменения ни произошли в те годы, они незначительно нарушали заложенные в 1980–1990-е гг. закономерности. Так, начиная с 1994 г. отмечалась поступательная тенденция к росту обычной торговли, с 1994 г. по 2008 г. ее доля в общем объеме экспортно-импортных операций возросла с 64,9% до 80,2%, что в целом выше среднекитайского показателя на 32%. В период с 1994 по 2002 гг. обычная торговля выросла в 12,6 раз, а толлинговая лишь в 8,9 раз. В 1994 г. доля толлинговой торговли в суммарной внешней торговле составляла 8,4%, а в 2008 г. снизилась до 7% и поныне — на этом уровне⁷. Толлинговая торговля провинции не отличается широким спектром выпускаемой продукции, концентрируется на выпуске товаров с низкой добавленной стоимостью — главным образом, в трудоемких отраслях.

В приграничной торговле — при таких благоприятных предпосылках, как протяженная граница с КНДР (1206 км) и с РФ (232,7 км) ситуация для Цзилиня складывается гораздо хуже, чем в Хэйлуцзяне. Имеющийся погранпереход Хуньчунь — Махалино между Цзилинем и Приморским краем весьма неудобен для осуществления торговых операций, ввиду чего российское население приграничных районов предпочитает осуществлять торговлю через переходы провинции Хэйлуцзян (например, Суйфэньхэ — Гродеково), о чем наглядно свидетельствуют статистические данные.

График № 10

Источник: URL: <http://www.chinacustomsstat.com>, Хайгуань тунци юэкань, 1998–2007, № 12.

Ситуацию усугубляет тот факт, что прилегающие к провинции российские и северокорейские районы не отличаются развитой экономикой, в силу этого и ряда политических факторов приграничная торговля не получила должного развития. Так, в 2008 г. ее объем с двумя странами составил 260 млн долл, что лишь в 3,9 раз выше, чем в 1994 г., среднегодовые темпы прироста ограничиваются 1,9%⁸.

На фоне роста обычной и толлинговой торговли сделкам по приграничной малой торговле не свойственна стабильность, что связано с экономической ситуацией в странах-контрагентах — прежде всего, в российских регионах.

Формы экспортно-импортных сделок провинции
Цзилинь

Источник: URL: <http://www.jl.gov.cn>

Субъекты внешней торговли (по форме собственности)

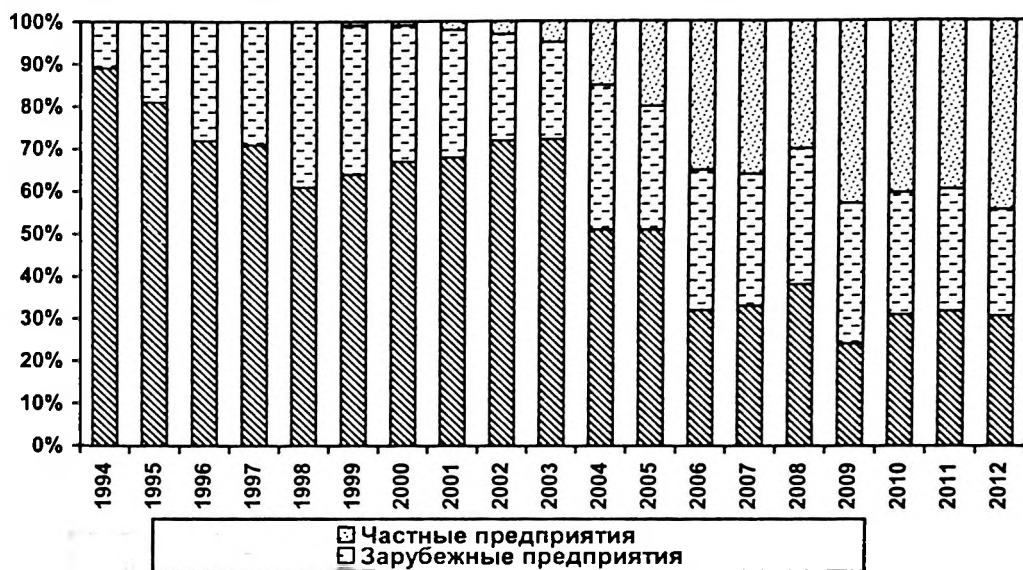
Экономические преобразования в КНР стимулировали реформирование предприятий тяжелой и легкой промышленности Цзилиня, в ходе этого непростого процесса наиболее приспособленные смогли адаптироваться к новым экономическим реалиям. Среди этих предприятий необходимо выделить FAW Group, FAW-Volkswagen, CNR Changchun Railway Vehicles Co., Ltd., Jilin Chemical Group (CNPC) и ряд других государственных и крупных предприятий с иностранными инвестициями, которые стали «столпами» провинциальной промышленности и оказывают важное воздействие на ВЭД провинции.

Начиная с 1980-х гг. и до 2006 г. экспорт госпредприятий стал вытесняться экспортом предприятий, основанных на ПИИ, в результате чего в 2008 г. объем внешнеэкономических сделок госпредприятий составил 39,7% суммарного товарооборота, что на 39,5 процентных пункта ниже чем в 1994 г.⁹

После вступления КНР в ВТО государство приняло ряд стратегических документов направленных на развитие и поддержание частного бизнеса, что уже принесло значимые результаты. Начиная с 2002 г. происходил быстрый рост экспортно-импортных операций частных компаний.

Китайские частные предприятия стали главными экспортерами. Так, в 2006 г. в Цзилине частные фирмы впервые превысили по экспорту госпредприятия. В 2012 г. стоимость экспорта предприятий всех видов увеличилась, включая государственные и основанные на иностранном капитале, но у предприятий этих двух видов показатель был ниже, чем в целом по КНР, а у частных предприятий, основанных на китайском капитале, наметился существенный прорыв. Исходя из статистических данных, в 2012 г. на долю предприятий, основанных на иностранном капитале, приходилось 25% экспорта; 44,1% пришлось на частные китайские предприятия¹¹.

Экспорт предприятий разных форм собственности

Источник: Цзилинь чжунго туцзи чубаньше, 2009. URL: <http://www.jl.gov.cn>

География торгово-экономического сотрудничества провинции

За более чем 30-летний период реформ провинция значительно расширила географию торговых партнеров и диверсифицировала товарные потоки. Так, уже в 2008 г. Цзилинь поддерживал торгово-экономические связи с более чем 160 государствами и районами мира, что на 38,1% больше, чем в 1994 г. На страны ЕС, Японию, США, РК, РФ и КНДР — основных торговых партнеров провинции в 2008 г. приходилось 82,5% внешнеторгового оборота.

Несмотря на волнообразность процесса и имеющиеся сложности выхода продукции Цзилиня на мировой рынок, наблюдается хотя и медленное, но поступательное увеличение экспортных операций на новых рынках. После вступления КНР в ВТО начался «золотой этап» стабильно стремительного роста внешней торговли провинции. Конечно, как и прежде, ЕС остается ее крупнейшим торговым партнером; в торгово-экономических отношениях с Японией наблюдаются взлеты и падения, связанные не только с экономическими, но и политическими факторами; торговля с США отличается стабильностью; торговля с РФ с 2003 г. до начала мирового экономического кризиса показывала устойчивый рост. В то же время наблюдается диверсификация внешних рынков за счет торговли с развивающимися странами АСЕАН, Африки и Латинской Америки.

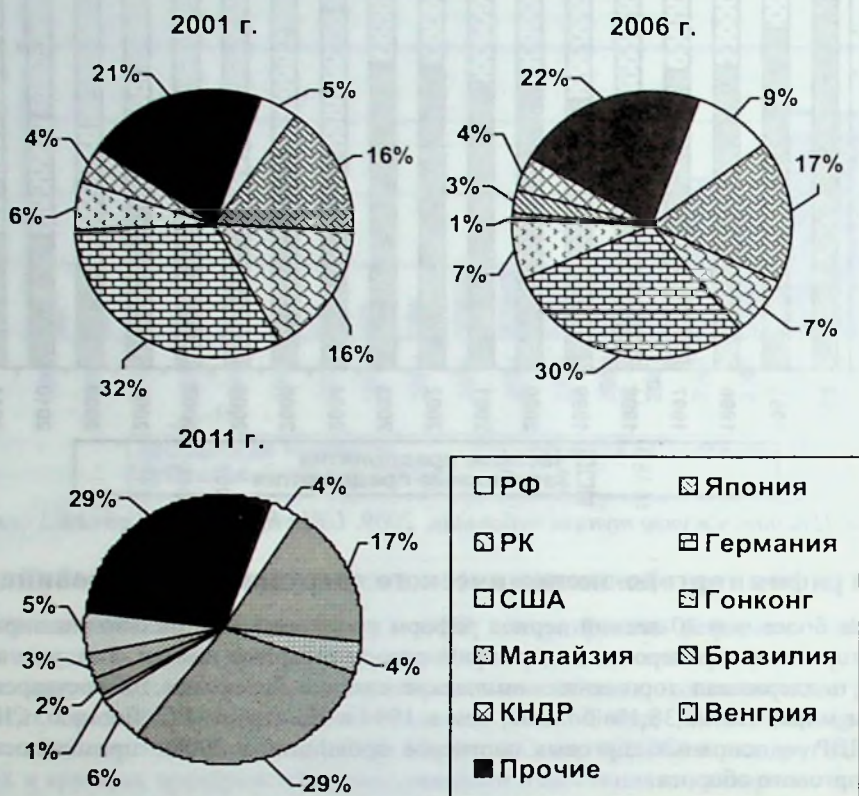
Страны ЕС всегда были важным рынком для продукции Цзилиня, но в 2009 г. из-за финансового кризиса экспорт в эти страны стал сокращаться. Если в 2008 г. на них приходилось свыше 18% экспорта, то в 2011 г. — чуть меньше 14%. Экспорт был срочно перенаправлен на Ближний Восток, доля которого с 3% в 2008 г. выросла до 10,5% в 2010 г. Подобный скачок был связан не только и не столько с простым расширением экспортного рынка, но очевидно вписывался в проводимую стратегию «выхода во вне» (о чем речь пойдет далее).

Российская Федерация входит в пятерку крупнейших торговых партнеров Цзилиня. С 2002 по 2005 гг. двусторонняя торговля стремительно росла (темпы представле-

ны на графике № 14). В отдельные годы они синхронизировались с темпами роста общего российско-китайского товарооборота, а иногда были значительно выше.

График № 13

География внешней торговли провинции Цзилинь

Источник: URL: Цзилинь тунцзи няньцзянь. 2002, 2007, 2012.

График № 14

Темпы роста российско-цзилиньского и российско-китайского товарооборотов в 1996–2011 гг.

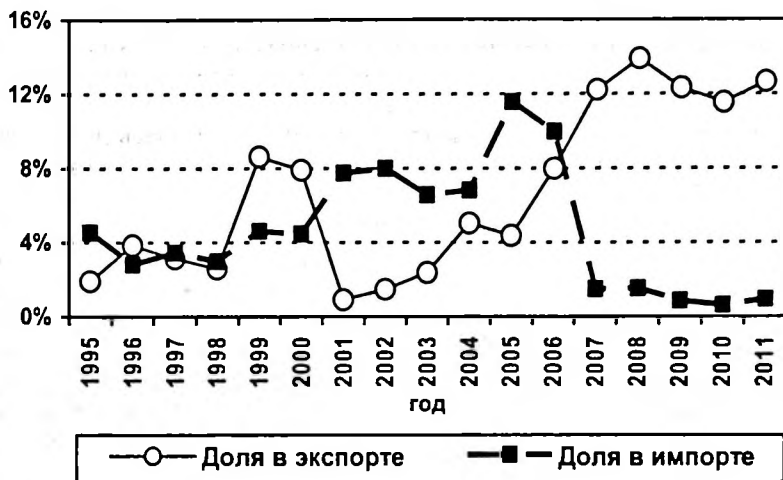

Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь. 1997–2012. URL: <http://www.stats.gov.cn>.

После обнародованного в 2006 г. правительством Цзилиня документа под названием «Некоторые мнения по вопросам дальнейшего укрепления торгово-экономического сотрудничества с Россией» соответствующие ведомства провинции начали уделять большое внимание экспортно-импортным операциям и иным формам сотрудничества с Россией, что не замедлило произвести прорывной эффект. Так, в 2006 г. товарооборот превысил более 700 млн долл. по сравнению с 570 млн долл. в 2005 г.

График № 15

Доля России в экспорте и импорте провинции Цзилинь

Источник: URL: Цзилинь тунцзи няньцзянь, 1997–2012.

Реальная ситуация в торговле между российскими регионами и Цзилинем выглядела следующим образом: если в 2005 г. импорт товаров из РФ составлял практически 12% импорта провинции, то в 2011 г. его доля едва достигла 1%; но в то же время Россия, особенно в последние 5–7 лет, стала одним из наиболее емких рынков экспортной продукции Цзилиня, о чем свидетельствует данные графика № 15.

В целом доля цзилиньско-российской торговли в суммарном товарообороте провинции стремительно уменьшается: так, в 2006 г. наш товарооборот составлял 31% от товарооборота провинции с ее главным торговым контрагентом — Германией, а в 2011 г. — лишь 9%.

Иностранные инвестиции

Как уже упоминалось, рост импорта провинции имеет определенную взаимосвязь с привлечением ПИИ. Цзилинь после начала политики реформ и открытости отнюдь не сразу стал привлекателен для иностранных инвесторов, что во многом было связано с тяжеловесностью государственной экономики. Но постепенно, особенно после начала осуществления реформы госпредприятий и принятия «Программы возрождения старых промышленных баз Северо-восточного Китая» иностранные инвесторы обратили внимание на новые открывающиеся возможности. Рассмотрим процесс привлечения зарубежного капитала в пров. Цзилинь.

Фаза медленного старта (до 1990 г.). Внедрение открытости в Китае подразумевало постепенное открытие разных сфер экономики. С 1984 г. страна стала привлекать зарубежные инвестиции, но основными центрами аккумуляции иностранных капиталов

были прибрежные восточные провинции, и такая политика продолжалась до начала 1990-х гг. С 1984 по 1990 гг. Цзилинь привлек лишь 18 млн долл.

Фаза быстрого роста (1991–1998 гг.). В начале 1990-х гг. провинция воспользовалась рядом льгот по привлечению иноинвестиций, что дало мгновенный эффект; только за 1991 г. было привлечено 62 млн долл, что в 3,4 раза больше, чем за весь предыдущий период. В 1992 г. был преодолен порог в 100 млн долл. После нескольких лет быстрого роста притока инокапитала, в 1996 г. была достигнута отметка в 400 млн долл. В 1997–1998 гг. в связи с азиатским финансовым кризисом было отмечено значительное снижение темпов привлечения инвестиций, но показатель поддерживался на отметке 400 млн долл. в год.

Фаза перестройки и урегулирования (1999–2003 гг.). С наступлением мирового кризиса многие иностранные инвесторы с опаской вкладывали капиталы в экономику региона, в результате чего объем инвестиций в Цзилинь стал сокращаться. Так, если в 1998 г. их величина составляла 410 млн долл., то в 1999 г. снизилась до 300 млн долл., т.е. начиная с 1996 г. и до 2003 г. существенных изменений в инвестиционной ситуации провинции не происходило.

Фаза устойчивого роста (2004 г.—по настоящее время). С момента принятия программы по возрождению старой промбазы начался процесс устойчивого прироста иноинвестиций в провинцию. Уже в 2004 г. показатель достиг 450 млн долл, а в 2008 г. практически приблизился к отметке 1 млрд долл. В 2009 г., несмотря на мировой кризис, иностранные инвестиции продолжали поступать в регион, хотя темп прироста снизился, составив 14,7%. Мировой кризис скорректировал некоторые тенденции, но в среднем темпы прироста иноинвестиций остались в коридоре между 11–16%. К концу 2012 г. объем фактически использованных иностранных инвестиций составил 5,6 млрд долл¹².

У каждой провинции КНР есть свои особенности в сфере привлечения ПИИ, каковы же они для Цзилиня? Прежде всего наблюдается жесткая отраслевая привязка, более ¼ ПИИ приходится на обрабатывающие отрасли (2-я сфера) и доля подобных вложений постоянно увеличивается: так, если в 2003 г. на вторую сферу приходилось 71,5%, в 2009 г. — 77,5%, в 2012 г. — порядка 85%. Среди главных отраслей приложения иностранного капитала следует выделить транспортное и автомобилестроение, химическую промышленность, глубокую переработку сельхозсырья и пищевую промышленность; в отдельные годы инвестиции в фармацевтическую промышленность также достигали значимой величины¹³.

Хотя за минувшее десятилетие наблюдались положительные тенденции в привлечении ПИИ, но объемы привлеченных капиталов невысоки, в 2011 г. на Цзилинь приходилось лишь 2,5% всех ПИИ, полученных Китаем.

Ситуация с инвестициями является «лакмусовой бумажной» диспропорций в развитии территории провинции. ПИИ распределены неравномерно, основная их часть приходится на города Чанчунь и Цзилинь и на Яньбянь-корейский АО. Так, в 2011 г. Чанчунь привлек 52% ПИИ провинции, а г. Цзилинь — 10,7%, ЯКАО — 6,7%. На остальные 6 городов приходится 30%¹⁴.

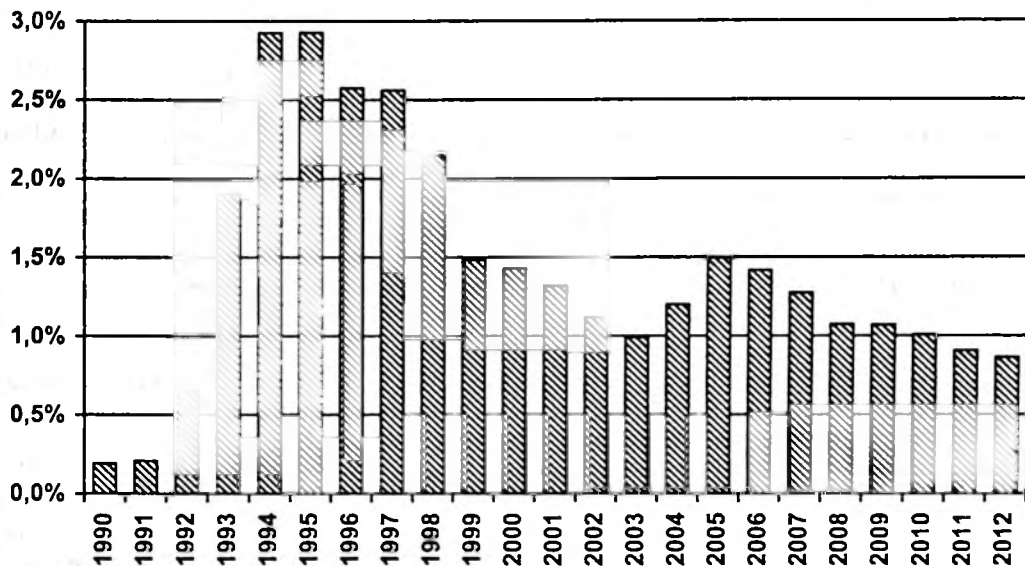
Стоит отметить, что рост объема ПИИ в первое десятилетие XXI в. оказал значительное содействие экономическому росту Цзилиня. Так, доля ПИИ в валовом региональном продукте составляла за минувший период 1,5% от ВРП, максимальное значение 2,8% было достигнуто при создании первых совместных автомобильных предприятий.

Отметим, что ПИИ стали расти более быстрыми темпами только после того, как пришли крупные инвесторы: такие как крупнейшие производители пищевой продукции США — Cargill, Inc. и PepsiCo, Inc; голландско-британская Royal Dutch Shell вложила капиталы в сланцевую промышленность. В автомобильной промышленности это — немецкий концерн Volkswagen, Audi и японская Toyota, а также сопутствующее автомобилестроению производство шин корейской фирмы Kumho Tyres.

Начиная с 1990-х гг., экспорт КНР стал быстро расти: источником этого процесса, на наш взгляд, стали предприятия, основанные на зарубежном капитале. Подобная же ситуация (хотя и с некоторым запозданием сложилась в Цзилине). Происходил процесс цепной реакции: с увеличением объема привлеченного зарубежного капитала начал расти экспорт провинции, что косвенно содействовало росту экспорта китайских предприятий. Т.е. с увеличением ПИИ рос экспорт в целом.

График № 17

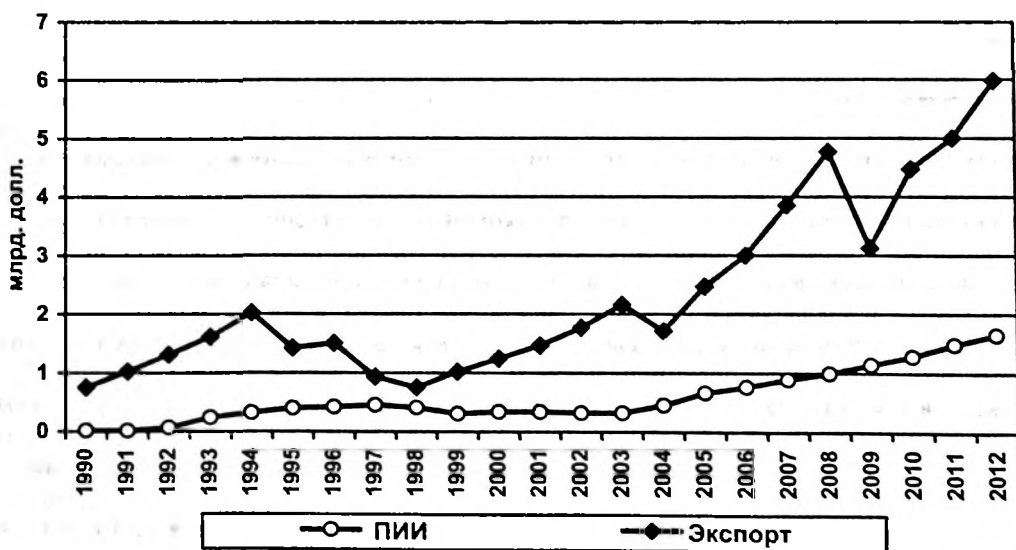
Доля ПИИ в ВРП провинции Цзилинь

Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь 2003–2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

График № 18

Корреляция роста ПИИ и экспорта провинции Цзилинь

Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь 2003–2011., URL: <http://www.stats.gov.cn>

Так, в 2011 г. объем фактически использованных иностранных инвестиций составила $\frac{1}{4}$ экспорта Цзилиня за тот же период.

Осуществление стратегии «выхода во вне»

На 3-й сессии ВСНП 9-го созыва (2000 г.) была выдвинута стратегия активного выхода китайских производителей на внешние рынки, которая получила название «выхода во вне». При адаптации новой стратегии каждая из провинций и автономных районов разрабатывала свои направления в рамках государственной политики. Цзилинь выработала следующую формулу: «Африка — подряды на инженерно-строительные работы, КНДР и Россия — природные ресурсы, Япония и РК — экспорт трудовых ресурсов»¹⁵.

Минувшая 11-я пятилетка стала для экспортноориентированных предприятий Цзилиня важным экзаменом на проверку конкурентоспособности. Ключевые предприятия провинции China Petroleum Jilin Chemical Engineering & Construction Co.Ltd и Jilin Province Power Transmission & Substation Project Company(JPPC) осуществляли подрядные работы за рубежом, наиболее важными рынками экспорта их услуг стали Африка и Ближний Восток. Наибольший объем вновь заключенных контрактов на подрядные работы за рубежом приходится на африканский континент (в 2011 г. — 52,4% выполненных работ). Существует и достаточно очевидная отраслевая специализация выполняемых работ: в области нефтехимии было выполнено 66,3% проектов и 20,2% в сфере энергетики. Для JPPC важным проектом стал выход на рынок Киргизии совместно с китайской компанией Tebian Electric Apparatus Stock Co. (ТВЕА). Суть проекта: строительство высоковольтной ЛЭП 500 кВ «Датка—Кемин» и подстанции, которые являются составной частью внутреннего энергокольца Кыргызстана¹⁶.

Компания «Yanbian Tianchi Industrial & Trade Co.Ltd» совместно с «Tonghua Iron and Steel Group» разрабатывает самое большое железорудное месторождение Мусан в КНДР, что стало существенным проектом между приграничными районами Цзилиня и Северной Кореи. Hunchun Zijin Tianhong Mining Co.,Ltd. в Монголии получила право на разработку золотonosных месторождений, сумма инвестиций составила 8,15 млн долл. Yanbian Tianxin Mining Industry Investment and Development Co.,Ltd. приобрела в Камбодже право на разработку золотonosных месторождений (капиталовложения китайской стороны составили 13 млн долл.)¹⁷.

В 2011 г. цзилиньская «Jilin Jien Nickel Industry» приобрела в Лабрадоре (Канада) в местечке Нунавик медно-никелевую шахту. В ее разработку вложено 360 млн долл. Это стало одним из важнейших прорывных проектов по добыче ресурсов на обширном канадском севере¹⁸.

Мировой финансовый кризис подтолкнул Цзилинь к более активному сотрудничеству с российскими дальневосточными регионами в сфере освоения сельхозугодий. Так, в 2011 г. было создано 5 предприятий в этой сфере (сумма китайских инвестиций составила 63,16 млн долл). В 2011 г. на высоком государственном уровне было решено одобрить начало работ цзилиньской сельскохозяйственной компании Динхун по зерновому производству в Приморском крае, первоначальная площадь сельхозземель составила 40 тыс. га, с последующим расширением до 120 тыс. га¹⁹.

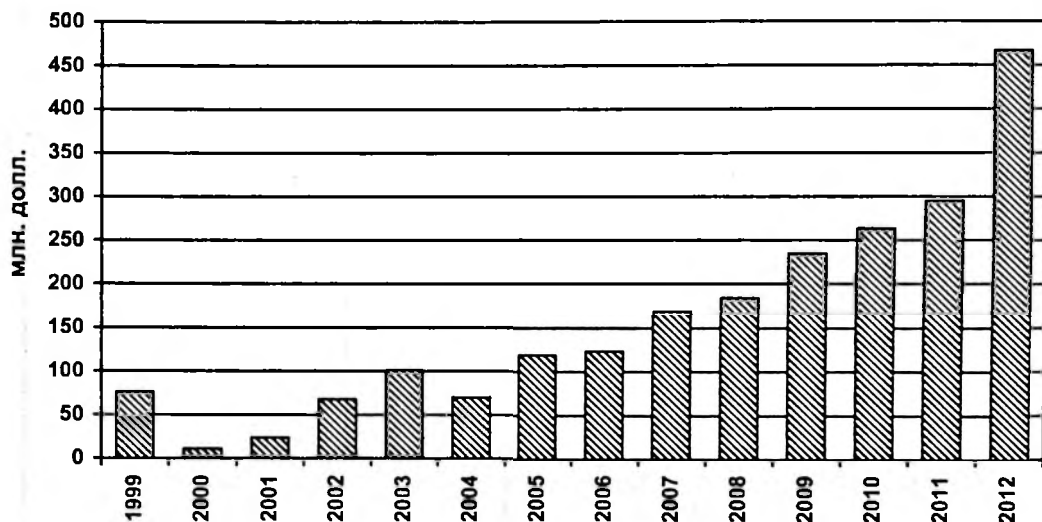
В Цзилине нашу страну рассматривают как один из перспективных инвестиционных рынков. Судя по провинциальной статистике, больше всего инвестиций отсюда вложено в РФ. Так, на начало 2012 г. цзилиньскими предпринимателями было открыто 83 предприятия с общей суммой инвестиций 621 млн долл. Основными сферами приложения капитала стали следующие отрасли: добыча полезных ископаемых, лесная промышленность, комплексное развитие сельского хозяйства, портовое хозяйство, аквакультура, производство стройматериалов. Все эти проекты сопровождаются не только инвестированием капитала в российскую экономику, но и способствуют трудоустройству

цзилиньских рабочих и крестьян, а также экспорту промышленной и сельскохозяйственной продукции, которую используют при выполнении работ по контракту. Российские инвестиции в Цзилине крайне скромны: их объем на 2012 г. составил порядка 6,4 млн долл., или 1/100 цзилиньских инвестиций в Россию²⁰.

Объем выполненных в 2011 г. цзилиньскими компаниями подрядных работ за рубежом составил 634 млн долл., прямые нефинансовые инвестиции, осуществленные провинциальными инвесторами за рубежом, составили 597 млн долл., на работу за границу в рамках осуществления трудовых услуг по договорам отправлено 14 878 чел.

График № 19

Объем выполненных цзилиньскими компаниями подрядных работ за рубежом

Источник: Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь 2000–2011.

URL: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjzl/gccb/201301/1723038_1.html

География экспорта трудовых услуг за последнее десятилетие не претерпела серьезных изменений. 94,9% от всех лиц, направленных за рубеж, трудилось в Азии, при этом регионом концентрации были три страны — Япония, Республика Корея, Сингапур. Среди европейских стран следует выделить Россию, которая по приему цзилиньских трудовых ресурсов заняла в 2012 г. 2-е место. Данный сдвиг был связан с тем, что на корейском рынке труда рыбак получает чрезвычайно низкую зарплату, в результате чего вакансии приходится заполнять дешевой иностранной рабочей силой, поэтому китайские рабочие отказываются ехать в Корею²¹.

В заключение хотелось бы остановиться на проблемах и вопросах которые стоят перед внешнеэкономической сферой Цзилиня:

В отношении экспорта:

– Экспортеры провинции плохо защищены, выход на рынки рискованных стран, в том числе третьего мира, осуществляется консолидированной работой провинциальных органов управления внешней торговли и Корпорации по страхованию экспортных кредитов (ЕСИС), что могло бы минимизировать возможные потери;

– Банки заинтересованы в сотрудничестве с крупными экспортерами, на пути финансирования малого и среднего бизнеса имеется множество препятствий. На малые

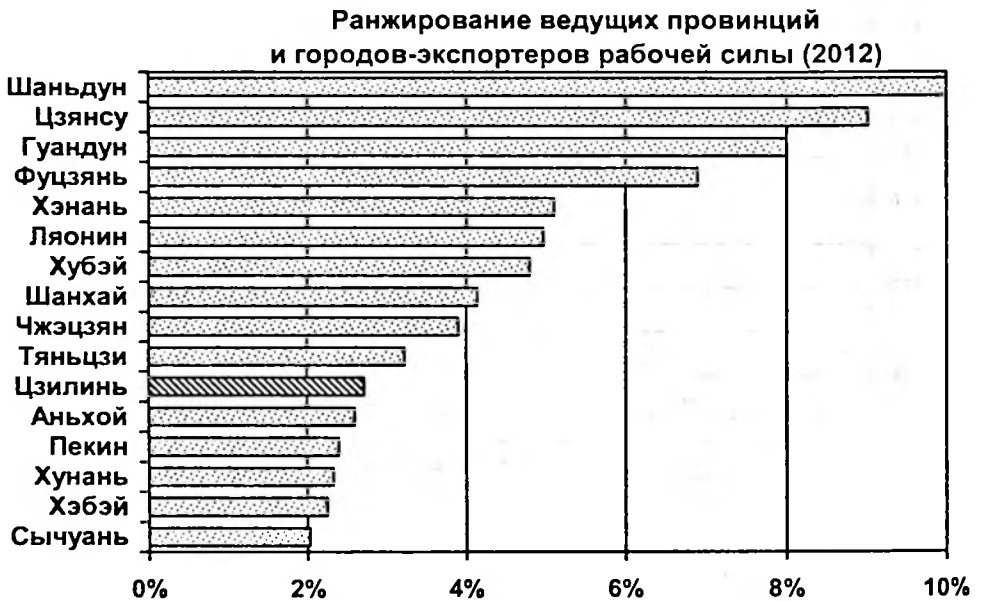
внешнеторговые предприятия приходится всего 8% от экспорта провинции, хотя они составляют 80% всех внешнеторговых предприятий. В связи с отсутствием поддержки малому бизнесу сложно наращивать товарооборот;

– 12-я пятилетка является критическим порогом, который необходимо перешагнуть с оптимизированной структурой экспортно-импортных операций;

– Руководство провинции должно оказать поддержку экспорту продукции по следующим ключевым направлениям: электро-механической и высокотехнологичной продукции, текстильной и швейной, фармацевтической, продукции глубокой переработки сельхозсырья;

– Провинцией должны быть созданы условия для продвижения торговых марок собственной продукции и для выработки стратегии новых направлений экспортноориентированных отраслей производства, более активного продвижения экспорта услуг.

График № 20

Источник: URL: <http://fec.mofcom.gov.cn>

* * *

В отношении привлечении ПИИ:

– Иностранные предприятия делают определенные шаги вложения инвестиций в НИОКР. Но этот процесс до сих пор не отличается стабильностью, год от года цифры сильно разнятся; как полагают китайские авторы, подобная ситуация связана с отсутствием в провинции крупного центра НИОКР, куда стекались бы инвестиции всех зарубежных фирм²².

– Сохраняется несбалансированность использования ПИИ как в отраслевом, так и территориальном разрезе. В настоящее время основным регионом сосредоточения инвестиций является Чанцзиту.

– Среди провинций Дунбэя у Цзилиня самые низкие показатели привлечения ПИИ.

– Провинция намерена ужесточить условия контрактов иностранными инвесторами, требуя осуществления неуклонного контроля качества выпускаемой продукции и

внедрения высоких технологий (в т.ч. способствующих снижению энергопотребления и загрязнения окружающей среды).

1. Цзилинь люши нянь [Цзилинь — 60 лет]. Чжунго тунци чубаньшэ, 2009.
2. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/20100331/08387670017.shtml>.
3. URL: http://district.ce.cn/newarea/roll/201303/11/t20130311_24188205.shtml.
4. Цзилинь люши нянь. 2009.
5. URL: http://www.jl.gov.cn/ggkf/dwkf/dwmy/201211/t20121112_1312127.html.
6. URL: http://district.ce.cn/newarea/roll/201303/11/t20130311_24188205.shtml.
7. Цзилинь люши нянь. 2009.
8. Там же.
9. Там же.
11. URL: http://district.ce.cn/newarea/roll/201303/11/t20130311_24188205.shtml.
12. URL: <http://www.chinairn.com/news/20130130/161543728.html>.
13. URL: <http://jilin.mofcom.gov.cn/aarticle/sjshangwudt/201009/20100907135231.html>.
14. Цзилинь тунци няньцзянь. 2012.
15. URL: <http://jilin.mofcom.gov.cn/aarticle/sjshangwudt/201009/20100907135231.html>.
16. URL: http://www.jl.gov.cn/ggkf/dwkf/dwmy/201211/t20121112_1312127.html.
17. Там же.
18. URL: <http://www.goldbrookventures.com/media/2011Sep28Chinese.pdf>.
19. URL: http://www.jl.xinhuanet.com/newscenter/2012-02/05/content_24645342.htm.
20. URL: http://www.jl.gov.cn/ggkf/dwkf/dwmy/201301/t20130107_1375743.html.
21. URL: <http://www.jldofcom.gov.cn/2011/07/1311058534671.htm>.
22. URL: <http://jilin.mofcom.gov.cn/aarticle/sjshangwudt/201009/20100907135231.html/>

О путях повышения уровня китайско-российского сотрудничества

© 2013

Сунь Яо

В статье отмечены успехи во внешнеэкономическом сотрудничестве провинции Хэйлуцзян с Россией. По ходу его дальнейшего развития предлагается акцентировать внимание на таких сферах, как информационная и транспортная инфраструктура, туризм, электронная торговля, двусторонняя кооперация предприятий Китая и России в комплектовании электромеханических изделий.

Ключевые слова: провинция Хэйлуцзян, Харбин, БАМ, кабельная система РОТАКС, интернет-магазин Ali Baba.

Успешно справляясь с функциями «моста» и «связующего звена» в китайско-российских экономических связях, провинция Хэйлуцзян неуклонно развивает сотрудничество, стремится осваивать новые сферы взаимодействия с РФ.

В 2012 г. китайско-российский товарооборот достиг 88,16 млрд долл. США, причем из этой внушительной суммы почти четвертая часть (24,4%) пришлась на торговлю России с нашей провинцией. В сфере инвестиций доля Хэйлуцзяна еще выше: составляет одну треть от инвестиций КНР.

С целью реализации согласованных лидерами наших стран ориентиров о возможности к 2015 г. довести объем двустороннего товарооборота КНР и РФ до 100 млрд долл., а к 2020 г. — до 200 млрд долл., провинция Хэйлуцзян намерена непрерывно наращивать усилия по формированию приграничного с Россией пояса открытости и развития общегосударственного уровня, по изысканию новых сфер китайско-российского сотрудничества. Соответственно, мы вносим свои предложения.

1. Ускорить строительство китайско-российской информационной и транспортной инфраструктуры

Во-первых, мы считаем, что было бы целесообразно акцентировать внимание на важной роли, принадлежащей в китайско-российском сотрудничестве созданию надежных каналов связи. В частности, проект РОТАКС (Российская оптическая трансарктическая кабельная система) сулит обширные перспективы инновационного сотрудничества. Этот проект, предложенный правительством РФ в 2000 г., предусматривает соединение Европы и Азии через северную акваторию посредством прокладки мощной интернет-магистральной по российской территории в Арктике. Ее западная линия соединит Мурманск с Лондоном; восточная — протянется вдоль российского шельфа в Ледовитом океане через Берингов пролив, Охотское море и Сахалин, с разделением далее на две ветки: одна до Токио, другая соединится с Харбином через Владивосток и Суйфэньхе на китайско-российской границе. По оценкам специалистов, суммарная пропускная способность

магистрала составит 9,6 Тбит/с., что в 240 раз превышает пропускную способность евро-азиатской кабельной сети. Это значительно поднимет скорость передачи и емкость информации, эффективно решит проблемы задержки передаваемого сигнала и емкости сети. В настоящее время российская компания «Поларнет Проект» и китайские компании China Unicom, China Mobile, Huawei, Zhongxing ведут переговоры о сотрудничестве и готовят проект «Строительство арктических евро-азиатских оптико-волоконных систем КНР с РФ». Реализация проекта РОТАКС будет не только способствовать развитию китайско-российского рынка информационных услуг, но и активно повлияет на товарообмен России со странами Европы и Азии.

Во-вторых, в повестке дня — развитие наземной транспортной инфраструктуры. Желательно ускорить подготовительные работы к строительству железнодорожного моста через Амур, который послужил бы соединительным звеном с Транссибом и БАМом. Тем самым были бы созданы условия для сотрудничества портов Ванино, Советская Гавань и Находка с портами Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга.

Велика значимость и прямых железнодорожных перевозок между Китаем и Россией. В настоящее время они осуществляются лишь через железнодорожные станции Маньжоули — Забайкальск и Суйфэньхэ — Пограничный, что ограничивает возможности расширения двусторонних торгово-экономических связей, поскольку Забайкальск и Пограничный — это станции Транссиба. Правительство провинции Хэйлуцзян прилагает ныне активные усилия для повышения роли Харбина как крупнейшего центра транспортной логистики в китайско-российской торговле на общегосударственном уровне. Выражаю надежду, что наши предложения по наземной транспортной инфраструктуре получат поддержку на встрече лидеров двух стран.

В-третьих, хотелось бы затронуть проблематику морского транспортного сообщения. В российской программе развития Дальнего Востока строительство БАМа представляет собой один из ключевых проектов. Важнейшей функцией БАМа явится перевозка грузов, причем эти грузы будут доставляться в морские порты. Значит, требуется приложить усилия к формированию морских трасс по транспортировке грузов. В настоящее время Россия акцентирует внимание на строительстве порта Ванино и на создании особой экономической зоны в порту «Советская Гавань». Реализация этих планов позволит создать важный узел по перевозке товаров в Северо-Восточную Азию. При этом стоит отметить, что в сочетании с южнокорейским портом Пусан, портами Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга образуется азиатская «дуга» эффективно связанных между собой портов, с которыми Россия сможет развивать сотрудничество, расширяя перевозки между соответствующими странами. Благодаря этому удастся достичь гармоничного комбинирования железнодорожных и морских сообщений в Евразии. С прокладкой трубопроводов объем перевозок нефти и другого химического сырья, очевидно, сократится, что снизит загруженность Транссиба и благоприятно повлияет на эффективность товарооборота.

Таким образом, перевозки грузов между Китаем, Россией и странами северо-восточной Азии могут быть расширены за счет морского, железнодорожного и автомобильного транспортного сообщения, способствуя их взаимовыгодности.

2. Расширять сотрудничество в сфере туризма между Китаем и Россией

Провинция Хэйлуцзян богата достопримечательностями и объектами региональной культуры, привлекательными и востребованными для россиян. При этом она располагает условиями для предоставления туристических услуг другим провинциям страны. Китай по посещаемости туристами из России — на втором месте среди стран мира, Россия — на третьем месте среди стран, посещаемых китайцами. Но численность

китайских туристов, посетивших Россию, составляет лишь одну треть от российских туристов в Китае. Причина этого состоит, на наш взгляд, в относительно высокой стоимости туристических путевок в России. Так, в некоторых ее регионах цена тура на человека в сутки может оказаться выше, чем в страны Евросоюза; а в приграничные Приморский или в Хабаровский края китайцу поехать — не дешевле, чем в Сеул.

С учетом этого, КНР и РФ совместно поддерживают и реализуют строительство свободных торговых зон, развивая такие услуги, как беспошлинный шопинг, что, безусловно, стимулирует китайско-российский коммерческий туризм.

У провинции Хэйлунцзян с Россией (особенно с ее Дальним Востоком и Сибирью) существует множество точек соприкосновения в повседневной жизни, культуре, традициях, истории населяющих их народов. Есть вероятность, что в процессе путешествия могут устанавливаться взаимовыгодные торговые связи, поскольку среди туристов часто встречаются предприниматели. Как говорится, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»: контакты, установленные в ходе туристических поездок, могут стать источником долговременного сотрудничества.

Желательно было бы посодействовать российским авиакомпаниям и турфирмам на разных уровнях, чтобы они, открывая свои филиалы в провинции Хэйлунцзян, старались приумножать количество ночных рейсов, а также международных и туристических чартерных рейсов. При поддержке правительства и предприятий двух стран следовало бы организовывать комплексные или специальные мероприятия: такие, как конференции, выставки по туристскому шопингу. Необходимо формировать стимулы для туристического обмена с таким расчетом, чтобы Россия стала первенствовать среди других стран мира по числу туристов, посещающих Китай, и чтобы Китай, в свою очередь, первенствовал в России.

Вспоминается, как в 2011 г. Камчатская область устроила в рамках Харбинской ярмарки экспозицию под девизом: «Десять причин посетить Камчатскую область». На стендах была представлена уникальная природа этого края. Известно, однако, как сложно бывает на практике добраться до восточную живописных мест. Не следовало ли бы позаботиться о разработке маршрутов по тематике экологического туризма?

В настоящее время международные рейсы связывают Харбин с десятью аэропортами России, но эти рейсы направлены в основном на города в ее восточной части. А ведь харбинский аэропорт принимает международные рейсы из городов Японии, Южной Кореи, других стран Восточной Азии, это обстоятельство могло бы послужить основой для международного сотрудничества в туризме.

Погранично-пропускные пункты провинции Хэйлунцзян играют важную роль в туристических связях между Китаем и Россией. Согласно имеющимся данным, около 57% россиян въезжают в Китай через пограничные пункты провинции Хэйлунцзян, после чего либо останавливаются в ней, либо следуют в другие города Китая. Но лишь 50% китайцев (включая туристов, коммерсантов, рабочих и т.д.) выезжают в Россию через пограничные пункты нашей провинции...

Хочется выразить надежду, что взаимный китайско-российский обмен в сфере туризма будет и далее расти, опираясь на сотрудничество авиакомпаний, аэропортов, туристических фирм.

3. Наладить сотрудничество Китая и России в электронной торговле

С развитием современных социальных сетей и электронной торговли возникла еще одна сфера, заслуживающая внимания обеих наших сторон. В феврале 2013 г. председатель правления компании по интернет-торговле «Alibaba» Ма Юнь отметил, выступая в Харбине, что многие российские друзья часто делают покупки в интернет-сети Таобао. Он выразил в связи с этим желание сотрудничать с предприятиями провинции

цин Хэйлунцзян, чтобы российским клиентам товары доставлялись как можно быстрее. Раньше объем товаров, проданных в Россию через интернет-магазин Ali Baba, оценивался в полтора-два миллиона долларов в день, а к маю 2013 г. сумма продаж уже выросла до 4 млн долл.

В Китае уже не только в таких мегаполисах, как Пекин, Шанхай, Шэньдзэнь, Гоуанчжоу, но и в Харбине, являющемся провинциальным центром, незаметно протекает процесс изменения модели торговли. Популярные в прошлом универмаги, как например, пекинский «Тайпинъян» или шанхайский «универмаг № 1» на улице Хуэхайлу, не выдерживают конкуренции с интернет-магазинами.

Ныне в Китае меняются общественные привычки и тенденции: кто-то, случается, уже подшучивает над коллегой или приятелем как над отставшим от жизни чудачком, если он покупает в «обычном» магазине: ведь электронная торговля стала удобней и выгодней. Так, при покупке товара через интернет вы можете сэкономить 50–70% по сравнению с покупкой его аналога в обычном магазине.

Думается, что специалистам из России и Китая было бы целесообразно всерьез изучить вопрос: как развить региональное сотрудничество в электронной торговле наших стран, а также со странами Северо-Восточной Азии. Такая форма торговли позволит снизить цену товаров, поднять эффективность торговли и логистики, сократить цепочку «производитель — потребитель», снизить издержки за хранение товаров.

В 2009 г. Министерством торговли КНР было одобрено решение провинции Хэйлунцзян о строительстве вычислительного центра. Решая проблемы обработки и хранения данных, используя мощности РОТАКС, Китай и Россия могут стать центрами международной электронной торговли, которые соединят Азию и Европу, эффективно содействуя развитию экономики и внешней торговли двух стран.

По прогнозам, в предстоящие два года внешнеторговый оборот КНР достигнет 4 трлн 800 млрд долл. а у России он превысит 1 трлн долл. Поэтому провинция Хэйлунцзян активно содействует государству в поддержке таких компаний как China Unicom, China Mobil, China Telecom. Ali Baba. Baidu, Tengxun и т.д., а также иностранных компаний Yandex, Beeline и проч. Представляя собой наиболее удобный и передовой вид купли-продажи товаров, электронная торговля сможет помочь удовлетворению потребностей в развитии торговли двух стран, расширит границы китайско-российской торговли на ближайшие годы. Надеемся, что российское правительство активно поддержит это предложение, и мы совместно создадим площадку двусторонней электронной торговли.

4. Крепить китайско-российское сотрудничество в комплектации электромеханического оборудования

Сотрудничество в комплектации электромеханического оборудования должно быть важной составляющей китайско-российской торговли. Академик М.Л. Титаренко на ряде совещаний неоднократно выражал пожелание относительно увеличения экспорта электромеханических изделий из России в Китай в качестве фактора повышения уровня нашей торговли. Я также предлагаю активизировать сотрудничество между российскими и китайскими предприятиями, а не только заниматься продажей китайских товаров на российском рынке и наоборот.

Необходимо, чтобы подлинно производственные (особенно, сверх-лимитные) предприятия, могли осуществлять взаимный обмен, предлагать друг другу участие в комплектации изделий. Так, экспорт многих электромеханических товаров из России в Китай осуществляется не в виде конечной продукции, а как комплектующие изделия и запчасти. На российском рынке — аналогичная ситуация в импорте китайских товаров. Это взаимовыгодный вариант для обеих сторон. Скажем, на китайском предприятии из-

готовливается двигатель, в котором некоторые узлы по качеству хуже изготавливаемых на российском предприятии. Так, российская компания «ВИМ-АВИА» поставляет комплектующие из титановых сплавов крупнейшим мировым производителям самолетов Boeing и Airbus (кстати, те нуждаются также и в узлах китайского производства). Если такое сотрудничество будет и далее развиваться, то тем самым повысится доля поставки российских электромеханических изделий в Китай.

При производстве разнообразных электронных изделий российские предприятия, возможно, также нуждаются в поставках каких-либо комплектующих изделий из Китая. Так, в настоящее время в России бурно развивается выпуск станков с ЧПУ. Россия обладает очень хорошей базой станкостроения, развитие многих основных станкостроительных предприятий Китая начиналось с помощью советских специалистов. Но микроэлектроника являющаяся ядром для современных станков, не является ныне российским преимуществом, тогда как некоторые китайские предприятия способны создавать компьютеризованные системы управления. И если оба эти преимущества (российскую станкостроительную базу и китайскую микроэлектронику) соединить, то станет возможным успешно конкурировать на международном рынке.

Такое сотрудничество выгодно для обеих сторон: китайские предприятия могут повысить количество закупок ключевых комплектующих изделий у российских предприятий, и российские предприятия тем самым расширят рынок сбыта. Преимущество китайских товаров состоит в их цене на мировом рынке, что препятствует проникновению на китайский рынок аналогичных российских изделий. Совместные усилия по налаживанию кооперирования в производстве комплектующих изделий будут способствовать расширению сфер китайско-российского сотрудничества.

Провинция Хэйлунцзян стремится к укреплению китайско-российских отношений и расширению сотрудничества в областях экономики, торговли, культуры и туризма.

Теория и методология

Дискуссии о «контролируемой экономике» в республиканском Китае (1930-е – 1940-е гг.)

© 2013

О. Борох

Концепция «контролируемой экономики» обрела популярность в республиканском Китае благодаря изучению зарубежного опыта и постановке задач ускоренного развития промышленности в целях укрепления обороноспособности страны. Углубление понимания специфики китайской экономики и расширение влияния либеральных идей привело ученых к признанию важности рыночных механизмов и поддержке смешанной экономики. Многие аспекты экономических дискуссий 1930–1940-х гг. близки к спорам современных китайских исследователей.

Ключевые слова: экономическая мысль, государственное вмешательство, Го-миньдан, либерализм, Ма Иньчу, Тан Цинцзэн.

Современные попытки китайских исследователей осмыслить уроки мирового экономического кризиса 2008–2012 гг. и найти способы ослабить его воздействие на экономику страны имеют исторический прецедент. Сходные проблемы китайские ученые обсуждали в 1930-е гг. на фоне «великой депрессии» на Западе. В то время ключевой темой стал государственный контроль над экономикой, дискуссия продолжалась почти два десятилетия и завершилась вместе с образованием КНР в 1949 г. Главное место в ходе обсуждения занимали вопросы о том, какая модель экономики нужна Китаю – свободная или контролируемая: если контроль необходим, то какими пределами он должен быть ограничен. Ученые также спорили о том, требуется ли Китаю «контролируемая экономика» после завершения Второй мировой войны.

Наиболее представительные китайские исследователи республиканской эпохи получили профессиональное образование в 1920-е гг. в ведущих западных университетах. Во время учебы они знакомились, прежде всего, с идеями либерализма и свободной конкуренции, не предполагающими прямого вмешательства государства в экономику. Разочарованию в англо-американской модели свободной экономики способствовала «великая депрессия». Другим существенным фактором стало военно-политическое давление со стороны Японии и осознание того, что китайская экономика должна быть готова к вооруженному конфликту.

В начале 1930-х гг. идеи контроля и планирования обрели в Китае огромную популярность и стали главной темой исследований китайских экономистов. Непосредственного участия в дискуссии о «контролируемой экономике» марксисты не принимали. Тем не менее, тогда уже были доступны в переводе на китайский язык советские труды по политэкономии, появились и экономические публикации китайских марксистов.

Основную роль в обсуждении играли влиятельные китайские экономисты, получившие образование в США. В начале 1930-х гг. они выступили в поддержку государственного вмешательства. Созданное в 1923 г. выпускниками американских университетов Китайское экономическое общество превратилось в центр по изучению и продвижению идей «контролируемой экономики»¹. Дискуссии шли на страницах ведущих общественно-политических и экономических изданий того времени – «Дунфан цзачжи», «Дули пинлунь», «Иньхан чжоубао», «Цзинцзисюэ цзикань», «Шэньбао юзкань», «Цзинцизи цзяньшэ цзикань», «Синь цзинцизи». Многие члены Китайского экономического общества публиковали свои размышления о «контролируемой экономике» на страницах издаваемого им научного журнала «Цзинцзисюэ цзикань».

Цель данной статьи — анализ эволюции взглядов китайских экономистов на проблемы контролируемой и плановой экономики, включая их оценки зарубежных теорий и практического опыта других стран. История китайской экономической мысли этого периода остается малоизученной за пределами Китая, единственной специализированной публикацией является книга П. Трескотта². Дискуссии соприкасались с официальным дискурсом и испытывали на себе его влияние, вместе с тем, подробное рассмотрение экономической политики Гоминьдана не входит в задачи статьи. Эти вопросы подробно освещены в публикациях А.В. Меликсетова, Г.Д. Сухарчука, В.М. Штейна, В.А. Козырева, Л.И. Мадьяра, Т. Роски и др.³

Формирование течения «контролируемой экономики» в начале 1930-х гг.

Появление течения «контролируемой экономики» (*тунчжэ цзинцизи*) китайские авторы относят к осени 1932 г., когда это понятие впервые появилось в периодике в качестве программного лозунга.

В 1933 г. идея «контролируемой экономики» была воспринята гоминьдановскими властями. Летом 1933 г. глава Исполнительного юаня, министр финансов Сун Цывэнь участвовал в Мировой экономической конференции в Лондоне. Он посетил ряд зарубежных стран и после возвращения на родину рекомендовал копировать их опыт и проводить в жизнь «контролируемую экономику». Эти предложения нашли поддержку среди предпринимателей, в экономической науке они стали главенствующими.

В 1934 г. Китайское экономическое общество провело ежегодную конференцию на тему создания в Китае «контролируемой экономики»⁴.

Первоначально участники дискуссии не имели четкого представления о том, что такое «контролируемая экономика», ее считали синонимом «плановой экономики». В октябре 1933 г. один из самых известных китайских экономистов XX в. Ма Иньчу, получивший докторскую степень в Колумбийском университете, заявил, что «контролируемая экономика также называется плановой экономикой (*planned economy*), она происходит из советского пятилетнего плана, успехи которого значительны». По мнению ученого, «контролируемая экономика» не означает обязательного следования по пути СССР, поскольку Германия и Италия с помощью иных средств также добились успехов в спасении своих экономик от депрессии. Ма Иньчу отмечал: «Кроме политики контроля и действий по плану другого пути нет. Только значение контроля бывает широким и узким – широким как в Советской России, узким как в Англии и США. Китай не должен мечтать

о российской системе... Следует знать, что советская система слишком крайняя, англо-американскую систему, не попробовав, также нельзя копировать»⁵.

Летом 1934 г. Чжан Суминь, получивший степень доктора экономики в университете Пенсильвании, предложил свою трактовку. Он полагал, что исходной концепцией является контролируемая, а не плановая экономика. «Контролируемая экономика» может быть реализована в широком или в узком смысле. Первый вариант применяется во многих капиталистических странах, второй («узкий») появился в ходе реализации советского опыта пятилетнего планирования⁶.

Тезис о фундаментальном различии между плановой и контролируемой экономикой развил в 1935 г. профессор университетов Дася и Гуанхуа Чжу Цинлай, обучавшийся в Японии в конце эпохи Цин. Он исходил из разграничения контроля (*тунчжи*) и управления (*гуанли*). «Контроль» признает свободу отдельных элементов социально-экономической структуры, которым в определенных рамках разрешается действовать по собственному усмотрению. Контроль возможен и в свободной экономике, он призван обеспечить включение частных предприятий в новую организацию экономики, побудить их откликаться на политику государства. «Управление» означает, что решения, касающиеся всего общества и его отдельных частей, принимаются в соответствии с идеями правительства. Если такие методы распространяются на всю экономику и управление ведется центральными органами, где концентрируется власть – это плановая экономика. Чжу Цинлай заключил, что «контролируемая экономика» лишь ограничивает свободную конкуренцию, в то время как плановая ее уничтожает⁷.

Примерно за полтора года китайские экономисты прошли путь от смешения плана и контроля к осмысленному разделению этих понятий с учетом различий в структуре собственности и политической организации общества в разных странах. В 1934–1935 гг. они начали различать плановую и «контролируемую» экономику. Это нашло отражение в уточнении используемой терминологии: «плановую экономику» (*цзихуа цзинцзи*) стали относить к советской системе с полностью государственной собственностью, а «контролируемую экономику» (*тунчжи цзинцзи*) – к капиталистическим странам с частной собственностью.

Споры об осуществимости «контролируемой экономики» в китайских условиях

На начальном этапе дискуссии о перспективах «контролируемой экономики» возник вопрос о том, в какой очередности следует решать проблемы Китая.

Известный ученый, философ и общественный деятель Дин Вэньцзян, принимавший активное участие в мировоззренческих дискуссиях 1920-х гг., заявил, что в Китае невозможно адекватным образом применить иностранные учения, поскольку для этого нет надлежащих условий. Это относится и к «контролируемой экономике». Прежде всего, в Китае нет по-настоящему единого правительства. Это может быть допустимо в условиях либеральной экономики, но при попытке введения контроля в Китае власти не смогут проводить единую политику, и тогда единая в прошлом экономика будет разрушена. Во-вторых, для обеспечения всеобщности экономического контроля нужно вернуть оказавшиеся в руках иностранцев концессии и отменить ограничивающие суверенитет страны неравноправные договоры с зарубежными державами. В-третьих, нужно провести полную модернизацию административной системы, обеспечить отбор честных чиновников через экзамены, дать им достойное материальное содержание, повысить эффективность системы. По мнению Дин Вэньцзяна, коррупция и негибкость власти наносят свободной экономике сравнительно небольшой и косвенный ущерб, но при введении «контролируемой экономики» приведут к нарушению баланса спроса и предложения, другим негативным последствиям⁸.

Типичные ответы на эти доводы представил Ло Дуньвэй – автор публикаций о контролируемой и военной экономике, занимавший административные посты в министерстве промышленности гоминьдановского правительства. Он заявил, что Дин Вэньцзян, как и другие представители старшего поколения китайских интеллектуалов, не разобрался в том, что такое «контролируемая экономика», к тому же он вообще не обладает специальными экономическими знаниями.

Ученый перечислил три основных возражения Дин Вэньцзяна против планов строительства национальной экономики – тот утверждал, что сначала нужно преобразовать общество, добиться политического единства, избавиться от империалистического гнета. По мнению Ло Дуньвэя, на первый взгляд эти доводы кажутся правильными, однако здесь перепутаны причина и следствие. «Все видят только, что крах экономики нашей страны связан с проблемами в обществе, отсутствием единства в политике и гнетом империализма, но не задумываются, почему существуют проблемы в обществе, отсутствует единство в политике, почему нас угнетают империалистические страны. А это происходит как раз потому, что у национальной экономики нет основы»⁹.

Ло Дуньвэй отмечал, что «бес метафизики» (*сяоаньсюэ гуи*) тысячелетиями заставлял китайцев мечтать об идеальном обществе и тратить силы на достижение политического единства. Напомним, что во время дискуссий 1920-х гг. обличителем «беса метафизики» был Дин Вэньцзян, выступавший против попыток выдать мистический интуитивизм за квинтэссенцию китайской культуры и отбросить западное научное мировоззрение. С точки зрения Ло Дуньвэя, именно «бес метафизики» заставлял китайскую молодежь и людей с революционными настроениями мечтать о движении за свержение империализма. «Однако развитие эпохи и актуальность кризиса не позволяют нам вновь упорствовать в своих заблуждениях. Мы должны глубоко уяснить, что в основе всего лежит «вопрос народного благосостояния»»¹⁰.

По мнению Ло Дуньвэя, политическая революция не решит проблемы народного благосостояния, о чем свидетельствует крах экономической политики, которую проводили в России после 1917 г. до введения нэпа. Для выхода из чрезвычайной ситуации Китаю необходимы «чрезвычайная точка зрения» и «чрезвычайные действия», поэтому все усилия нужно сосредоточить на экономическом строительстве. «Оказавшимся в бурном море на разбитом судне нужно думать о том, как привести в порядок судно, чтобы оно могло справиться с волнами, а не о том, как уничтожить грозящую судну бурю»¹¹. В качестве первого шага он призвал к концентрации производства, отказу от всех ненужных проектов, сосредоточению трудовых и финансовых ресурсов для строительства национальной экономики. Эти высказывания отразили позицию близких к власти экспертов на проблемы «контролируемой экономики».

Сплочение власти, интеллектуалов и предпринимателей вокруг идеи «контролируемой экономики» привело к тому, что экономические споры первой половины 1930-х гг. вели люди, занимавшие сходные или очень близкие позиции. Критических выступлений практически не было, поскольку сторонников либерализма тогда в Китае было крайне мало, а марксисты в дискуссии вообще не участвовали. Современный исследователь Сунь Дацюань отметил, что отсутствие прямой полемики между представителями разных течений было специфической особенностью китайской экономической науки 1930-х гг.¹² Сторонники полного копирования западной либеральной или советской модели не оказывали прямого воздействия на ход обсуждения. Творческий поиск путей адаптации зарубежных экономических моделей и знаний к условиям Китая осуществляли представители основного течения китайской экономической мысли, занимавшие в этот период центристские государственно-экономические позиции.

Теоретические истоки и внешние примеры: становление идеологии «контролируемой экономики» в Китае в середине 1930-х гг.

Уже в начале 1930-х гг. китайские исследователи указывали на ограниченность применения зарубежного опыта контроля над экономикой. Ма Иньчу перечислил препятствия, не позволяющие Китаю заимствовать советскую плановую экономику. Прежде всего, в двух странах различные идеологии – «измы». СССР придерживается коммунистического учения Маркса, там государство владеет средствами производства и распределяет прибавочный продукт. В Китае следуют «трем народным принципам», и отношение к средствам производства и производимой продукции иное, чем в СССР. Отсутствие частной собственности сдерживает частную инициативу, поэтому в СССР преобразование многих производств опирается на коллективную инициативу. Однако в Китае основой является система частной собственности, для развития национального капитала необходима поддержка индивидуальной инициативы. Помимо этого, в СССР внешняя торговля давно находится в руках государства, что при всем желании невозможно повторить в Китае. Для осуществления контроля в этой сфере в Китае нет ни сильного правительства, ни честных чиновников, которые были бы способны отказаться от иностранных приманок¹³.

Расширение интереса к контролируемой экономике среди китайских экономистов сопровождалось ростом критики в адрес свободной конкуренции, служившей основой либеральной модели капитализма. Альтернативой индивидуализму становились идеи этатизма (*гоцзячжун*) и универсализма (*цюаньтичжун*), развитые в немецкой экономической мысли. Обращение к этим идеям происходило на фоне подъема общего интереса к опыту создания «контролируемой экономики» в Германии.

Одним из главных пропагандистов универсализма был Ма Иньчу, который видел в этом учении основу для создания в Китае контролируемой экономики. Ма Иньчу исходил из того, что англо-американский либеральный капитализм и советский социализм не соответствуют китайским условиям, наилучшей теорией для Китая он считал универсализм, изложенный австрийским экономистом и социологом Отмаром Шпанном.

Китайский ученый полагал, что движение Китая в сторону индивидуализма и либерализма опасно. В этом случае структура нации будет подобна «рыхлому песку», на фоне роста национализма и сплоченности в других странах это может привести Китай к «поражению в естественном отборе». С другой стороны, движение по пути социализма возлагает на руководство страны полноту ответственности за развитие экономики. В этом случае правительство должно обладать высокими моральными качествами, огромными талантами и крепко держать в руках власть. Однако у китайского правительства «на протяжении тысячелетий накопились закоренелые пороки, бюрократы работали кое-как, военные самоуправствовали»¹⁴.

Китайские ученые отмечали, что создаваемая в Китае экономическая система не имеет отношения к идеологии коммунизма. Обращение к опыту Германии 1930-х гг. и универсалистским идеям немецких экономистов также не означало, что китайских экономистов привлекал фашизм. Это было стремление обосновать ссылками на зарубежные взгляды собственную попытку создания концепции «контролируемой экономики», не опирающейся на советский марксизм. Чаще всего в китайских публикациях на тему «контролируемой экономики» можно было видеть ссылки на заветы Сунь Ятсена, его план индустриализации Китая и гоминьдановскую идеологию «трех народных принципов». К примеру, Чэнь Чанхэн, получивший образование в Гарвардском университете, с 1928 г. член Законодательного юаня Национального правительства, полагал, что экономическая теория «контролируемой экономики» ранее уже была четко изложена Сунь Ятсеном¹⁵.

Другие авторы стремились представить более широкую палитру идейно-теоретических источников политики государственного вмешательства. Среди китайских сторонников «контролируемой экономики» был популярен американский ученый Дж.М. Кларк, который в книге «Общественный контроль над экономикой» (1926) раньше других объяснил, что общество с помощью политической власти и деловых ассоциаций должно контролировать ориентированный на извлечение прибыли частный бизнес. Также упоминали о советской концепции плановой экономики и о вкладе в разработку теории «контролируемой экономики» основателя немецкой исторической школы Ф. Листа¹⁶.

В первой половине 1930-х гг. интерес китайских исследователей к антикризисной политике США был незначительным. Авторитетный специалист по истории экономической мысли республиканского Китая Сунь Дацюань отмечает, что при обсуждении «контролируемой экономики» китайские авторы очень редко упоминали кейнсианскую теорию¹⁷. Поскольку Дж.М. Кейнс считался в Китае специалистом в области денег и финансов, его теория государственного вмешательства имела мало отношения к подъему китайской «контролируемой экономики», лишь его теория управления денежной эмиссией оказала влияние на китайский контроль в денежной сфере¹⁸. Китайские эксперты возлагали надежды на прямое вмешательство государства в экономику с помощью советских или германских методов, а не на американское регулирование, опиравшееся на теорию полной занятости Кейнса и «новый курс» Рузвельта.

Недоверие к либеральной экономике невмешательства подкреплялось в 1930-е гг. осознанием того, что она не может дать Китаю пример быстрого преодоления экономической отсталости и создания военного потенциала для противостояния внешнему врагу.

Тем временем внимание к достижениям советской экономики вышло далеко за рамки коммунистического движения, охватив многих представителей интеллигенции. В начальный период войны с Японией эта тенденция усилилась. Основой для восхищения советской и немецкой моделями была их способность обеспечить быстрый переход от отсталости к передовому техническому уровню.

По мнению современного исследователя Янь Шуциня, интеллектуалы и представители истеблишмента «никогда не признавали всего социалистического строя СССР, направляемого марксизмом-ленинизмом, точно также они не признавали фашистского политического строя в Германии». В отношении обеих стран интерес был ограничен успехами в области индустриализации и развития военной промышленности. Стимулом для пропаганды опыта СССР и Германии служило желание «во-первых, ускорить оборонное строительство, во-вторых, скорее добиться, чтобы Китай догнал передовые промышленные страны»¹⁹.

Гоминьдановские чиновники и выступавшие на стороне властей исследователи стремились расширить свои познания о зарубежной практике экономического планирования. В 1937 г. министр экономики Вэн Вэньхао и секретарь Министерства экономики, известный исследователь социально-экономических проблем Китая У Цзинчао побывали в Европе и ознакомились с опытом Германии и СССР, что стало для них дополнительным стимулом к поиску путей повышения обороноспособности Китая с помощью экономического планирования.

По мнению Сунь Дацюаня, знакомство с советским и германским опытом повлияло на формирования стратегии «догоняющей индустриализации» Вэн Вэньхао. Он призывал обеспечить высокие темпы индустриализации, полагая, что отсталый Китай также может за десять лет превратиться в современное государство. Вэн Вэньхао полагал, что к трем системам – англо-американской, немецкой и советской — надо подходить избирательно, создавая в Китае контролируемую смешанную экономическую систему. По мнению Вэн Вэньхао, при англо-американской системе экономическое строительство слишком медленное, в СССР оно ведется быстро, однако при движении по этому пути

нало уничтожать систему частной собственности. В Германии темпы строительства быстрые, в то же время сохраняется частная собственность, поэтому Вэн Вэньхао более всего симпатизировал немецкой модели контроля²⁰.

Особенностью советской модели было ускоренное развитие тяжелой промышленности за счет ограничения потребления. Однако в начальный период войны китайские эксперты были готовы согласиться с такой политикой. После посещения СССР и Германии У Цзинчао пришел к выводу, что укрепление обороноспособности важнее, чем улучшение жизни народа. Он отмечал, что у жителей Сибири может не быть обуви или чулок, но советские самолеты из Москвы через Северный полюс летят в Сан-Франциско; в Москве не хватает домов для жилья, но в день парада на Красной площади можно увидеть множество танков²¹.

В конце 1930-х гг. китайские интеллектуалы поддерживали политику государственного вмешательства в экономику, призывая к изучению опыта СССР и Германии. С точки зрения применимости немецкий опыт был более предпочтительным, поскольку не требовал полного перехода к государственной собственности и мог быть использован в условиях смешанной экономики. Это отразилось и в более четком использовании терминологии китайскими авторами: экономику СССР они называли плановой, а экономику Германии – контролируемой. В первом случае основой служили государственные и коллективные предприятия, во втором – частные. Вместе с тем восприятие Германии как военно-политического союзника Японии привело к тому, что в период войны китайские эксперты стали реже хвалить немецкий опыт. Напротив, сохранению высокой степени интереса к советской плановой модели, при всех ее недостатках, способствовало позитивное отношение к СССР как к союзнику Китая в борьбе с японской агрессией.

Либеральная критика «контролируемой экономики»:

Гу Ицунь и Тан Цинцзэн

Увлечение лозунгами экономического контроля и планирования в республиканском Китае отчасти можно объяснить тем, что идеи рыночного либерализма были для китайских интеллектуалов новыми и непривычными. Ознакомление с западной экономической мыслью началось в Китае в 1902 г. с публикации перевода классической работы Адама Смита, выполненного известным мыслителем Янь Фу. «Богатство народов» пропагандировало принципы свободной экономики, однако они не были восприняты образованными китайцами.

Исследователь китайской экономической мысли Чжун Сянцай заметил, что «из-за влияния традиционных концепций и особых исторических условий китайцы сдержано относились к признанию экономической свободы»²². У такого отношения были две основные причины. Во-первых, влияние традиционных представлений о важной роли государства в организации общественной и хозяйственной жизни, ставшее привычкой пренебрежение к торговле. Оказывали воздействие и моральные нормы конфуцианства, ставившие на первое место «долг-справедливость» (*и*) и порицавшие стремление к частной выгоде (*ли*). Во-вторых, идеи либерализма пришли в Китай в период социальных перемен, когда власть государства была ослаблена, а страна была подчинена диктату иностранных держав. Лишь немногие мыслители полагали, что Китай станет сильнее и богаче, если откроет двери для неограниченной конкуренции с иностранными капиталистами. Идеи централизации власти, государственного руководства экономическим развитием и внешнеторгового протекционизма казались наиболее соответствующими ситуации.

В 1930-е гг. на фоне широкого распространения идеологии «контролируемой экономики» лишь отдельные исследователи высказывались в пользу экономической свободы.

Одним из сторонников свободной экономики был Гу Ицюнь. В 1920-е гг. он изучал экономику в США, в 1924 г. вернулся в Китай, в 1936 г. занимал должность советника Исполнительного юаня, работал в банковской сфере, участвовал в Бреттон-Вудской международной конференции, в 1946 г. был назначен на работу в МВФ. В середине 1930-х гг. Гу Ицюнь выступил с критикой плановой экономики советского образца, используя идеи ведущих западных либеральных экономистов – Л. фон Мизеса, голландского экономиста Н.Г. Пирсона, Ф. фон Хайека. Гу Ицюнь подчеркивал, что только рынок способен эффективно распределить ресурсы. В статье «Экономическая мысль и преобразование общества», опубликованной в августе 1935 г., ученый предложил три критерия оценки экономической системы. Способна ли она обеспечить рациональное и сбалансированное увеличение накопления капитала? Может ли регулировать изменения конъюнктуры, не нанося ущерба духовной и материальной жизни народа? Может ли обеспечить справедливое распределение доходов всего населения, чтобы каждый обладал покупательной способностью, позволяющей вести подобающую жизнь? Исследователь пришел к выводу, что по этим трем критериям плановая экономика советской модели уступает свободной экономике²³.

Гу Ицюнь указывал, что растущие и все более многообразные потребности людей не поддаются плановому регулированию. Желая продемонстрировать несостоятельность советской модели, он стремился доказать, что при ее осуществлении в мировом масштабе ориентиры для определения эффективности производства будут полностью утрачены. «В нашем мире свобода потребления – самое ценное. У богатых есть свобода смотреть спектакли и ездить на автомобиле, у бедных – свобода заниматься бродяжным промыслом и пить водку. Как только в кармане появляются деньги, у любого человека возникают несколько тысяч или десятков тысяч способов их потратить. Поговорим о потребностях одного человека в определенном товаре, а не о том, подходящая ли цена данного товара. Люди, которые обычно покупают пачку табака за двадцать медных монет, при повышении цены за пачку до ста медных монет могут отказаться от курения табака и купить газету для чтения. Те, кто выступают за плановую экономику, мечтают, как инженеры в комнате для чертежей, спланировать и определить постоянно изменяющиеся привычки потребления людей. Разрешите спросить, может ли это иметь успех? Сейчас только в Советской России проводится плановая экономика, хотя в данной стране нет свободного рынка, но там по-прежнему может использоваться рынок стран капиталистической системы в качестве критерия оценки собственного производства. Если предположить, что осуществится идеал сторонников плановой экономики, и весь мир будет проводить эту систему, то будет полностью утерян критерий для оценки. Откуда американцы будут знать, что им не следует поощрять выращивание тунговых деревьев, а китайцы – что им не следует производить автомобили? Разрешите спросить, не является ли такое производство производством вслепую?»²⁴.

Другим защитником либерализма стал известный исследователь истории китайской экономической мысли Тан Цинцэн. В 1933 г. он принял участие дискуссии о модернизации Китая, организованной журналом «Шэньбао южань». В специальном выпуске издания среди 26-ти статей на эту тему лишь его публикация «Модернизация китайского производства должна использовать индивидуализм» призывала двигаться в направлении свободной капиталистической экономики²⁵.

Тан Цинцэн не отрицал социализм как таковой, полагая, что он подходит для стран, где главной проблемой является неравенство бедных и богатых. По мнению ученого, социализм обращает внимание на распределение, однако в Китае на первом месте находится проблема развития производства. Важно не перепутать последовательность решения этих задач. В отсталых странах, к которым относится Китай, следует начинать с поиска методов увеличения богатства. Для этого лучше всего подходит индивидуализм, который лежит в основе частного капитализма. Позднее, когда появится богатство и по-

степенно образуется неравенство в распределении, государство будет искать способы регулирования этого дисбаланса, в том числе используя методы социализма.

В 1936 г. в статье «С точки зрения истории посмотрим, какую впоследствии в нашей стране следует проводить экономическую политику» Тан Цинцзэн обосновал необходимость либеральной экономики с опорой на историю экономической мысли.

Ученый считал, что экономическая политика является продуктом истории, поэтому при ее разработке необходимо принимать во внимание наследие общественных деятелей прошлого, начинания которых в экономической сфере имели успех. В качестве примеров из западной истории ученый назвал британских политиков У. Питта и У. Гладстона, в Китае значимую роль сыграли Чжоу-гун (11 в. до н.э.), Шан Ян, Ван Аньши и др. Тан Цинцзэн подчеркивал, что при попытках заимствования зарубежного экономического опыта следует учитывать национальную специфику, особенности социально-культурной среды и привычек людей. «Когда мандариновое дерево пересаживают на другой берег реки Хуайхэ, сладкие плоды превращаются в кислые, когда воробей [осенью] входит в воду, он превращается в лягушку. Если полностью копировать политику разных стран Запада и проводить ее, это неизбежно приведет к неполной совместимости [с китайской ситуацией], поэтому старую политику нельзя не изучать. Старые институты продолжают сохраняться до наших дней, это означает, что они обладают ценностью, которая придает им устойчивость, к тому же история Китая длинная, традиции и привычки нельзя сразу разрушить. Поэтому нельзя не принимать постепенных мер по их обновлению, чтобы, с одной стороны, можно было приспособиться к новой среде, а с другой – не подвергнуться старым привычкам, тогда жизнь национальной экономики постепенно войдет в нормальную колею»²⁶.

Акцент на истории и традиционных институтах выделялся на фоне общих настроений китайских интеллектуалов того времени, стремившихся порвать с прошлым и найти за границей новые духовные источники для развития страны. Тан Цинцзэн был известным историком китайской экономической мысли и автором одной из первых в Китае специализированных научных монографий на эту тему²⁷. Глубина исторических познаний повышает весомость его трактовки традиционной экономической политики. Если Ма Иньчу и другие сторонники «контролируемой экономики» утверждали, что Китаю всегда было присуще жесткое государственное регулирование экономической жизни²⁸, Тан Цинцзэн сосредоточил внимание на исторических корнях свободной экономики.

Ученый заявил, что исторически экономическая политика в Китае склонялась к невмешательству государства в экономику: люди соперничали друг с другом в борьбе за извлечение прибыли, но государство их соперником не было. В прошлом успехи казенных предприятий всегда были небольшими, а частные предприятия даже в неблагоприятной обстановке могли поддерживать свое существование. Шан Ян, Ван Ман, Ван Аньши и им подобные терпели поражение, когда пытались проводить политику вмешательства. Напротив, Чжоу-гун, Лю Янь (716–780 г. н.э., династия Тан), Лу Чжи (754–805 г. н.э., сановник и ученый эпохи Тан) и другие добились успеха благодаря политике невмешательства²⁹.

Тан Цинцзэн уделил особое внимание тем концепциям традиционной китайской экономической мысли, которые он считал неприменимыми в современных условиях. Прежде всего, это идея равного распределения богатства (*цзюнь фэ*), длительная находившаяся в центре китайской экономической политики. Конфуций говорил: «Я слышал, что те, кто управляют государством или большим родом, озабочены не тем, что [богатств] недостаточно, а тем, что распределены они неравномерно; озабочены не тем, что народ малочислен, а тем, что [в стране] неспокойно»³⁰. Предполагалось, что после равномерного распределения богатства люди смогут жить спокойно. По мнению Тан Цинцзэна, такие представления вели к тому, что в Китае «ожеланий было мало, пропагандировалось стремление к экономии, материальные требования были крайне низкими,

поэтому при проведении экономической политики правителям требовалось лишь поддерживать равенство в распределении имущества, и тогда можно было пребывать в мире»³¹. Ученый отметил, что в прошлом такая политика имела определенную ценность, но сегодня, когда «народ беден и богатство истощено», нет смысла ее придерживаться. Он вновь подчеркнул, что в реализации экономической политики есть последовательность действий. Новый экономический курс в Китае призван поддерживать производство с помощью создания условий для накопления капитала: сначала страна должна разбогатеть, и лишь после этого государству следует позаботиться о перераспределении богатства с помощью налогообложения.

Не соответствует современным условиям и традиционная политика экономической самодостаточности (*цзы цзу*), ставшая препятствием для прогресса. С точки зрения Тан Цинцзэна, в нынешней мировой экономической ситуации использовать методы самообеспечения и сохранять закрытость становится невозможно, попытки отгородиться от мира обречены. Китаю нужно действовать вместе с державами, устанавливать связи и находить общие интересы, нельзя противостоять течению эпохи, следует получать выгоду от международного разделения труда³².

Сунь Дацюань заметил, что влияние Гу Ицюня в республиканском Китае было больше, чем у Тан Цинцзэна. На формирование либеральной позиции Гу Ицюня повлияла поездка в Европу и США в 1934–1935 гг. Он изучал денежные системы иностранных государств, встречался с ведущими западными экономистами того времени, в том числе, Ф. фон Хайеком, после чего стал пропагандировать либерализм. Взгляды Тан Цинцзэна были устоявшимися, они отражали либеральные представления об экономике, которые экономист получил во время обучения в Гарвардском университете, где одним из его учителей был Ф.У. Тауссиг³³.

Выступления Гу Ицюня и Тан Цинцзэна представляют интерес прежде всего потому, что их критика государственного вмешательства в экономику была последовательной и основанной на либеральной теории. Они почти на десятилетие опередили своих современников, которые в 1930-е гг. поддерживали идею «контролируемой экономики». В начале 1940-х гг. многие ведущие экономисты, первоначально выступавшие за контроль со стороны государства, разочаровались в этой политике, осознав неспособность гоминьдановского правительства взять на себя руководство экономическим развитием. В качестве примера подобной эволюции можно указать на Ма Иньчу, который в середине 1930-х гг. вступал против индивидуализма в экономике, а во второй половине 1940-х гг. утверждал, что эпоха свободного капитализма в Китае не только не закончилась, но даже и не наступила³⁴.

К числу последовательных сторонников либеральных экономических идей относился также Цзян Шоцзе, получивший докторскую степень в Лондонской школе экономики. Ученый утверждал, что плановая экономика плоха тем, что она дает правительству слишком большие права, которыми власть будет злоупотреблять³⁵.

Однако с критикой авторитаризма, коррупции и «бюрократического капитализма» в республиканском Китае выступали не только либералы, но и левые политические силы. Победителями в этом споре стали коммунисты, приступившие в 1950-е гг. к созданию плановой экономики под руководством сильной централизованной власти.

Чжун Сянцай отметил, что в 1930-е – 1940-е гг. сторонники либеральной экономики были «изолированы и лишены всяческой поддержки», и их взгляды не повлияли на экономическую политику тех лет. Однако «проведенное ими ценное осмысление командной экономики стало важным идейным ресурсом для последующей трансформации китайской экономики, в более широком смысле, они сыграли необходимую стимулирующую роль в продолжении и развитии идей свободной экономики в Китае»³⁶.

Это стало заметно лишь в годы реформ, когда многие положения экономических преобразований оказались близки идеям китайских либералов 1930-х – 1940-х гг. К при-

меру, можно увидеть сходство между призывами Тан Цинцзэна поставить на первое место накопление капитала и политикой начального периода реформ, призывавшей наиболее деятельных членов общества «обогатиться первыми», заменяя уравнительную справедливость созданием мотивации для извлечения прибыли. Это же относится к его аргументации в пользу экономического сотрудничества с внешним миром. По-прежнему остается актуальной высказанная Гу Ицюнем критика идей торгового протекционизма и экономической самодостаточности. Взгляды китайских либеральных экономистов, выглядевшие несвоевременными в 1930-е гг., оказались созвучны лозунгу «открытости», выдвинутому в период экономических реформ в конце 1970-х гг.

Критическое переосмысление «контролируемой» экономики в 1940-е гг.

В 1940-е гг. в китайском экономическом сообществе влияние идеологии государственного контроля заметно ослабло. Среди многих причин этой перемены можно отметить подъем интереса к экономической политике США, сумевших преодолеть «великую депрессию». Не менее важным стимулом стало стремление сформулировать всеобъемлющую стратегию послевоенного развития китайской экономики, предполагающую широкое использование частного предпринимательства.

В китайских научных кругах возникла новая понятийная среда для обсуждения. В начале 1930-х гг. центральное место в дискуссиях занимала «контролируемая экономика», которая подразумевала сильную роль государства и рассматривалась экономистами как постоянная система на длительную перспективу. Однако в годы войны по мере успехов союзников в борьбе с Японией наряду с обсуждением «экономики военного времени» (*чжаньши цзинцзи*) появилась тема «послевоенной экономики» (*чжаньхоу цзинцзи*), которая могла быть как контролируемой, так и свободной. В выступлениях экономистов стала проводиться мысль об ослаблении роли государства после завершения войны.

В начальный период войны (1937–1940 гг.) экономические дискуссии сводились к обсуждению использования методов «контролируемой экономики» немецкого образца и советской плановой экономики для укрепления обороноспособности страны и развития хозяйства в тыловых районах. Однако уже в 1942–1943 гг. увеличилось число сторонников смешанной экономики, сочетающей элементы плана, контроля и свободного рынка. Происходило постепенное преодоление порожденного кризисом 1930-х гг. недоверия к свободной экономике. При этом исследователи проявляли все больше интереса к экономике США, показавшей жизнеспособность в период войны.

Глубокое переосмысление плановой экономики началось в Китае в 1943 г. Обсуждение было инициировано Чэнь Чжэньханем. После завершения обучения в Нанькайском университете он отправился в Гарвард, где защитил докторскую диссертацию, а в 1940 г. вернулся в Китай. Ученый не отрицал необходимости государственного хозяйствования в тяжелой промышленности, однако считал, что оно не должно распространяться на экономику в целом, и потому его не следует отождествлять с плановой экономикой. Чэнь Чжэньхань писал о практических трудностях при введении плановой экономики, подчеркивая, что в Китае главным препятствием для всестороннего планирования является чиновничья коррупция; кроме того, для разработки плана потребуются большие дублирующие административные структуры, создать которые в Китае не так просто³⁷. Ученый также дал подробный критический анализ опыта СССР и Германии, назвав «мифом» устоявшиеся представления о том, что советские достижения в укреплении экономики и обороноспособности полностью связаны с плановой экономикой. По мнению Чэнь Чжэньханя, успехи СССР объяснялись прежде всего умелым использованием зарубежной техники и наличием богатых природных ресурсов³⁸.

Среди ученых развернулась дискуссия о том, на какую модель экономики следует ориентироваться после войны, должна ли это быть свободная экономика или «экономика вмешательства». Идея государственного вмешательства в экономику стала менее популярной, а исследователи все чаще высказывались в поддержку развития частной экономики в условиях свободной конкуренции американского типа.

После 1943 г. в Америку отправились многие китайские исследователи – У Цзинчао, Ли Чжоминь, У Дае, Гу Чуньфань. Изучение ситуации в экономике США приводило ученых к резким переменам в идеях: от уклона в сторону моделей вмешательства в экономику образца СССР и Германии они повернулись к признанию американской модели свободной экономики³⁹.

В этот период стал заметным разрыв между взглядами профессиональных исследователей, склонявшихся к концепции свободной экономики, и правительственных экспертов и чиновников, сохранявших приверженность идеям контроля и плана.

Один из ведущих экономистов республиканского периода Лю Дацзюнь в книге «Индустриализация и промышленное строительство в Китае» (1944) выступил против крайностей полного контроля и отсутствия контроля. Он предложил начать с определения приоритетов в развитии экономики и обеспечения ее сбалансированного развития. Для этого нужна власть, способная создать новые правила для частного бизнеса, но не претендующая на подчинение всей хозяйственной жизни. Ученый выступил за использование государственного вмешательства как инструмента проведения индустриализации без подавления частного предпринимательства. Лю Дацзюнь считал, что планы развития военной мощи Китая можно будет формулировать «пассивно» исходя из международной ситуации – при снижении уровня внешней угрозы у страны не будет потребности в активных оборонительных приготовлениях. Тем временем цель улучшения жизни народа (*миньшиэн*) он считал «активной», к которой нужно стремиться при любой ситуации, даже в условиях военного конфликта. По мнению Лю Дацзюня, после войны улучшение жизни народа должно стать необходимой и долгосрочной задачей⁴⁰.

Хотя война еще продолжалась, экономисты смотрели в будущее с большим оптимизмом, полагая, что после разгрома Японии у Китая не будет необходимости тратить драгоценные ресурсы на увеличение оборонительного потенциала, а партнерство с США откроет путь к получению инвестиций и расширению внешней торговли. Пример СССР по-прежнему вызывал большое уважение, однако китайские экономисты все чаще относили плановые методы хозяйства к переходному периоду. Это означало, что по мере развития экономики плановый контроль должен быть ослаблен, государство должно отступить.

В короткий промежуток времени между завершением Второй мировой войны и образованием КНР обществоведы высказали ряд идей, похожих на трактовку плана и рынка, ставшую основой для экономических реформ в КНР в 1980-е гг. В 1948 г. У Цзинчао заявил, что на основании одного только опыта СССР между плановой экономикой и социализмом нельзя ставить знак равенства, поскольку плановую экономику использовали в разные эпохи в странах с различными социальными системами. Плановая экономика наилучшим образом позволяет привести производство в соответствие с потребностями военного времени, осуществить ускоренную индустриализацию за счет внутренних ресурсов путем использования высокой нормы накопления при невозможности получить иностранные инвестиции. Однако она требует введения централизованного контроля и передачи управления в руки небольшого числа людей, результат их работы вряд ли будет лучше, чем эффект механизма цен. Если же управленцы начнут использовать свои особые права в личных интересах, народу будет нанесен очень большой вред. Социализм заботится о благосостоянии людей, а плановая экономика лишает их экономической свободы, поэтому без нее лучше обойтись. «До сегодняшнего дня мы не видели системы, которая в защите свободы потребления людей превосходила бы механизм

цен. Поэтому я не хочу видеть свадьбы социализма и плановой экономики, я хочу, чтобы он сто лет до старости прожил в любви вместе с механизмом цен»⁴¹.

В 1947 г. Ма Иньчу в статье «Путь экономики Китая» призывал разработать китайскую стратегию экономического развития на основе соединения преимуществ трех моделей – советской, англо-американской и немецкой. В такой системе государственные и частные предприятия должны развиваться совместно, что отвечало бы потребностям эпохи и собственным возможностям Китая, при этом смешанная система не должна быть бесплановой⁴². Примечательно, что Ма Иньчу более не обращался к концепции «контролируемой экономики» и называл соответствующую условиям Китая модель «системой смешанной экономики» (*хуньхэ цзинцзи чжиду*). По сути это был еще один вариант соединения свободного рынка и государственного планирования.

Сходных воззрений придерживался также один из наиболее авторитетных экономистов республиканского периода Хэ Лянь, который в середине 1940-х гг. участвовал в разработке официальных планов развития страны. Он выступал в защиту смешанной системы, когда при сохранении частной собственности совместно развиваются государственные и частные предприятия⁴³. Представляется, что эта позиция отражала взгляды основного течения в китайской экономической науке второй половины 1940-х гг.

В середине 1940-х гг. укрепление мирового влияния США и возрождение идеологии либерализма привели к тому, что многие китайские ученые начали критиковать государственное вмешательство с позиции свободной экономики. Эту тенденцию можно трактовать как возвращение основного течения китайских экономистов к «идейным истокам» своих воззрений, сформировавшихся под влиянием англо-американской традиции. Этот процесс длился недолго и был прерван вместе со сменой социально-политической системы.

Основные выводы

После увлечения в 1930-е гг. теориями плана и контроля в 1940-е ученые вновь пришли к идеям свободной экономики, которые они впитали во время обучения на Западе в 1920-е гг. Однако публикации 1945–1948 гг. показывают, что китайские сторонники частного предпринимательства более не повторяли устаревшие иностранные либеральные рецепты. С опорой на опыт, накопленный за два десятилетия, ученые пытались найти оптимальное соотношение функций рынка и государства с учетом специфики страны.

1920-е – 1930-е гг. были периодом становления китайской экономической науки. Исследователи, получившие профессиональную подготовку в зарубежных университетах, после возвращения на родину пытались адаптировать свои познания к ситуации в Китае. Они обнаружили, что ни советскую плановую экономику, ни «контролируемую экономику» нацистской Германии, ни либеральную экономику Запада нельзя заимствовать механически. За несколько десятилетий в научных кругах возникло понимание того, что копированию мешают институциональные и культурные барьеры, поэтому единственный путь – это создание собственной китайской модели развития с опорой на иностранный опыт.

Восприимчивость успехов одних стран и неудач других стало важным фактором, влиявшим на взгляды китайских экономистов. Не менее существенным элементом была оценка внешней военной опасности, влиявшая на отношение интеллигенции к власти. В 1930-е гг. осознание роста японской угрозы побуждало экспертов искать возможности ускоренной модернизации с опорой на правительство и государственный капитал. Влияние идеологии «контролируемой экономики» достигло пика в первые годы войны, после чего ее авторитет начал снижаться вместе с размытием патриотической консолидации научных кругов вокруг правительства. В середине 1940-х гг. отчуждение интеллигенции от власти стало нарастать, выступления в поддержку демократии и свободной экономики

стали средством борьбы против коррумпированного «бюрократического капитализма», построенного на слиянии власти и деловых интересов. Хотя китайские экономисты и прежде предупреждали о непригодности гоминьдановской политической системы для выполнения роли командного центра экономического развития, после завершения войны эти рассуждения зазвучали с новой силой, поскольку неэффективность государства стала особенно заметной в условиях мирного времени.

Дискуссия о «контролируемой экономике» 1930-х – 1940-х гг. расширила представления китайских ученых о роли государства в экономике. В ее завершающий период в преддверии образования КНР господствующая точка зрения сводилась к тому, что регулируемая экономика носит смешанный характер и должна быть основана на сочетании государственной и частной собственности. Несмотря на существенное изменение социально-политического контекста развития Китая, эти взгляды вполне могут быть сопоставлены с нынешними программами развития страны.

В 1949 г. Китай встал на путь копирования советской плановой экономики вместе с ее политическими институтами и начал развиваться по сценарию, который экономисты республиканского периода считали неприемлемым. Однако через несколько десятилетий начался новый этап поисков собственного пути развития, сопровождавшийся углублением понимания национальной специфики Китая, критикой советской модели и движением в сторону рыночной экономики. Многие вопросы, обозначившиеся в начале китайских реформ в 1980-е гг., оказались близки к сюжетам полувековой давности – как использовать все полезное из иностранного опыта экономического развития, как совмещать государственное планирование, частную инициативу и механизм рыночных цен, как строить новую смешанную экономику.

1. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан — Чжунго цзинцзи сюэшэ яньцзю (1923—1953) [Рост китайской экономической науки — Исследование китайского экономического общества (1923—1953)]. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 2006. С. 250.
2. *Trescott P. Jingji Xue: The History of the Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850—1950*. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong, 2007.
3. *Козырев В.А.* Поиск модели экономического развития и применение идеи «планового хозяйства» в гоминьдановском Китае 30–40-х годов // Общество и государство в Китае. XXXI научная конференция. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. С. 256–266; *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949). М.: Наука, ГРВЛ, 1977; *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М.: Наука, ГРВЛ, 1983; *Мадьяр Л.* Очерки по экономике Китая. М.: Изд-во ком. Академии, 1930; *Штейн В.М.* Экономический очерк Китая // Китай. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 63–106; *Rawski T.* Economic Growth in Prewar China. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1989.
4. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 249.
5. *Ма Иньчу*. Тунчжи цзинцзи вэньцзи [Проблемы контролируемой экономики] // Ма Иньчу цюаньцзи [Полное собрание сочинений Ма Иньчу]. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. Т. 6. С. 459–460.
6. *Чжан Суминь*. Тунчжи цзинцзи дэ ии (Цзай Дася дасюэ яньцзян гао) [Значение контролируемой экономики (Набросок лекции в Университете Дася)] // Цзинцзисюэ цзикань. 1934. Т. 5, № 2. С. 52–56.
7. *Чжу Цинлай*. Тунчжи цзинцзи юй Чжунго [Контролируемая экономика и Китай] // Цзинцзисюэ цзикань. 1935. Т. 5, № 4. С. 73–74.
8. *Дин Вэньцзян*. Шисин тунчжи цзинцзи дэ тяоцзянь [Условия для введения контролируемой экономики] // Дули пинлунь. 1934. 8 июля г.; *Чэнь Чжэцзю, Ли Юй* (ред.). Чжиду сюньцзун. Гунсы чжиду цзюань [Поиск институтов]. Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 265–267.
9. *Ло Дуньвэй*. Чжунго тунчжи цзинцзи лунь [Теория контролируемой экономики в Китае]. Шанхай: Синь шэньминь шудэюй. 2-е изд. 1935. С. 3–4.

10. Там же. С. 4.
11. Там же.
12. *Сунь Дацюань*. Миньго шици дэ Чжунго цзинцзисюэ юй цзинцзи сысян [Экономическая наука и экономическая мысль республиканского периода] // Гуйчжоу цайцзин сюэюань сюэбао. 2011. № 6 (155). С. 69.
13. *Ма Иньчу*. Чжунго цзинцзи гайцзао [Преобразование экономики Китая]. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1935. С. 199–201.
14. Там же. С. 3–5.
15. *Чэнь Чанхэн*. Миньшэнчжун чжи цзихуа цзинцзи юй тунчжи цзинцзи [Плановая экономика принципа народного благосостояния и контролируемая экономика] // Цзинцзисюэ цзикань. 1935. Т. 5, № 4. С. 84.
16. *У Дээй*. Тунчжи цзихуа цзишу сань чжун цзинцзи юй Чжунго [Три экономики — контролируемая, плановая и техническая и Китай] // Цзинцзисюэ цзикань. 1935. Т. 5, № 4. С. 108–109.
17. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 255.
18. О влиянии идей Дж.М. Кейнса в Китае см.: *Trescott P.* How Keynesian Economics Came to China // *History of Political Economy*. 2012. Vol. 44, № 2. P. 341–364.
19. *Янь Шуцинь*. Гоцзя юй цзинцзи: Канчжань шици чжишицизе гуаньюй Чжунго цзинцзи фачжань даолу дэ луньчжэн [Государство и экономика: споры интеллигенции о пути развития китайской экономики в период Антияпонской войны]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 209.
20. *Сунь Дацюань*. Ганьчао чжаньлюэ юй пинхэн фачжань — Вэн Вэньхао юй Ма Иньчу лян чжун гуньехуа даолу дэ бицзяо яньцзю [Догоняющая стратегия и сбалансированное развитие — сравнительное исследование двух путей индустриализации Вэн Вэньхао и Ма Иньчу] // *Фудань сюэбао* (Шэхуй кэсюэ бао). 2012. № 5. С. 96–97.
21. *У Цзинчао*. Чжунго гуньехуа дэ туцзин [Пути индустриализации Китая] / *У Цзинчао*. Ди сы чжун гоцзя дэ чулу [Выход для стран четвертого типа]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2010. С. 235.
22. *Чжун Сянцай*. Лунь Чжунго лиши шан дэ цзинцзи цзюю сысян [Об идеях экономической свободы в истории Китая] // Цзинцзи сысян ши пинлунь. Ди эр цзи [Обзор истории экономической мысли.] / Ред. Гу Хайлянь, Янь Пэнфэй. Пекин: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 2007. Вып.2. С. 230.
23. См.: *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 266.
24. Цит. по: *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 265–266.
25. *Тан Цинцзэн*. Чжунго шэнчань чжи сяньдайхуа ин цай гэжэньчжун [При модернизации производства в Китае надо прибегнуть к индивидуализму] // *Шэньбао юэкань*. Т. 2. № 7. 15 июля 1933 г. С. 59–62.
26. *Тан Цинцзэн*. Цун лиши шан и гуаньча во го цзиньхоу ин цай чжи цзинцзи чжэнцэ [С точки зрения истории посмотрим, какую впоследствии в нашей стране следует проводить экономическую политику] // Цзинцзисюэ цзикань. Т. 7. № 1. Июль 1936 г. С. 174.
27. *Тан Цинцзэн*. Чжунго цзинцзи сысян ши. Шан цзюань [История китайской экономической мысли Т. 1]. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1936. Подробнее о взглядах Тан Цинцзэна как историка см.: *Борох О.Н.* Наследие Тан Цинцзэна и изучение истории китайской экономической мысли в 1920-е — 1930-е годы // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. Выпуск 2. Март 2010. С. 78–93.
28. *Ма Иньчу*. Чжунго цзинцзи гайцзао. С. 52.
29. *Тан Цинцзэн*. Цун лиши шан и гуаньча во го цзиньхоу ин цай чжи цзинцзи чжэнцэ. С. 176.
30. «Лунь юй». Гл. XVI, 1 / *Перелатов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1998. С. 419–420.
31. *Тан Цинцзэн*. Цун лиши шан и гуаньча во го цзиньхоу ин цай чжи цзинцзи чжэнцэ. С. 175.
32. Там же. С. 176.
33. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 272–273, 242.
34. *Ма Иньчу*. Цзинцзисюэ гайлунь. Цзэндинбань цзюсюй [Введение в экономическую науку. Предисловие к исправленному и дополненному изданию] // *Ма Иньчу цюаньцзи* [Полное собрание сочинений Ма Иньчу]. Т. 11. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. Т. 11. С. 208.

35. *Цзянь Шоизе*. Цзинци чжиду чжи сюаньцзэ [Выбор экономического строя] // Синь лу. Т. 1. № 3. Май 1945 г. С. 8–9.
36. *Чжун Сянциай*. Указ. соч. С. 231.
37. *Чэнь Чжэньхань*. Чжунго чжаньхоу цзинци цзяньшэ юй цзихуа цзинци [Послевоенное экономическое строительство в Китае и плановая экономика] // Дунфан цзачжи. 1943. Т. 39, № 15. С. 14–17.
38. *Чэнь Чжэньхань*. Цзинци чжэнцэ цзай Су Дэ цзяньшэ чжун дэ дивэй — цзинци цзяньшэ юй цзинци чжэнцэ взъйти чжи и [Роль экономической политики в строительстве СССР и Германии — один из вопросов экономического строительства и экономической политики] // Дунфан цзачжи. 1943. Т. 39, № 11. С. 21–28.
39. См.: *Янь Шуцинь*. Указ. соч. С. 275.
40. *Лю Дацзюнь*. Гуньехуа юй Чжунго гуньэ цзяньшэ [Индустриализация и промышленное строительство Китая]. 2-е изд. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1946. С. 9, 12.
41. *У Цзинчао*. Шэхуйчжун юй цзихуа цзинци ши кэи фэнькай дэ [Социализм и плановая экономика могут быть разделены] // Синь лу. 1948 Т. 2, № 5. С. 10.
42. *Ма Иньчу*. Чжунго цзинци чжи лу [Путь экономики Китая] // Ма Иньчу цюаньци [Полное собрание сочинений Ма Иньчу]. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ. 1999. Т. 12. С. 460.
43. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан. С. 262.

Почему сегодня Китай «гордо стоит на Востоке мира»

© 2013

Э. Пивоварова

В статье показано, как в ходе реформ в КНР сформировалась конвергентная социально-экономическая модель общества, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал в развитии экономики. Рассмотрены направления поиска учеными-экономистами мира оптимизации способов государственного регулирования экономики.

Ключевые слова: Китай, преодоление бедности и отсталости, эффективность рынка, социальная защищенность трудящихся, капитализм, социализм, конвергенция.

Первыми словами, произнесенными новым Председателем КНР Си Цзиньпином в заключительной речи на сессии ВСНП в марте 2013 г., были: «Сегодня наша Республика гордо стоит на Востоке мира». И действительно, Китай за годы необычайно сложных рыночных преобразований в странах с ранее централизованно-распределительной системой управления экономикой прошел путь, которым может гордиться.

Уже к началу 1990-х годов в КНР по существу сформировался нашедший отражение в экономической политике государства подход, в котором идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединялась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма.

Практически все новые моменты в представлениях о строительстве социализма в КНР связывались с задачей ликвидации экономической отсталости страны и бедности нации. Поэтому предлагалось, исходя из реалий китайской действительности, наполненной и 30-летним опытом строительства, отвечающего традиционным "чисто социалистическим" нормам, и получаемым опытом ранее не вписываемых в социализм рыночных преобразований, вносить в долгосрочную программу социально-экономического развития китайского общества все то, что будет работать на преодоление бедности и отсталости и создание в конечном счете мощного и богатого государства.

Для этого в КНР в процессе реформы экономической системы, отказались от мышления категориями классового антагонизма и очень постепенно, но открыто и легально допустили в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их существование по сути не ограниченный во времени срок.

Среди определенных автором особенностей китайских реформ, способствовавших значительному социально-экономическому прогрессу в стране, важнейшей явилось то, что в отличие от России, где идеи академика Н.П. Федоренко, предлагавшего уже в 70-х годах XX в. поэтапно переходить к методам планово-рыночного регулирования¹, не

смогли пробить себе дорогу, в КНР не уповали на «невидимую руку рынка», а «услышали Кейнса», а потому, стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, не выпускали из поля зрения макроконтроль, действовали не по принципу, «чем меньше государства, тем лучше для экономики», а по мере необходимости усиливали государственное участие в рыночных преобразованиях.

Важным при этом было то, что создание субъектов рынка осуществлялось в Китае не путем разрушения существовавших государственных структур, а путем заполнения имеющихся брешей за счет развития многообразных по формам собственности типов хозяйств (коллективных, единоличных, частных, совместных китайско-иностранных). Это не только обеспечивало быстрый рост числа субъектов рынка, но и меняя структуру народного хозяйства по формам собственности, корректировало структуру инвестиций и производства в направлении приближения ее к реальным потребностям народа.

Практика экономических реформ в бывшем социалистическом мире дает разные примеры. Если в нашей стране, где для осуществления рыночных реформ в начале 90-х гг. XX в. была принята «противостоящая кейнсианству модель экономики»², позволявшая каждому участнику рынка делать, что он хочет, и потому были фактически разрушены все положительные социальные завоевания прошлого, то КНР, пойдя по пути постепенного внедрения рыночных начал в экономику, достигла того, что социальная плата оказалась посильной для населения и сопоставимой с тем действительным экономическим прогрессом, ради которого и вносилась.

В диалоге двух крупнейших экономистов мира Джона Кеннета Гелбрейта и Станислава Меншикова о проблемах и перспективах развития капитализма и социализма, состоявшемся в 1988 г., когда стали распространяться утверждения, что может произойти «радикальный поворот от кейнсианского и рузвельтовского капитализма, существовавшего на протяжении последних 50 лет, к новой разновидности капитализма — «чистому» капитализму, без каких-либо реформ, без социального страхования и т.п., оба ученых сошлись во мнении о том, что «реформы, направленные на улучшение жизни так называемого низшего класса», должны быть «одной из необходимых перемен в рамках капиталистической системы», что «нельзя уклоняться от ответственности за благосостояние бедных». нуждающихся в «обязательной государственной помощи»³.

Говоря о тех социалистических странах, где на протяжении ряда лет официально не существовало централизованного планирования, а прежняя командная система прямого бюрократического контроля трансформировалась в систему опосредованного бюрократического контроля (обсуждался опыт Венгрии, Югославии), ученые высказали идею получения «примера социалистическо-капиталистической конвергенции» или просто «сотрудничества двух весьма различных систем»⁴.

Называя возможные сценарии перспектив развития социализма, в качестве наиболее позитивного, направленного на решение проблем социализма с помощью антибюрократических реформ, был назван сценарий «подлинно демократического централизма», имеющего в виду «сочетание и эффективное использование лучших черт центрального планирования с наилучшими и наименее опасными и деструктивными свойствами рынка».

В качестве таких наилучших черт двух различных систем рассматривалось, с одной стороны, то, что присущее социализму центральное планирование и централизованный контроль можно и нужно использовать для корректировки и совершенствования деятельности рынка и для решения некоторых проблем, с которыми неизбежно приходится сталкиваться, когда пытаешься совместить планирование и рынок; с другой стороны, то, что на уровне микроэкономики, т. е. предприятий, объединений, социализм мог бы многому поучиться — причем ускоренными темпами — у капитализма, у частного предпринимательства, у рынка. «Если социализм справится с этим, —

заклучал российский ученый-политэконом С.М. Меньшиков, — то, сочетая наименее социально опасные стороны частного предпринимательства и рынка с преимуществами плановой системы на макроэкономическом и социальном уровнях, мы сможем действовать успешнее капитализма»⁵.

Если XX в. именно Кейнсу обязан «теоретическим обоснованием расширения экономических прерогатив государства при сохранении частной инициативы»⁶, то возникшие уже в XXI в. кризисные явления в финансово-экономической сфере подтолкнули мировое сообщество на поиск новой парадигмы развития, способной улучшить ситуацию путем достижения равновесия между государством и рынком.

Задаваясь вопросом «почему Китай лучше других переносит кризис?», профессор Международного университета в Москве, доктор экономических наук, ученый и публицист, член союза писателей России Г.Н. Цаголов в своей книге «Кризис и модернизация» отвечает, что «прежде всего потому, что Китай не разрушил плановые начала и плавно перешел от социализма к смешанной, или конвергентной, экономике»⁷. В предисловии к данной книге вице-президент РАН, академик А. Некипелов пишет: «Немало сторонников — как в России, так и в мире — найдется у отстаиваемого проф. Г.Н. Цаговым тезиса: формирование конвергентной социально-экономической модели общества, предполагающей разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал становится императивом нашего времени»⁸.

Обсуждая сегодня перспективы конвергенции различных социально-экономических систем, ведущие экономисты в России и за рубежом высказывают различные мнения. При этом часто говорится не только об опыте Китая, но и о странах Латинской Америки, Индокитая, некоторых странах Европы. Как правило, разногласия возникают в тех случаях, когда кто-либо из авторов рассматривает конвергенцию как естественный эволюционный процесс, приводящий к «органическому синтезу различных систем», а не как осуществляемый государственной властью процесс «сближения» двух противоположных систем путем перенятия каждой из них положительных наработок друг друга и достижение на этой основе оптимизации способов государственного регулирования экономики.

В научном сборнике «Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи» академик О.Т. Богомолов, говоря о разработке Китаем собственной модели развития, называемой «социалистическим гармоничным обществом», заключает, что «эта модель призвана сочетать цивилизованные рыночные отношения с социальной справедливостью на основе регулирующей роли государства»⁹, а доктор исторических наук профессор В.И. Дашичев называет переход Китая в 1978 г. к постепенным преобразованиям экономики страны с использованием принципов социального рыночного хозяйства «событием мирового значения», подчеркивая, что сохранение сильной регулирующей роли государства обеспечило успех реформ и стабильный рост народного хозяйства без социально-политических потрясений и экономического ущерба для населения. «продемонстрировав громадные преимущества использования теории конвергенции в реформировании экономики социализма»¹⁰.

Действительно, как отмечалось на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г., только за последние десять лет КНР по общим количественным показателям экономики с шестого места в мире передвинулась на второе, намного поднялся жизненный уровень народа и возросла совокупная мощность страны.

Поскольку возглавленное Си Цзиньпином пятое поколение руководства КПК подтвердило свою приверженность прежнему курсу строительства «социализма с китайской спецификой», сочетающего положительные достижения как плановой, так и рыночной экономик, социально-экономический прогресс в КНР, по нашему мнению, продолжится.

Впечатляет поставленная на XVIII съезде КПК цель — к 2020 г. удвоить ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения страны по сравнению с 2010 г. Учитывая долгий опыт китайских реформ, когда выдвигались и досрочно выполнялись самые грандиозные планы, когда при самых неблагоприятных ситуациях преодолевались, казалось бы, непосильные трудности в бедной и гипернаселенной стране, можно надеяться, что и эта цель в КНР будет достигнута. И здесь, на наш взгляд, решающую роль будет играть не боязнь социального взрыва в стране, а мудрость экономической политики китайского руководства. В итоге Китай поднимется на более высокую ступень в перечне стран, где уже сформировалась или только формируется конвергентная социально-экономическая модель общества, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал.

Успехи в социально-экономическом развитии не только Китая, но также Индии, Бразилии и соседей России по Таможенному союзу — Белоруссии и Казахстана, автор многих публикаций о моделях различных стран мира профессор Г.Н. Цаголов совершенно справедливо, на наш взгляд, оценивает как результат использования в деятельности руководителей этих государств достижений и капитализма, и социализма, заключая, что сегодня в мире звучит «конвергенционный набат» и важно, чтобы этот набат был услышан там, где продолжается поиск «оптимальной модели» социально-экономического развития¹¹.

Безусловную ценность в связи с этим имеет принципиальный вывод, сделанный директором Института Дальнего Востока РАН академиком М.Л. Титаренко: «Обобщение накопленного за 30 лет опыта проведения экономической реформы и политики открытости позволили руководству КПК построить в Китае новую конвергентную экономическую, политическую, социальную и культурную многоукладную структуру общества, сочетающую научно-технические и управленческие достижения капитализма и ориентацию на построение гармоничного общества справедливости и средней зажиточности»¹².

1. Федоренко Н. Россия: уроки прошлого и будущего. М.: Экономика, 2001.
2. Дзарасов С. Услышит ли Россия Кейнса? // Слово. 2012. № 39–40. С. 7.
3. Гелбрейт Д. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование: Диалог. М.: Прогресс, 1988. С. 122–123.
4. Гелбрейт Д. К., Меньшиков С. Указ. соч. С. 131–134.
5. Там же. С. 142.
6. См.: Гринберг Р., Рубинштейн А. Основания смешанной экономики. М., 2008. С. 71.
7. Цаголов Г. Кризис и модернизация. М.: Экономика, 2010. С. 74–75.
8. Там же. С. 5.
9. Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М.: Анкил, 2012. С. 24.
10. Там же. С. 339.
11. См.: Цаголов Г. Конвергенционный набат. М., 2011. С. 5–150.
12. Титаренко М. О феномене китайского социализма // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 22.

История

К 200-летию со дня рождения Г.И. Невельского

© 2013

С. Пономарев, А. Плотников

В статье показана многогранная деятельность во благо России мореплавателя и первопроходца, адмирала Георгия Ивановича Невельского, 200-летие со дня рождения которого отмечается 5 декабря 2013 г.

Ключевые слова: Г.И. Невельский, Амур, Сахалин, Дальний Восток России

Сегодня основной задачей восстановления целостного видения «неразрывности» истории России на всем ее тысячелетнем пути, осознанного всеми неравнодушными к судьбе своей родины людьми независимо от политических взглядов и пристрастий, является рассмотрение ее с позитивных позиций.

Это не означает отказ от признания или «замалчивание» противоречий, неудач и трагических событий прошлого, без которых невозможна история ни одной страны мира. Это предполагает лишь, что при формулировании главных оценок итогов нашего исторического развития мы исходим из того, что при сравнении всех наших успехов и неудач на этом тысячелетнем пути, история России, бесспорно, обладает позитивным балансом.

Данное обстоятельство отнюдь не исключает собственных критических авторских оценок и выводов, если они основаны на подлинных исторических фактах и документах, дающих порой «сухую», но реальную картину происходивших событий, в которых принимались те или иные политические решения.

Принцип позитивной истории предполагает, что история страны должна рассматриваться в целом как история успехов, побед, преодоления препятствий, развития и поступательного движения вперед.

Политическое и, что не менее важно, нравственное значение такого подхода, неизменно проводившегося и русской, и советской исторической школой, состоит в укреплении оснований для гордости за свою страну, воспитании уверенности в ее силах и возможностях, сохранении и защите традиционных, проверенных временем «ценностных основ» и национально-культурной идентичности даже в трудные, кризисные и смутные времена.

Это означает, что эта история должна быть непременно героической, подчеркивать нравственную составляющую наших побед и достижений, добытых порой ценой

Пономарев Сергей Александрович, действительный член Русского географического общества (г. Южно-Сахалинск). Email: ponomarev-sa@yandex.ru.

Плотников Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, ответственный секретарь сборника «Русские Курилы». Тел.: 8 (903) 535-76-97.

огромных усилий, преодолений и жертв (чем нас часто пытаются уязвить наши прошлые и нынешние недруги). «Цену», заплаченную за наши победы, посему не нужно замалчивать. Главное при этом — твердо придерживаться позиции, подчеркивающей, что это были именно победы, а не поражения. И чем выше была цена, которая была заплачена за победу, тем выше ее значимость, и тем больше гордость за нее.

Имя адмирала Г.И. Невельского, 200-летие со дня рождения которого отмечается в этом году 5 декабря по новому стилю, имеет в этом смысле особое значение.

Геннадий Иванович Невельской (23 ноября (5 декабря) 1813–17 (29) апреля 1876), без сомнения, принадлежал к той плеяде наших исторических деятелей, для которых, по словам известного отечественного ученого-востоковеда Д.М. Позднеева, «на первом и главном месте была всегда польза дела», которому они служили, и «в жертву которому они никогда не задумывались приносить свои личные счеты», которые «руководствовались широким сознанием государственной нужды, а не мелкими личными счетами».

Это был человек, который не боялся смело брать на себя инициативу, не дожидаясь «официального одобрения», когда это отвечало интересам страны, и когда любое промедление могло нанести им ущерб.

Его книга «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» является и сейчас настольной для любого серьезного исследователя истории нашего утверждения на Тихом океане и одновременно одной из наиболее цитируемых не только потому, что многие приведенные в ней факты и сведения, полученные в ходе Амурской и Сахалинской экспедиций 1849–1854 гг., уникальны, но и в силу ее «духа» — смелости выводов и оценок автора, его бескомпромиссно-чистой патриотической позиции в вопросах отстаивания национальных интересов страны в Дальневосточно-тихоокеанском регионе. Выводы и оценки, часто вступали в конфликт с догматизмом, зашоренностью и ошибочностью мнений, бытовавших в некоторых высших петербургских правительственных сферах.

Недаром именно с Амурской экспедицией Невельского связывают ставшее классическим высказывание Николая I о том, что «если где-то однажды был поднят русский флаг, он уже не должен спускаться» (произнесенное, как известно, в ответ на предложение «наказать» будущего адмирала «за самовольное занятие устья Амура»).

В связи с отмечаемым юбилеем Г.И. Невельского особого внимания заслуживает вышедшая в этом году книга С.А. Пономарева «Имя в истории: к 200-летию адмирала Геннадия Ивановича Невельского» (Южно-Сахалинск, 2013).

Заслуга С.А. Пономарева в том, что своей публикацией он воскрешает «героический дух» повествования Невельского, забытую сейчас традицию патриотического воспитания «словом», которая была почти полностью утрачена в «смутные 90-е», и которая «красной нитью» проходит через всю книгу знаменитого исследователя Амура и Сахалина.

Нет сомнения, что книга действительного члена Русского географического общества С.А. Пономарева, известного своей последовательной и твердой позицией по отстаиванию территориальной целостности России в районе Курильского архипелага, займет достойное место среди работ по истории русского утверждения на берегах «Великого океана», знающей немало славных имен, одно из наиболее ярких среди которых по праву принадлежит адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому.

В одной из своих работ автор в сжатом виде дает ответ на главный вопрос: Какими деяниями и достижениями оставил свой след в истории Геннадий Иванович Невельской?

Полный адмирал? Адмиралов в истории флота российского сотни.

Кругосветный путешественник (1848–1850 гг.)? Достоинно уважения, но не уникально. Таких офицеров тоже было немало.

Исследователь Дальнего (правильнее — Крайнего) Востока? Да, именно здесь его заслуги бесспорны и во многом уникальны.

К историческому наследию Г.И. Невельского следует, думается, подходить с нескольких сторон, не ограничиваясь физико-географической и гидрографической стороной дела, хотя именно она составляет его фундамент.

Итак, летом 1849 г. Невельской в качестве командира транспорта «Байкал» на трех шлюпках и байдаре обошел устье Амура, делая промеры; затем спустился к югу до 52-й параллели и установил, что Сахалин на этой широте отделен от евразийского материка узким проливом (7,4 км, позже названным проливом Невельского). Пройдя еще дальше к югу (за мыс Сушёва), Невельской достиг самой северной точки маршрута Лаперуза. Так было окончательно доказано, что Сахалин остров, отделенный от материка судоходным проливом¹.

Летом 1850 г. в качестве начальника Амурской экспедиции он установил неудобство залива Счастья у северного входа в Амурский лиман для зимовки судов (предписанного для базирования) и основал на Амуре Николаевский пост (ныне город Николаевск-на-Амуре) в 80 км от лимана; поднял русский флаг и объявил российским владением весь Приамурский край «до корейской границы с островом Сахалин»; осенью 1853 г. поднял русский флаг над Сахалином и основал Муравьевский пост (ныне город Корсаков). Экспедиция составила первую карту Амура².

По поручению Невельского:

1) 20-летний лейтенант Николай Константинович Бошняк зимой 1852 г. исследовал Сахалин, где в районе Дуэ обнаружил месторождение каменного угля, открыл реку Тымь и проследил ее течение; затем обследовал низовья Амура, бассейн реки Амгуни до ее верховьев и Буринский хребет, открыл озера Чукчагирское (740 кв. км) и Эворон: в марте 1853 г. на западном берегу Татарского пролива нашел прекрасную гавань Хаджи (Императорская — ныне Советская Гавань).

2) штурман Дмитрий Иванович Орлов обследовал низовья Амура и Амгуни, открыл ряд озер Чля, Орель и др., водораздельные хребты между системами рек Амгунь, Тугур и Уда; в 1853 г. описал часть юго-западного и юго-восточного берега Сахалина.

3) штурман Николай Васильевич Рудановский в 1853–1854 гг. впервые подробно описал побережье залива Анива, завершил описание юго-западного берега Сахалина, продолжив исследования Орлова, открыл залив Невельского, составил первую точную карту Южного Сахалина³.

С точки зрения контроля над пространством, Невельским поставлены в исследуемом крае русские военные посты: Николаевский и Марининский — на Амуре, Александровский — в заливе Де-Кастри, Константиновский — в Императорской Гавани, Ильинский и Муравьевский — на Сахалине. Это позволило России овладеть побережьем Тихого океана от корейской границы до Берингова пролива, получить контроль над обеими берегами Татарского пролива.

Открытия Невельского принесли громадную пользу России уже во время Крымской войны (1853–1856 гг.) По Амuru можно было доставлять войска к Тихоокеанскому побережью и обеспечивать их снабжением. Весной 1855 г. Николаевский пост, расширив русские возможности для пространственного маневрирования, стал убежищем для защитников Петропавловска и всего российского флота на Тихом океане.

Исследования и действия Невельского позволили Муравьеву уже летом 1855 г. во время второго сплава по Амuru не только укрепить Нижний Амур военной силой, но и доставить иркутских и забайкальских крестьян для заселения Приамурья. Между Марининским и Николаевским постами появились новые деревни: Иркутская, Богородская, Михайловская, Ново-Михайловская, Сергиевская, Воскресенская⁴.

Трудами начальника Амурской и Сахалинской экспедиции было подготовлено заключение договоров с Японией (Симодского — в 1855 г.), с Китаем (Айгунского и Тяньцзинского — в 1858 г. и Пекинского — в 1860 г.), что привело к пограничному разграничению с этими странами и Кореей.

Помимо того, что было сделано, чрезвычайно важно, как это было сделано, каковы были способы присоединения территории.

Вот что пишет об этом доктор географических наук Валерий Павлович Чичагов, автор предисловия к переизданной в 2008 г. в Москве книге Г.И. Невельского: «На протяжении последней тысячи лет на территории будущей России происходил сложный, насыщенный постоянными войнами и усобицами процесс завоевания, объединения земель, наращивания ее территории, поисков выходов в Европу и к Тихому океану. И в этом процессе был только один уникальный случай мирного, бескровного присоединения к России огромной территории Дальнего Востока без военных действий, без единого выстрела. Без крови и насилия. Без угнетения местных народностей. Знаменательное событие это произошло полтора века назад, в эпоху постоянных войн, в эпоху раздела мира крупными европейскими государствами, в эпоху создания картины мира, близкой к современной. Связано оно с двумя именами: капитана Г.И. Невельского (будущего адмирала) и (генерал-) губернатора Сибирского края Н.Н. Муравьева (будущего графа Муравьева-Амурского)»⁵.

Длительное время имя морского офицера Невельского оставалось в тени мощной фигуры государственного деятеля Н.Н. Муравьева. Не оспаривая заслуг графа Амурского, думается, правильным будет сказать, что Невельскому очень повезло с Муравьевым, а Муравьеву — с Невельским.

Деятельностью Г.И. Невельского фактически заканчивается эпоха великих русских географических открытий на Тихом океане.

Помимо дел, оставивших след в истории, нас и сейчас многое привлекает в самой личности Геннадия Ивановича. Начальник, облеченный огромной самостоятельной властью, позволял подчиненным ему офицерам рассуждать с ним как с товарищем, совершенно свободно разбирать все его предложения и высказывать о них с полной открытостью свое мнение⁶.

В то время командировка офицера для исследования края была совершаема вне повеления, почему и лежала единственно на ответственности Невельского, который четко понимал, что внешние стимулы (ввиду их отсутствия) необходимо заменить внутренними побуждениями, чтобы «при каждой такой командировке посланный офицер был проникнут чувством необходимости и полезности для блага Отечества». Невельской считал, что он «должен был одушевлять... сотрудников и постоянно повторять им, что только при отчаянных и преисполненных опасностей и трудностей действиях наших мы можем не только предупредить потерю края, но и привести правительство к тому, чтобы он навсегда был утвержден за Россией. Вот что нас связывало всех как бы в одну семью»⁷.

Сто лет назад адмирал А.К. Сиденснер, лично знавший адмирала Невельского и написавший о нем книгу, писал так: «Выдающаяся деятельность Г.И. Невельского как начальника Амурской экспедиции представляет поразительный пример того, какие великие дела могут совершать люди с самыми ничтожными средствами и при непреодолимых, казалось бы, препятствиях, если они одарены врожденным патриотизмом, сильной волей, благородным характером и безграничной энергией — качествами, которыми полностью обладал Г.И. Невельской»⁸. Как часто сейчас мы видим какие ничтожные дела делаются при колоссальных средствах...

Если суммировать те качества, которые делают Невельского образцом для подражания, а в совокупности — героем и нашего времени, то складывается следующий перечень.

При выборе жизненного пути:

1. Продолжатель отцовского дела.

Во время учебы

2. Пытливый и любознательный, старательный и дисциплинированный, аккуратный и исполнительный — один из лучших учеников Морского корпуса и Офицерских классов.

К моменту начала исследований в Охотском море и устье Амура:

3. Опытный и смелый строевой офицер, имевший многолетнюю хорошую морскую практику.

4. Путешественник, объехавший Европу, обогнувший мыс Горн и совершивший успешный переход из Кронштадта в Петропавловск-на-Камчатке.

5. Замечательный планировщик, умелый администратор, волевой руководитель.

6. Знаток истории путешествий, дипломатической истории России и опыта предшественников в исследуемом районе.

7. Успешный командир корабля, пользующийся авторитетом экипажа, способный сплотить и воодушевить коллектив.

8. Проницательный мечтатель, умеющий строить грандиозные и, в то же время, реалистичные планы, причем делающий это не в своих интересах, а в (геополитических) интересах Отчизны.

9. Человек, обладавший острым чувством времени и его ценности, сочетавший точный анализ ситуации с беспромедлительной деятельностью по достижению цели, выработанной в результате анализа.

10. Человек, способный уступить синицу в руке за журавля в небе и поймать этого журавля (уступил назначение на престижную «Палладу» ради назначения на небольшой транспорт «Байкал»).

11. Подчиненный, способный написать инструкцию самому себе и утвердить ее у начальства.

После обследования устья реки Амур:

12. Человек, для которого факты убедительнее авторитетов. Офицер, способный открыто защищать истину перед старшими по званию, но не правыми.

13. Выносливый труженик, неутомимый и непритворный исследователь.

14. Человек, способный самостоятельно взять ответственность за себя, за подчиненных, за Отечество.

15. Подданный, способный сделать выбор между повелением государя императора и Пользой Отечества в пользу Отечества.

16. Умелый и мудрый дипломат в отношениях с местным аборигенным населением и гражданами сопредельных государств.

17. Разносторонний человек, способный к разноплановым действиям (от многочисленных пеших походов, поездок на собаках, оленях, лошадях, больших и малых судах для обследования края до бомбардировки начальства убедительными и побудительными докладами).

18. Географ и стратег, спланировавший основную российскую поселенческую инфраструктуру на крайнем востоке России — от регионального центра на месте Хабаровска до городов на Сахалине. Основатель Николаевска-на-Амуре (1850 г.), а «с сотоварищи» — многих городов и поселений российского Крайнего Востока.

19. Руководитель временных государственных органов — Амурской и Сахалинской экспедиций, не допустивший занятия российских дальневосточных (тихоокеанских) владений западными державами и США.

20. Офицер негенеральских чинов (капитан-лейтенант, капитан второго, а затем первого ранга), изменивший с 1851 г. российскую внешнюю политику в северо-восточной Азии и позволивший вскоре сформировать границы России с Китаем, Кореей и Японией (договоры 1855, 1858 и 1860 гг.).

21. Страстный летописец подвигов русских морских офицеров на Крайнем Востоке России, оставивший нам документальную книгу о присоединении к России Приамурского и Приуссурийского краев с островом Сахалин.

Человек, показавший редкостный пример единства замысла и его воплощения, слова и дела, *«удивительный человек, удачно сочетавший в себе лучшие качества российского морского офицера — мореплавателя и гидрографа; человек непреклонной воли и могучей энергии, русский патриот с чистой душой»*.

Герой России XIX века, являющийся нам пример и в веке XX. Геннадий Иванович Невельской.

Похоронены Г.И. Невельской и его жена Е.И. Невельская рядом, в одной ограде на кладбище Воскресенского женского монастыря, называющегося сейчас Новодевичьим, в Санкт-Петербурге.

Их могилы отмечены православными крестами из камня. **Блаженн чистый сердцем яко так Бога узреть** («Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрять») — эти слова из Нагорной проповеди (Евангелие от Матфея, Гл. 5, ст. 8) выбиты на надгробии Геннадия Ивановича.

На надгробии Екатерины Ивановны, чьими трудами было издано главное сочинение адмирала Невельского (правда о подвигах русских морских офицеров), высечены очень верные для ее жизненного и общественного подвига слова **«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»** (Евангелие от Матфея, Гл. 5, ст. 6)

Первый памятник Г.И. Невельскому был воздвигнут еще в 1891 г. во Владивостоке. В настоящее время его память увековечена в разнообразных формах: в памятниках во Владивостоке, Хабаровске, Николаевке-на-Амуре, Невельске, Южно-Сахалинске, Солигаличе Костромской области, откуда он родом, в названиях улиц, мемориальных досках. А в 2011 г. имя мореплавателя и первооткрывателя Георгия Ивановича Невельского было присвоено одному из десантных кораблей Тихоокеанского флота

1. *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967. С. 456.
2. Цит. по: *Мережко А.Г.* Поднявший российский флаг над Приамурьем / Вступ. ст. к изд. *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России, 1849–1855. Хабаровск: Приамур. ведомости. 2009. С. 15.
3. *Краевский Н.В.* Три века служения Родине: Из истории одного древнего русского рода / Вступ. ст. М. Е. Бударина. Омск.: Кн. изд-во, 2003. С. 457–458.
4. *Мережко А.Г.* Указ. соч. С. 14.
5. *Чичагов В.П.* И взовьётся русский флаг!: Предисл. к кн.: *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. М.: Дрофа, 2008. С. 6–7.
6. *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. М.: Дрофа, 2008. С. 331.
7. Там же.
8. *Сиденспер А.К.* Адмирал Геннадий Иванович Невельской: К столетию со дня его рождения. СПб., Типогр. Морского м-ва, в Главном Адмиралтействе, 1914. С. 2.

Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.)

© 2013

Г. Романова

В статье анализируется экономическая деятельность китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в сфере предпринимательства, земледелия и промыслов в конце XIX — начале XX вв. Приводятся количественные параметры и дается различная им оценка в зависимости от их роли в хозяйственном освоении региона. Отмечается взаимовлияние материальных культур россиян и китайцев. Прослеживается политика дальневосточной администрации по регулированию экономических процессов сопредельных территорий России и Китая. Вводятся в научный оборот новые архивные материалы, работы китайских историков.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай, мигранты, экономическая деятельность, политика Приамурских генерал-губернаторов, национальный интерес.

В 80-е годы XX в. были восстановлены приграничные экономические отношения Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в результате проведения реформ и либерализации внешнеэкономических связей двух стран. В настоящее время происходит расширение различных форм экономического сотрудничества приграничных регионов. Для более эффективного их осуществления необходимо обобщение имеющегося опыта. Исследование проблем предпринимательства, земледелия и промыслов китайских мигрантов в Дальневосточном регионе актуально для изучения истории и экономики сопредельных территорий, взаимодействия населения в экономической сфере, а также в целом для анализа международных экономических отношений в АТР.

В статье проанализированы отечественные источники и литература дооктябрьского периода, а также литература с конца 80-х годов, когда вновь тема китайских мигрантов на Дальнем Востоке России стала объектом научного исследования. Особо хочется отметить работы Ф.В. Соловьева, который первым в советской историографии поднял и всесторонне проанализировал проблему китайского отходничества на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. С его именем связано возрождение китаеведения в академической системе Дальнего Востока, в декабре 2013 г. отмечается 100-летний юбилей со дня рождения. Эта статья является в определенной степени продолжением с учетом новых фактических данных и статистики того научного направления, которому посвятил свою творческую деятельность известный китаевед Ф.В. Соловьев.

Значительный вклад в отечественную историографию внесли труды А.Г. Ларина, который рассмотрел экономические и политические аспекты китайских мигрантов на

Дальнем Востоке России в историческом плане и на современном этапе, ввел в научный оборот большое количество материалов центральных государственных архивов. Заслуживает внимания работа Т.Н. Сорокиной, в которой исследуется хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке и политика администрации Приамурского края на рубеже XIX–XX в. А.П. Алепо в целом анализируя проблему зарубежного капитала и предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XVIII–1917 г., рассматривает также экономическую деятельность китайских мигрантов в регионе. Объективные статистические данные по китайскому предпринимательству содержатся в работах Л.И. Галлямовой и Т.З. Позняк, посвященных истории Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Большим количеством архивного материала в целом по китайцам в России в 1856–1917 гг. отличается работа А.И. Петрова. Экономические аспекты дооктябрьского периода содержатся в книге под редакцией А.С. Ващук об этнических процессах в Приморье в начале XX в., а также в первой главе книги О.В. Залесской о китайских мигрантах на Дальнем Востоке в 1917–1938 гг. Непосредственно проблемам регулирования внешней миграции в регионе посвящены работы Е.И. Нестеровой, А.В. Друзьяка, правонарушений на Дальнем Востоке — В.В. Синиченко и др.

Каждый из авторов касался определенных направлений, вместе с тем важно было создать целостную картину проблемы предпринимательства, земледелия и промыслов китайских мигрантов на Дальнем Востоке России путем обобщения ключевых моментов и введением в научный оборот новых материалов центральных и дальневосточных архивов; желательно было выяснить, насколько изменились оценки экономической деятельности китайских мигрантов в отечественной историографии. Практический интерес представляло выявление мероприятий Приамурского генерал-губернаторства по регулированию экономических взаимоотношений сопредельных территорий и обеспечению национальной безопасности страны. В международных экономических отношениях каждая страна поддерживает те направления сотрудничества, которые способствуют модернизации региона. В то же время проводит ограничительную и протекционистскую политику по отношению к тем сферам взаимодействия, которые ведут к материальному ущербу, значительной экономической зависимости. Поэтому в миграционной политике необходимо проанализировать целесообразность тех или иных видов экономической деятельности, которые объективно обуславливают экономическое развитие

территории. Заслуживает внимания китайская историография, в связи с этим рассматривается работа ученого КНР Чжан Цзунхая, который один из первых стал исследовать проблему истории и современного состояния китайских мигрантов в Дальневосточном регионе. Частичные сведения по данному вопросу имеются в книге китайского историка Инь Цзяньпина.

В Южно-Уссурийском крае китайское частное предпринимательство начало развиваться в 70-х годах XIX в. одновременно с развитием торговли. Китайские предприятия создавались для бытового обслуживания населения и производства товаров на рынок. Большинство частных предприятий находилось в крупных городах. По данным 1881 г., во Владивостоке китайцы владели тремя столярными, двумя кузнечными, пятью портняжными мастерскими, двумя булочными. Наладилось производство так называемого «манзовского» пива. В 1895 г. в Приморской области действовало семь подобных заводов: пять — во Владивостоке, один — в Хабаровске и один в с. Никольском, принадлежавшем русскому купцу. На них было произведено 20 тыс. ведер пива на сумму 160 тыс. руб. В 1896 г. из 13 предприятий в Приморской и Амурской областях четыре (30,8%) принадлежали россиянам, три — европейским предпринимателям и шесть — китайским¹.

Согласно статистическим данным 1904 г., в Приморской области было зарегистрировано 558 различных предприятий, 84 из которых принадлежало китайским поданным, т. е. удельный вес китайских предприятий составлял 15,2%. 94,1% принадле-

жавших китайцам заведений функционировало в городах и только 5 (5,9%) из них располагалось вне города. Главным центром китайской деловой активности являлся Владивосток, где действовало 53 китайских предприятия (или 63,2% зарегистрированных китайских заведений); в Никольске-Уссурийском функционировало 19 предприятия (22,7%) в Хабаровске — 7 (8,2%). Во Владивостоке удельный вес заведений, находившихся в руках китайских подданных, составлял 18%, Никольске-Уссурийском — 22,6%, Хабаровске — 10,4%, вне городов — 4,3%. Китайская диаспора занимала в ремесленно-промышленном секторе экономики третью позицию, уступая российским (60%) и японским (19%) подданным.

Оценивая роль китайского бизнеса в отдельных сферах производства, можно отметить, что по числу предприятий позиции китайских подданных были наиболее сильными в таких отраслях, как швейная (61%), кузнечное дело (30%), пошив китайской обуви (100%), пивоварение (41,6%), в хлебопекарной и кондитерской сфере 36,6%), в кожевенной (50%), меховой (100%), известковой (100%), гончарной (100%), в приготовлении красок (50%) и уксуса (100%). О размерах китайских предприятий и объеме их производства свидетельствуют следующие данные. В 1904 г. это были мелкие мастерские с небольшим числом наемных рабочих: 53 (63,1%) предприятий имели от 1 до 5 рабочих, 19 (22,6%) нанимали от 6 до 10 чел., 6 (7,1%), от 11 до 20, 3 (3,6%) — от 20 до 50, более 50 рабочих было занято всего на 2 (2,4%) предприятиях, более 100 чел. — на 1 (1,2%)². По существу, это было мелкое предпринимательство. Нанимались на работу соотечественники (98–100% используемой рабочей силы), которые трудились преимущественно в портняжных и кузнечных мастерских³.

В начале XX в. китайцам и японцам принадлежало около 85,5% ремесленно-промышленных заведений, 95% прислуги приходилось на долю китайцев и 90% городской мелочной торговли находилось в руках китайцев. В 1910 г. в Амурской области было 67 китайских предприятий с оборотным капиталом 2,6 млн руб., в Приморской области — 1078 с оборотным капиталом 3,6 млн руб. В то же время в крае действовало 1144 предприятия русских и европейских предпринимателей с оборотным капиталом 25 млн руб. Китайские предприятия были мелкими: на одного китайского промышленника приходилось 3,2 тыс. руб. оборотного капитала, на русского — 21,8 тыс. руб. В целом на рубеже XIX–XX вв. китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке развивалось довольно оживленно, занимая видные позиции в целом ряде отраслей экономики. Китайские предприятия играли большую роль в обеспечении населения края товарами первой необходимости, в значительной степени удовлетворяя его бытовые нужды. По этой причине местная администрация допускала существование китайских предпринимателей вопреки интересам русских заводчиков⁴.

Кроме торговых заведений, в Хабаровске китайский предприниматель Н.И. Тифонтай построил кирпичный завод (1879), паровую мельницу (1899). В 1899 г. начал разработку месторождений бурого угля недалеко от Хабаровска, выполнял казенные подряды на строительстве Уссурийской железной дороги. В 1901 г. совместно со своими компаньонами — китайским подданным В.Н. Ехоалиным и тремя китайскими вкладчиками он создал торговый дом "Тифонтай и К°" с основным капиталом в 200 тыс. руб. Введение таможенного обложения и русско-японская война 1904–1905 гг. мало отразились на деятельности торгового дома, основной капитал которого к 1907 г. превысил 1,2 млн руб. В 1908 г. по высочайше утвержденному Положению Совета министров Н.И. Тифонтай получил от казны 0,5 млн руб. за понесенные убытки во время войны (занимался поставками продовольствия для русской армии в Маньчжурии). Росло недвижимое имущество предприятия. Фирма "Тифонтай и К°" имела пивоваренный, лесопильный, известковый заводы, механические мастерские, макаронную фабрику, хлебный склад, мастерскую по выделке мехов, стекольный завод. Были открыты торговые отделения во Владивостоке и Харбине. По данным уполномоченного Амурской экспедиции

А.Н.Митинского, паровая мельница Н.И.Тифонтая переработала в 1906–1909 гг. 609 тыс. пудов зерна. Одновременно широкая деятельность развернулась и в Северном Китае. Н.И. Тифонтай занялся разработкой Фушуньских угольных копей в Южной Маньчжурии, которые позже вместе с компаньоном были проданы Безобразову, (компенсацию за сделанные вложения составила 50 тыс. руб.). Значительный капитал Н.И. Тифонтай накопил в период строительства КВЖД⁵.

Особое место принадлежало ханшинному производству. Китайская водка (шаоцзю), называемая русским «ханшином» особенно была распространена в Южно-Уссурийском крае. В 1887 г. там действовало 143 ханшинных завода (шаогодянь), в 1906 г. — уже 204, прежде всего в Суйфунском и Сучанском районах и около устья реки Иман. В 1887 г. производилось 75,8 тыс. л. ханшина, в 1906–1907 гг. — 107,1 тыс. л. Уже с 1879 г. изготовлялось по 16 бутылок китайской водки на душу населения региона в год. Бутылка ханшина стоила от 15 до 25 коп. при крепости 50–60 градусов. Широкое распространение ханшина на российском Дальнем Востоке отрицательно влияло на развитие отечественного винокуренного производства. Государство и русские промышленники теряли важные статьи дохода. В 1907 г. власти пошли на крайние меры вплоть до разрушения ханшинных заводов и конфискации запасов китайской водки в магазинах. Поля, засеваемые гаолянном, чумизой, овсом и пшеницей для производства ханшина, отбирались у китайцев и отдавались под пашни крестьянам. Но ханшинное производство было перенесено на китайскую территорию. Оттуда в соответствии с Санкт-Петербургским договором 1881 г. между Россией и Китаем ханшин стали беспошлинно ввозить на территорию российского Дальнего Востока⁶.

В 1903 г. бывший Приамурский генерал-губернатор Д.И. Суботич обратился в Министерство финансов с документом, в котором сообщил, что укоренившееся издавна в Восточной Сибири потребление как инородцами, так и русским населением ханшина, достигло значительных размеров; напиток этот признавался весьма вредным для здоровья и требовалось его изъятие. Д.И. Суботич считал необходимым, согласно предположениям управляющего акцизными сборами Амурской и Приморской областей, установить нижеследующие более строгие взыскания для преследования лиц, занимавшихся ханшинным промыслом. 1) Лица, избобличенные: а) в занятии ханшинным промыслом, т.е. в водворении в пределы Империи, хранении, провозе и продаже ханшина и других изготовляемых из хлебных припасов крепких напитков, а равно б) в производстве на русской территории сулекурения, в устройстве заводов для этой цели — подвергаются денежному взысканию от 300 до 500 руб. и заключению в тюрьму на время от 6 до 12 месяцев; причем те из них, которые не принадлежат к русскому подданству, по отбытии наказания высылаются за границу с воспрещением навсегда вступать в пределы России. 2) Найденные крепкие напитки подвергаются немедленному уничтожению. 3) Принадлежавшие виновным лошади, телеги, упряжь и другие предметы, служившие для перевозки упомянутых напитков, конфискуются⁷.

Для постоянно живших в Уссурийском крае китайцев главным занятием было сельское хозяйство. Кроме посевов пшеницы и других сельскохозяйственных культур, они выращивали коров, лошадей, овец, свиней и других домашних животных, также ловили соболей, собирали морскую капусту, трепангов, занимались торговлей. Эти китайцы «жили свободной жизнью», абсолютно не соприкасаясь и не ассимилируя с русскими, управлялись своей властью⁸.

По данным переписи 1897 г., земледелием занималось примерно 33% китайского населения в Амурской области и 11,5% — в Приморской. Это были оседло проживавшие китайские подданные, чье особое положение обуславливалось трактатами с Китаем, т.е. «зазейские маньчжуры» Амурской области и так называемые «фанзовладельцы» Приморской области, а также долгосрочные арендаторы крестьянских и казачьих земель⁹. В Амурской области земледельцами являлись около 10,6 тыс. цинских подданных, имев-

ших постоянное место жительства. На юге Приморской области насчитывалось всего девять дворов китайских земледельцев, хозяйств, основанных после 1860 г., которые в нарушение закона арендовали землю у русских казаков и крестьян¹⁰.

На севере Имана в 1907 г. было до 600 китайских хозяйств и до 1000 чел. китайского земледельческого населения. Частично китайцев выселяли, но большей частью они стали брать обрабатываемые ими же земли в аренду¹¹. С 80-х годов XIX в. в связи с увеличением числа крестьян-переселенцев из европейской части России власти начали выселять китайских крестьян с занятых ими земель. Выселение продолжалось до 1906–1907 гг. Законность его не вызывала сомнений, поскольку китайские земледельцы действовали самовольно, без санкции российской администрации¹². Что касается китайцев-собственников земельных участков и другой недвижимости, то таких было крайне мало, так как с 1892 г. была запрещена покупка иностранцами недвижимой собственности. Согласно российской статистики, к северу от р.Амур и к востоку от р.Уссури насчитывалось всего 12 китайцев-собственников¹³.

Вблизи крупных городов Владивостока и Никольска (Уссурийского) китайские земледельцы занимались огородничеством, выращивали капусту, картофель, помидоры, огурцы, лук, чеснок и т.д., сбывая продукцию русскому населению. На Русском острове под Владивостоком насчитывалось 44 огородные фанзы, где работали около 240 китайцев, поставлявших свежие овощи на рынки города. В целом в Южно-Уссурийском крае на 25–26 русских жителей приходился один китайский огородник, что свидетельствовало о важной роли китайских земледельцев в обеспечении населения края овощами. Помимо повсеместной торговли овощами покупатель мог заказать их к определенному сроку и брать в кредит¹⁴.

Как подчеркивал известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, в начале XX в. казаки и почти все крестьяне сами не обрабатывали земли, а отдавали их в аренду китайцам на правах половинщиков. Обыкновенно сам хозяин-русский отправлялся куда-нибудь на заработки, предоставляя китайцу распоряжаться землей по своему усмотрению. Арендатор тотчас же строил фанзы, выписывал из Китая своих родственников, приглашал помощников, нанимал рабочих и начинал хозяйничать. Изложенное было бы не так серьезно, если бы хозяином положения оставался русский, а китаец был бы у него простым работником. Но наблюдения показывали иное: китаец — хозяин на земле, а русский владел ею только номинально¹⁵.

В начале XX в. в Приморской области из всех сдаваемых в аренду земель только 17,4% находилось у русских земледельцев. остальные земли арендовались китайцами и корейцами, причем 54,9% земли арендовали корейцы и только 27,7% — китайцы. Как правило, у китайцев были большие земли, они сдавали их более мелким арендаторам, а корейцы обрабатывали сами. В деятельности приамурской администрации по ограничению китайской аренды и труда китайских сельскохозяйственных рабочих столкнулись интересы «русской государственности» и личные интересы различных категорий земледельцев в крае. Верх одержали интересы «русской государственности». Наибольших ограничительных мероприятий достигли в отношении казенных земель, а в казачьих и крестьянских хозяйствах и в годы Первой мировой войны продолжал широко применяться труд китайских сельскохозяйственных рабочих и земли по-прежнему сдавались в аренду китайцам¹⁶.

В условиях Дальнего Востока китайские приемы земледелия оказывались более продуктивными, поэтому, несмотря на то, что ряд чиновников и агрономов считали китайскую аренду в целом явлением отрицательным и требующим ограничительных мер, аренда была широко распространена. От китайцев русские узнали о грядковом земледелии. Китайцы с приходом русских начали пользоваться плугом¹⁷. Специалисты неоднократно отмечали «полезность введения в русское хозяйство китайской культуры», однако российские крестьяне—переселенцы осваивали процесс очень медленно. Это объясня-

лось рядом причин: во-первых, особой трудоемкостью китайской агротехники; во-вторых, покровительственной политикой правительства, стремившегося помочь переселенцам с помощью завышенных цен на зерно и субсидий; в-третьих, консерватизмом самих переселенцев, логично проистекавшим из первых двух причин, а также из высокомерного отношения к «желтым»¹⁸.

Другим направлением китайского земледелия на российском Дальнем Востоке было промышленно-сырьевое. Китайские земледельцы выращивали зерновые культуры: пшеницу, ячмень, гаюлян, чумизу, кукурузу и мак для производства ханшина и опиума. Они арендовали землю у русских казаков и крестьян по сравнительно высокой цене. В российском законодательстве не было статьи, запрещающей производство опиума, существовали лишь инструкции и распоряжения, ограничивавшие ввоз и вывоз опиума из страны: продажа его разрешалась лишь в аптеках по рецептам врачей. В Уссурийском крае опиум появился в 70-х годах XIX в. прежде всего в Ханкайском и Уссурийском районах, затем по реке Сучан и в верховьях Уссури, производство его с каждым годом увеличивалось. В 1897 г. из Приморской области в Китай вывезли 200 пудов опиума. Большинство опиумных и винокуренных предприятий находились вдали от русских поселений. Здесь китайцы самовольно захватывали лучшие участки плодородной земли и без уплаты налогов русским властям занимались производством и торговлей опиумом и ханшином. В Уссурийском крае постоянно могло находиться около 20 тыс. китайцев, занимавшихся земледелием¹⁹.

Парусный морской каботаж был весьма распространенным видом деятельности китайцев на российском Дальнем Востоке. Китайский каботаж в Уссурийском крае особенно развивался в заливе Петра Великого (в районе Посыет и зал. Америка). Китайские судовладельцы занимались перевозкой грузов между портами Приморской области. Китайский парусный каботажный флот в Приморье начал развиваться в 60–70-х годах XIX в. Главным пунктом его базирования были гавани в заливе бухты Ольги, куда ежегодно с наступлением весны приходили из Северо-Восточного Китая целые флотилии китайских шаланд и парусных судов грузоподъемностью до 10 т. В порту под названием «Кошка» скапливалось до 500–800 китайских джонок, выкрашенных в черный цвет. Китайцы привозили традиционные товары: масло бобовое (растительное), ханшин, табак, чай, соль, шелк и другие, которые выменивали на морепродукты (морскую капусту, трепанги, морские гребешки, крабы), а также женьшень, меха и другие предметы промысла китайских мигрантов и аборигенов населения Приамурья. Некоторые суда увозили закупленные предметы приморского промысла в Китай, другие оставались на лето в Приморье для каботажных работ. В конце 70-х годов XIX в. после перенесения торгового порта из Николаевска во Владивосток и особенно с вводом в эксплуатацию Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог при помощи государства стал создаваться русский каботажный флот. Так как в течение длительного времени он не мог обеспечивать прибрежные перевозки, широко использовались иностранные, в том числе китайские каботажные суда²⁰. В 1902 г. только потребности Владивостокского порта обслуживали 300 китайских шаланд и 750 шампунок²¹.

По существовавшему закону в России каботажное плавание разрешалось только русским судам. Однако в 1888 г. царское правительство, учитывая особое положение Приморской области, предоставило военному губернатору право самому давать разрешение иностранным судовладельцам на каботажные рейсы до создания русского каботажного флота. В 1909 г. последовало указание разрешать иностранным судам каботажные рейсы только в исключительных случаях, в 1910 г. Государственная дума подтвердила запрещение. По данным управления Владивостокского торгового порта, в 1899 г. работало 8 русских и 9 иностранных судов, в 1909 г. — 13 русских судов и 9 иностранных. В 1909 г. русские каботажные суда совершили 207 рейсов, иностранные — 23. Большинство китайских парусных судов занималось прибрежными перевозками без всяких раз-

решений и даже без уплаты пошлины²². В 1913 г. был совершенно запрещен китайский труд в парусом каботаже, обусловленный борьбой с «желтым трудом» во всех отраслях хозяйства Дальнего Востока России²³.

В период Первой мировой войны, когда российский речной транспорт на Амуре оказался в сложных условиях, активизировалось китайское судоходство. Уже в 1915 г. китайское предприятие Гуаньсинь гунсы организовало рейсы грузового колесного парохода. С марта 1916 г. китайские предприниматели приобрели за бесценок 25 русских пароходов. В связи с этим российское правительство приняло закон, согласно которого продажа и сдача в аренду русских речных пароходов китайцам допускалась лишь с «особого разрешения министра путей сообщения, даваемого им по предварительному соглашению с морским министром и министром иностранных дел»²⁴.

Китайские мигранты активно занимались извозом. Русское население обращалось с ходатайствами о воспрещении китайским и корейским подданным заниматься извозом, так как они составляли серьезную конкуренцию. В 1912 г. по распоряжению Приморского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти были изданы особые правила для извоза, которые устанавливали определенные ограничения для иностранцев в занятии извозом, но они были недостаточными. На основании существовавших договоров России с Китаем (1860 г, 1881 г.) китайские подданные не пользовались правом наибольшего благоприятствования. Российские меры по стеснению китайского населения вызывали протесты в Китае. Китайское правительство с большой настойчивостью стремилось получить от России это право, прибегая к репрессиям против русских подданных в Китае²⁵.

На протяжении полутора десятков лет китайские отходники вели промыслы золота на о-ве Аскольд. Ежегодно сюда прибывало до 1 тыс. чел. золотоискателей. Старатели хорошо финансировались крупными китайскими предпринимателями. В 1867–1868 гг. администрация Приморской области приняла меры к запрещению промыслов китайцев на острове. Однако в апреле 1868 г. китайские старатели оказали вооруженное сопротивление военному судну «Алеут», которое было послано на прекращение несанкционированных китайских промыслов²⁶. В Амурской области широко была распространена практика сдачи золотоносных площадей в аренду китайским предпринимателям²⁷.

Значительное количество китайцев промышляло в тайге охотой, сбором женьшеня и других лекарственных трав. В Уссурийском крае главными организаторами добычи пушного зверя, прежде всего соболя, были крупные китайские фирмы, которые нанимали охотников из числа китайцев и коренного местного населения. Богатые китайские купцы Чжан Цза, Ян Халин, Чу Ганфа и другие постоянно проживали в Нингуте и вели торговлю с крупными фирмами Шанхая, Тяньцзиня и других городов Китая. Они имели промысловые фанзы в Южно-Уссурийском крае в долине р. Цимухе (Шкотовки). Китайские купцы, нанимая промысловиков у себя на родине, отправляли их поодиночке или партиями во главе со своими агентами — цайдунами на промысел в Уссурийский край. Китайские мигранты, завербовавшись на промысел, попадали, как правило, в долговую кабалу к своим хозяевам и долгие годы работали на них, получая мизерную плату за свой изнурительный труд. Крупными содержателями пушного промысла являлись торговые фирмы во Владивостоке, Никольск-Уссурийске и Хабаровске. В начале XX в. в Уссурийской тайге ежегодно промышляли до 50 тыс. китайцев, в сезон добывалось 100–150 тыс. соболей.

В Уссурийском крае и на Амуре одним из распространенных китайских промыслов была охота на диких животных (оленья, изюбра, кабаргу). Важнейшим промыслом охоты был пантовый. Хорошие панты по лечебным свойствам не уступали женьшеню и имели большой спрос. Помимо важного вида китайского промысла — охоты на пушного зверя, китайцы охотились также на белку, енота, барсука, медведя, тигра, выдру и других диких животных. Учитывая, что в конце XIX в. соболь стоил 40 руб., белка — 50 коп. за штуку, кабарга 4 руб. за голову, общий доход охотника составлял до 2 тыс. руб. за сезон.

Китайский промысел был нелегальным. Охота велась варварским способом при помощи лудев и ям, наносившем огромный ущерб животному миру региона²⁸.

Прибыльным промыслом, которым наиболее часто занимались иностранцы, прежде всего китайцы, были лесозаготовительные работы. Строевой и корабельный лес вывозился в китайский город Хуньчунь. Китайцы вытесняли российских лесоторговцев с рынка, но сами, ссылаясь на льготы, зафиксированные Пекинским договором 1860 г. (они предоставлялись только тем китайцам, кто поселился до 1860 г.) не желали платить налоги²⁹.

После утверждения 21 июня 1910 г. «Закона об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоявших в иностранном подданстве», русские власти усилили борьбу с китайской нелегальной деятельностью в Уссурийском крае. Были образованы новые лесничества, усилена лесная стража, стали проводиться частые проверки китайского населения, безбилетных регулярно высылали за границу. По свидетельству В.К. Арсеньева, эта борьба дала определенные результаты: многие китайские земледельцы оставили свои заимки и отправились на родину. Зверовщики также стали оставлять свои фанзы в тайге и уходили за границу³⁰.

Добыча женьшеня в Уссурийском крае являлась одним из наиболее распространенных видов промысла. Ежегодно из Северо-Восточного Китая в Уссурийский край приезжало до 800–1000 китайцев для сбора женьшеня³¹. В Китае, как и во всех странах Восточной Азии, женьшень издавна известен в качестве исцеляющего средства. В 90-х годах XIX в. в Уссурийском крае добывалось около 50 пудов женьшеня на сумму 550 тыс. руб. В начале XX столетия поиском женьшеня занималось уже около 30 тыс. китайцев. Они добывали около 4 тыс. корней. Один фунт женьшеня стоил 250–270 руб. Добыча женьшеня китайцами велась хищническим способом, что вело к его резкому истощению в регионе. Среди китайских таежных промысловиков были также искатели жемчуга. Местами его добычи были реки Бикин, Иман, Ваку, Нотто, Дау-бихэ и др. В течение летнего сезона один ныряльщик мог добыть до 120 жемчужин. Среднее зерно речного жемчуга оценивалось от 30 до 50 руб., а крупное — от 150 до 200 руб. В XIX в. в Приморье китайцы добывали до 5 тыс. жемчужин в год.

С 60-х годов XIX в. весьма распространенным занятием китайских мигрантов в Уссурийском крае являлся морской промысел — лов трепангов, морской капусты, морского гребешка и крабов. Район лова охватывал все побережье края от границы с Кореей на юге и до бухты Терней на северо-востоке. Лов трепангов, из которых готовились изысканные блюда китайской кухни, а также лекарственные препараты (китайцы называют трепангов морским женьшенем), велся в основном у побережья и закрытых бухтах залива Петра Великого. В 90-х годах XIX в. здесь ежегодно действовало более тысячи китайских джонок. За сутки экипаж джонки (2–3 ловца) вылавливал в среднем 120 трепангов (около 6 фунтов сухого продукта). Фунт сухих трепангов на рынке во Владивостоке стоил 70 коп., в Китае — 1 руб. 50 коп.

Китайские промысловики добывали морскую капусту на морском побережье Уссурийского края и на о-ве Сахалин. Добыча морской капусты в Уссурийском крае в 1874 г. составляла 138,3 тыс. пудов. В 1876–1885 гг. только из Владивостока в Китай вывозилось в среднем по 150 тыс. пудов морской капусты в год на сумму 113 тыс. руб. Всего из Уссурийского края и с Сахалина вывозилось в Китай до 500 тыс. пудов морской капусты в год, капуста могла сбываться в Шанхай³². Из Владивостока ежегодно вывозилось в Китай, главным образом в порт Нючжуан (Инкоу) около 420 тыс. пудов морской капусты на сумму более 106 тыс. руб.³³

Партии сборщиков морской капусты предварительно формировались крупными китайскими предпринимателями в городах Хуньчуне, Гирине, Саньсице, Нингуге. Там же представителями китайской администрации с промысловых артелей брался налог за

добычу морской капусты на российской территории. Численность промысловых артелей была в пределах от 20 до 100 чел. В бухте Экспедиция находились склады промысловых снастей и лодок. Вся добытая капуста вывозилась морским путем на китайские рынки. Стоимость одного пуда этого продукта в Китае составляла 1–1,4 руб. С каждого пуда добытой капусты китайцы платили в российскую казну 7 коп. К началу XX в. в результате истощения промыслов, добыча морской капусты китайцами на побережье Приморской области значительно сократилась, что вызвало повышение цен на нее в Китае до 12–15 руб. за пуд³⁴.

Торговля морской капустой была начата еще в 1865 г. первым жителем города Владивостока купцом Л. Семеновым. 21 января 1879 г. Владивостокская городская управа докладывала военному губернатору, что «вывоз морской капусты за границу составляет единственный источник материального благополучия в экономическом быте Владивостока. Управа просила, чтобы иностранные суда не вывозили ее за границу иначе, как из гавани Ольги, Владивостока и Посъета. Сбор за взвешивание морской капусты на общественных весах в этих местах должен идти в пользу городских сборов Владивостока»³⁵. В 1890-е гг. на ввозимую иностранцами морскую продукцию стали вводиться пошлины. С 1905 г. были запрещены для иностранных предпринимателей морские промыслы вблизи Владивостока, а в 1908 г. иностранцам (как хозяевам, так и рабочим) был полностью воспрещен морской промысел в зал. Петра Великого³⁶. В начале XX в. Владивостокское Китайское соляное бюро занималось регулированием транспортировки соли, добываемой в окрестностях Инкоу и переправлявшейся транзитом через Уссурийский край в Гиринскую и Хэйлуцзянскую провинции³⁷.

Согласно данным Канцелярии Приамурского генерал-губернаторства, в конце 90-х годов XIX в. выработывались и обсуждались меры по ограничению хозяйственной и торговой деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке России. Среди этих мер можно упомянуть следующие: 1. Наложить пошлины на все товары, идущие транзитом через Уссурийский край в Китай; 2. Налог на всех проживающих в крае китайцев; 3. Стеснение китайцев в эксплуатации различных государственных имуществ: землю, лесом, рыбным, трепанговым, капустным, грибным промыслами, добычей золота и т.д. 4. Воздействие Русско-Китайского банка³⁸.

В 1912 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти решил принять к проживавшим в г. Владивостоке подданным меры, введенные в городе Хабаровске. Китайцы, жившие в самом городе, должны быть выселены за городскую черту. В городе имели право проживать китайские подданные, состоявшие в качестве приказчиков торговых домов I и II гильдии, а также промышленные учреждения 1, 2, 3 и 4 разрядов не более двух лиц на каждое заведение. Принятые меры являлись не нововведением, а лишь «исполнением Высочайшего повеления от 29 сентября 1902 г.», в силу которого во всех городах Приамурского края образуются особые кварталы для проживания тех иностранцев, антисанитарные условия жизни которых вызывают необходимость надлежащего за ними надзора. На основании этого в 1902–1903 гг. были образованы такие кварталы в Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре и Никольск-Уссурийском. Для китайцев и корейцев, не имевших постоянных торговых и промышленных предприятий в крае, зимой 1912 г. такой же квартал был образован во Владивостоке. Мера это была направлена на очищение торговой части города от бродячего элемента³⁹.

Проживала диаспора в центральной части города — знаменитой с исторической точки зрения «Миллионке» — кварталов, расположенных на берегу Амурского залива и граничивших с улицей Алеутской, где с конца XIX в. селились китайцы, прибывавшие на постоянное жительство и на временные, сезонные работы. Центром жизни диаспоры был район, прилегавший к ул. Семеновской. Здесь располагалось множество китайских учреждений, магазинов, мелких лавок, прачечных, ресторанчиков, парикмахерских, бань, мастерских, театров, были сосредоточены помещения многочисленных гадальщи-

ков и разных специалистов, преимущественно по восточной медицине, более 150 дешевых харчевен, где питались и русские. В начале улицы размещался один из самых известных городских базаров, где шла торговля разными товарами, в том числе и контрабандными. Торговали свежей рыбой и морепродуктами, доставляемыми со стоявших в Семеновском ковше лодок и шаланд⁴⁰.

Согласно российским данным, в 1879 г. во Владивостоке проживало 1198 китайца, в 1884 г. — 3000 чел.⁴¹ По сведениям китайского генерального консула во Владивостоке, в 1910 г. в городе насчитывалось 50 тыс. китайцев, из которых 40 тыс. чернорабочие, не имевшие определенного местожительства и ютящихся на ночь у своих соотечественников⁴². В 1912 г. китайских подданных во Владивостоке, занимавшихся торговлей и промыслами, насчитывалось более 20 тыс. чел.⁴³

Как считал В.К.Арсеньев, «желтый вопрос» до тех пор не будет разрешен, пока все китайское население не будет разделено на четыре категории, т.е. дифференцированный подход: 1) китайские охотники и звероловы; 2) китайцы — арендаторы земель у русских крестьян; 3) китайские рабочие (кули) на заводах и в различных промышленных предприятиях; 4) китайские купцы в городах, селах и деревнях.

Первую категорию — китайских охотников и звероловов надо выселять из тайги как хищников и браконьеров независимо от их национальности. Вторая — китайцы-арендаторы земель у русских крестьян (заемщики). Этот вопрос очень серьезный и сложный. Здесь есть и положительная сторона, и отрицательная. Которая из этих сторон окажется преобладающей, зависит от того, кто интеллигентнее — китаец-заемщик или русский-земледелец. Если бы наш крестьянин был так же развит, как английский фермер, то китаец — арендатор находился бы у него в положении простого работника. К сожалению, у русских крестьян мы видим совсем другое. Арендатор-китаец сплошь и рядом культурнее и образованнее своего хозяина. С этой стороны русскому переселенцу грозит опасность. Сдача земли в аренду китайцам особенно широко практиковалась среди уссурийских казаков, что В.К.Арсеньев считал большим злом. У русских переселенцев и уссурийских казаков китайцы должны быть только как рабочие, а не как арендаторы. Арсеньевские предложения, предусматривавшие дифференцированный подход к китайцам, планомерность и системность мер, были учтены краевой администрацией⁴⁴.

В целом политика дальневосточной администрации по отношению к хозяйственной деятельности китайских мигрантов определялась ее характером и значимостью в развитии экономики региона. Наряду с мероприятиями охранительного порядка, запрещавшими различные нелегальные промыслы (вывоз леса за границу, браконьерские способы охоты, разработку золотосодержащих россыпей, производство и продажу ханшина и др.), местные власти предпринимали попытки обложения легальных видов промыслов особыми налогами и сборами (5 коп. золотом с каждого добытого пуда морской капусты, от 5 до 15 руб. с каждого каботажного судна и т.п.). 7 июля 1915 г. царем был утвержден Законопроект о мерах борьбы с развитием опиокурения на Дальнем Востоке. Одновременно приамурская администрация проводила политику ограничения легальных занятий, вплоть до полного запрещения (каботажа, запрещение «желтого труда» на казенных предприятиях и аренды казенной земли и др.)⁴⁵.

Подводя итог, можно констатировать, что предпринимательство, земледелие, промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России в конце XIX-начале XX в. можно оценивать в соответствии с той ролью, которую они сыграли в процессе его хозяйственного освоения. Мелкое предпринимательство, земледелие, огородничество в определенной степени восполняли недостаток в товарах и предметах первой необходимости, содействовали обслуживанию населения. В этой сфере происходило взаимовлияние материальных культур россиян и китайцев. Расхищение же природных ресурсов китайскими промысловиками, контрабанда, распространение ханшина и опиума наносили существенный финансовый ущерб региону, сдерживали отечественное производство, под-

рывали здоровье населения, замедляли заселение края. В зависимости от характера деятельности китайских мигрантов легальной или нелегальной проводилась политика дальневосточной администрации, нацеленной на защиту национальных интересов и в то же время соблюдения норм международного права, развитие экономических отношений соприкасающихся территорий России и Китая.

1. *Позняк Т.З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004. С. 115, 136.
2. *Галлямова Л.И.* Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX — XX вв. (по данным анкетирования 1904 г.) // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1999. С. 108–109.
3. *Позняк Т.З.* Указ. соч. С. 144.
4. *Романова Г.Н.* Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 95–96; *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 57.
5. *Аленко А.* Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX — начале XX вв. // Пробл. Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 140–141; *Нестерова Е.* Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 20–21; *Инь Цзяньпин.* Цзаоцидэ Сиболия дуйвай цзинцизи лянсьи [Ранние внешнеэкономические связи Сибири]. Харбин, 1998. С. 128.
6. *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 55–57; *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический. Хабаровск, 1914. С. 131–137; *Ларин А.Г.* Китайцы в России. М., 2000. С. 17; *Он же.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 26; *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 54–55, 86.
7. РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 69. Л. 123.
8. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дишюй шицзичжи цзяоцзю цжун-э гуаньсьи [Китайско-русские отношения на Дальнем Востоке за вековой период]. Харбин, 2000. С. 91.
9. *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Омск, 1999. С. 49.
10. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 58–59.
11. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 17–18.
12. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 32.
13. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дишюй шицзичжи... С. 113; *Граев В.В.* Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 45.
14. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 59.
15. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 69–70.
16. *Сорокина Т.Н.* Указ. соч. С. 59, 162.
17. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 19, 27.
18. *Ларин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня... С. 28; *Он же.* Китайские мигранты в России... С. 32.
19. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 139 —142; *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке... С. 59–60.
20. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 57–58; *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России: История и современность. М., 2009. С. 30–31.
21. *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2000. С. 30.
22. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 58.
23. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 16.
24. *Аленко А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 303–304.

25. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 041. Л. 1, 8–9.
26. *Алепко А.В.* Указ. соч. С. 228.
27. *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск, 2003. С. 85; *Затеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке... С. 18.
28. *Романова Г.Н.* Экономическая деятельность китайцев на российском... С. 98–99; *Надаров И.* Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884. С. 24–26; *Ващук А.С., Черналуцкая Е.Н., Коралева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 39; *Ситиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке... С. 35.
29. *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке... С. 18.
30. *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток, 2004. С. 274; *Соловьев Ф.В.* Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток. 1973. С. 138.
31. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дишюй шицзичжи... С. 91.
32. *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 60–67; *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 18; *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 38, 50, 70, 79; *Сорокина Т.Н.* Указ. соч. С. 95.
33. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М., 1987. С. 76.
34. *Алепко А.* Экономическая деятельность китайцев... С. 137; *Петров А.И.* История китайцев в России. 1856–1917 гг. СПб., 2003. С. 444–448; *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дишюй шицзичжи... С. 91.
35. *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк... 70, 118–119.
36. *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России... С. 55–56.
37. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторстве. 1912–1916 гг. Оп. 579. Д. 108. Л. 22–24; Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 41. Л. 1–2.
38. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 430. Л. 34.
39. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 737. Л. 1, 2, 4; *Граве В.В.* Китайцы, корейцы, японцы... С. 24–127; *Сорокина Т.* Китайские кварталы дальневосточных городов (конец XIX–начало XX в.) // Диаспоры. М., 2001, № 2–3. С. 68; *Друзьяка А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск. 2010. С. 47.
40. *Шетудько В.О., Буюков А.М., Чернамаз В.А.* Органы внутренних дел Приморья 1860–1917 годы). Владивосток, 2004. С. 144, 209; *Петров А.И.* История китайцев в России... С. 125–126.
41. *Чжан Цзунхай.* Юаньдун дишюй шицзичжи... С. 92.
42. *Граве В.В.* Китайцы, корейцы, японцы... С. 125.
43. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 737. Л. 3.
44. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 197–198; *Дубитина Н.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 110–111.
45. *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских... С. 230, 245–246, 250.

Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.)

© 2013

Д. Якимова

В статье рассматривается японская политика в области образования и воспитания, проводившаяся в колониальной Корее в 1910–1945 гг. в рамках курса культурной ассимиляции корейского народа. Особенное внимание уделяется курсу японского руководства в отношении исторического образования в Корее. В статье затрагиваются предпринятые японской администрацией изменение школьных учебников по истории, умышленная фальсификация исторических фактов, запрещение использования корейского языка, изменение на японский лад корейских имен и фамилий. Затронута тема создания японским руководством «Присяги подданных Японской империи» и «Гимнастики для подданных империи» с целью укрепления физического и морального духа корейцев.

Ключевые слова: ассимиляция, общая культура, общая раса, единый организм, подданные, изменение содержания учебников по истории Кореи, распространение японского языка, искоренение корейской культуры, изменение корейских имен и фамилий, Присяга подданных Японской империи, Гимнастика подданных империи.

Япония аннексировала Корею в 1910 г., и ее колониальное господство сохранялось вплоть до окончания Второй мировой войны. В отличие от Великобритании, проводившей в отношении Индии, Бирмы и других заморских колоний линию на их отдельное от метрополии развитие, правительство Японии провозгласило приоритетной задачей своей политики в Корее превращение корейцев в подданных Японской империи. На начальном этапе своего колониального правления Япония проводила политику, которая применялась ею ранее в отношении населения островов Рюкю и коренных жителей Японии айнов.

Большинство мер было направлено на искоренение национальной культуры корейцев, но превращение их в полноправных подданных Японской империи так и не произошло. В инструкции генерал-губернатора Тэраути Масатакэ (занимал этот пост в 1910—1916 гг.) от 2 октября 1910 г. губернаторам всех корейских провинций было указано: «Добиваясь реального развития Кореи, избегая при этом пустословия, необходимо содействовать повышению жизненного уровня и общественного положения народа, переживающего перемены...»¹. В качестве политической программы по управлению аннексированной Кореей были выдвинуты следующие пункты.

1. Хорошее обращение с бывшей королевской четой Ли.
2. Участие представителей корейской нации в государственном управлении.
3. Обеспечение общественной безопасности.
4. Поддержание стабильности общественного мнения.

5. Приведение в хорошее состояние транспортных средств.
6. Развитие производства, особенно сельского хозяйства.
7. Приведение в хорошее состояние медицинских учреждений.
8. Развитие образования.
9. Обеспечение свободы вероисповедания, в частности, христианства².

Хотя японское руководство и провозгласило курс на «японизацию» Кореи и превращение корейцев в полноправных подданных империи, коренные японцы с пренебрежением относились к выходцам с Корейского полуострова, и фактически они были бесправными.

До окончания Второй мировой войны корейцы считались субъектами Японской империи того же происхождения, что и японцы. Понятие японская нация «Yamato (Nihon) minzoku» подразумевает не просто кровное родство, а более широкий круг уз, связанных с культурой — таких как язык, религия и история. Императорский эдикт от 1910 г. (43-го года Сёва) гласил: «С этого дня народ Корейской империи становится подданными Японской империи»³. Однако действительно ли корейцы считались такими же субъектами империи, как сами японцы? В большинстве японских официальных документов корейцы обозначались как подданные, а термин «национальные субъекты империи, народ» употреблялся только в отношении японцев или в тех случаях, когда подчеркивалась идея о превращении корейского народа в полноправных подданных Японской империи (kokuminka). Пожалуй, ответ на вышеприведенный вопрос можно получить из статьи, опубликованной спустя месяц после аннексии в выходившей в Сеуле японской газете «Keijō shinbō». В ней говорилось: «После аннексии Корейский полуостров вошел в состав Японской империи. Корейский народ стал рассматриваться как подданные империи (teikoku no shinmin). Но мы не можем признать то, что корейцы, став субъектами империи, превратились в японцев»⁴.

Реально в Японии считается, что национальная принадлежность зависит не от того, говорит ли человек на японском языке или воспринял ли он японскую культуру — главное, чтобы в его жилах текла «японская» кровь. Японец лишь тот, кто японец по крови. С другой стороны, Японская империя могла манипулировать принадлежностью к своей нации, принимая в нее другие народы, что и произошло в случае с Кореей. Однако представители этих народов все равно расценивались как «второсортные» японцы.

В день аннексии Кореи во всех газетах и журналах Японии с пафосом сообщалось о присоединении к империи корейского народа. Более того, в это время была выдвинута идея о том, что именно выходцы с Корейского полуострова дали начало японской нации. Иными словами, аннексия Кореи Японией изображалась как «воссоединение двух братских народов»⁵. По словам профессора Токийского университета Фудзивара Кинити, «японская двухъярусная конструкция, состоявшая из метрополии и колонии, не предусматривала четкого отграничения метрополии от колонии. Такая структура, где изменениям в метрополии предшествовали изменения в колонии, демонстрировала не только отношения господства и подчинения, но и сложную систему взаимозависимости»⁶.

В конце 1942 г. владения Японской империи простирались от Соломоновых островов до границ Бирмы и Индии и от влажных тропических лесов Новой Гвинеи до ледяных берегов Атту и Киска. В этой ситуации стало необходимым как-то оправдывать колониальные захваты Японии. Для этого использовалось понятие («общая культура, общая раса»), сформулированное еще в период Мэйдзи (1867–1912 гг.). Обосновывалось это понятие тем, что японцы и их соседи в Северо-Восточной Азии (Корея) пользовались общей системой письма, их объединяли общие религиозные и философские традиции. Однако когда японская империя стала захватывать более отдаленные территории в Юго-Восточной Азии, идеология, основанная на понятии «общая культура», уже не годилась, так как народы Юго-Восточной Азии не очень близки к японцам в культурном и этническом плане. Чтобы ликвидировать это противоречие, министр иностранных дел Японии

Арита Хатино (1938–1939, 1940) в своей резолюции от 29 июня 1940 г. изложил пересмотренную идеологическую концепцию, которая основывалась на географической, исторической, этнической и экономической близости между Восточной Азией и Юго-Восточной Азией. В том же году новый министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ (1940–1941) выдвинул концепцию «Сферы Сопроцветания в Великой Восточной Азии» («Dai Tōa Kūbeiken»), подчеркивая не только культурную, но и экономическую взаимосвязь между Восточной и Юго-Восточной Азией⁷.

Для выражения моральных основ ассимиляции использовалось понятие «*isshi dōjin*» («отношение ко всем как к братьям»), берущее свое начало в конфуцианских традициях справедливости и равенства⁸.

Образовательная политика, проводимая японским руководством в Корее, была инструментом ассимиляции и японизации корейского народа. Японцы стремились стереть культурную идентичность корейцев и навязать им новые ценности и ориентиры, среди которых главное место занимала преданность Японской империи. Для того, чтобы изменить историческое сознание корейского народа, японское руководство пошло на изменение содержания учебников по истории. В новых учебниках упор делался на вечное зависимое состояние корейского государства, Корея представлялась «большим человеком» в регионе Восточной Азии. Особо подчеркивалась «цивилизаторская» миссия Японии на Корейском полуострове.

Япония использовала ассимиляционный подход для объединения колонизированных народов. Создание империи должно было начинаться с доминирования Японии над Кореей. Культурная и этническая близость между японцами и представителями захваченных государств, за исключением жителей островов Тихого океана, давала возможность предполагать, что колонизатор и колонизированные народы могут объединиться в рамках Японской колониальной империи. Эта концепция была окончательно сформулирована в доктрине ассимиляции «дока». Особенностью японской политики по ассимиляции стала насильственная «японизация», доходившая до крайностей, и отсутствие гарантий социально-политического равенства. Японское руководство проводило политику по ассимиляции населения Кореи под девизом «Корея и Япония — единый организм» («*naisen ittai*»).

Прежде всего, японское руководство делало упор на культурную и образовательную ассимиляцию. Первый закон «О постановке дела народного образования в Корее» был издан 1 ноября 1911 г.⁹ Согласно этому закону образование подразделялось на начальное, промышленное и профессиональное. В курс начального образования входило изучение национального, т.е. японского, языка, и усвоение общепринятого нравственного кодекса, т.е. почитания императора Японии и преданности ему. На этом этапе ученики также приобретали личные качества, необходимые представителю японской нации. Целью промышленного образования было приучение детей к усердному труду, а профессиональное образование предназначалось для желающих специализироваться в различных отраслях знаний: медицине, юриспруденции и сельском хозяйстве. Надворный советник Российской империи Чиркин в своем донесении от 3 ноября 1911 г. так охарактеризовал задачу нового закона об образовании: «Корейский народ должен усвоить ту истину, что благоденствие страны, неразрывное с процветанием Империи (Японской империи), поконит на образовании последующих поколений, и должен стремиться воспитывать своих сыновей и дочерей... дабы открыть им путь к достойной и полезной деятельности»¹⁰.

Курс генерал-губернатора Кореи Тэраути Масатакэ в области образования был направлен на воспитание корейцев как полноправных подданных японской империи, преданных императору, таких же, как и японцы¹¹. Образовательная политика Японии в Корее была нацелена на использование всех возможностей общего и промышленного образования, тогда как считалось, что «с высшим образованием нет необходимости спе-

шить». Закон «о специальном образовании» был утвержден в 1915 г., а университеты были запрещены до 1924 г. Генерал-губернатор Тэраути чинил всяческие препятствия движению за создание Корейского национального университета¹². Он придавал большое значение начальному и промышленному образованию. Таким предметам начальной школы, как основы сельского хозяйства и торговли, был придан статус обязательных. По словам генерал-губернатора, некоторые корейцы, «питая отвращение к физическому труду... занимаются пустым теоретизированием. Отныне необходимо добиваться искоренения пагубной склонности к праздному времяпрепровождению и воспитать хорошие привычки — такие как усердие и бережливость»¹³.

Японское правительство прилагало большие усилия к распространению японского языка в Корее в качестве государственного. В начальных школах обучение велось по учебникам, написанным на японском языке. Большая часть популярной литературы была переведена на японский язык и продавалась по низкой цене.

Следует отметить, что на начальном этапе распространение японского языка не было связано с ликвидацией корейского алфавита. Среди предметов, по которым были изданы учебники на государственном (японском) языке, были учебные пособия по истории и географии Кореи, составлявшие один объединенный предмет. В то же время книги на китайском и корейском языках были представлены только кратким изложением географии Кореи. В пятой статье «Закона об образовании» регламентировалось, что «общее образование, даруя общие знания, в особенности развивая качества, присущие преданному народу, нацелено на распространение государственного языка»¹⁴. Согласно данной статье, японский язык, некогда бывший для корейцев иностранным языком, стал теперь государственным и «способствует воспитанию духа по-настоящему преданного народа». Поэтому учебники для общеобразовательных школ были составлены на государственном языке, а книги, написанные на корейском и древнекитайском языке, выводились из обращения. В 1940 г. был введен запрет на использование корейцами родного языка. Кроме того, была предпринята акция "соси каймэй" ("создание фамилий и изменение имен") — вместо корейских фамилий корейцам присваивались японские фамилии, а корейские имена переименовывались на японский лад: иероглифам, использовавшимся для написания корейских имен, давалось японское чтение. Помимо этого, предпринимались меры по внедрению в среде корейцев японской одежды, кухни и японских национальных обычаев. Деятельностью по искоренению корейской культуры занимались полиция и руководимые ей "кёвакай" — "ассоциации согласия"¹⁵.

Самое первое распоряжение генерал-губернатора сразу после аннексии Кореи касалось содержания школьных учебников. Каждой государственной и частной школе были выданы новые книги. Это было неотложной мерой, направленной на то, чтобы избежать в учебных пособиях упоминаний о бывшей Корее даже в отдельных фразах и словах. Исправление учебников было завершено до конца марта 1911 г., и уже с апреля этого года полностью отредактированные учебники были переданы учащимся¹⁶.

После кровавого подавления выступлений за освобождение Кореи в 1919 г. по приказу генерал-губернатора были внесены некоторые поправки в «Закон об образовании». Прежде всего, со следующего года срок обучения в общеобразовательной школе составлял уже не четыре года, а шесть лет, и согласно новой шестилетней программе для корейских детей в качестве школьного предмета впервые была введена история. Этот предмет состоял из трех дисциплин: история Японии, история взаимоотношений Японии и Кореи и «прошлое Кореи»¹⁷.

По словам начальника отдела по редактированию учебников Управления генерал-губернатора Ода Сэйго, «цель обучения прошлому Кореи — это разъяснить великий смысл аннексии Кореи, то, что аннексия явилась неизбежным результатом всей корейской истории»¹⁸. Новое историческое образование для корейских детей представляло собой завуалированную попытку реформировать историческое сознание корейцев. Извест-

ный российский кореевед М.Н. Пак так охарактеризовал действия Японии: «Сознавая недостаточность одних полицейских репрессий... японские колонизаторы вознамерились противопоставить... поток «исследований», фальсифицирующих историю Кореи...»¹⁹. Было создано специальное «Общество по составлению истории Кореи» при генерал-губернаторе. Японское руководство стремилось представить аннексию Кореи как закономерный итог всей ее предыдущей истории.

В этот период появилась идея о вечном зависимом положении Кореи, отрицался самостоятельный характер ее развития. Следующим шагом стало объединение указанных трех дисциплин в один курс по изучению «истории родного края» (kyodoshi). Термин «kyodoshi» означает историю одной местности, малой родины, места рождения. Корейский полуостров рассматривался как одна из территорий Японской империи. Применительно к истории Кореи это было для корейцев оскорбительным, так как историю Корейского полуострова отделяли от всеобщей истории.

Японское руководство стремилось произвести коренной переворот в сознании корейского народа. Преподавание истории должно было внедрить в сознание корейцев взгляды японских правящих кругов на суть колониального господства Японии в Корее. Необходимость составления новой учебной литературы по истории Кореи возникла в связи с переходом от «управления силой» к «культурному управлению»²⁰. Однако это был не более чем маневр, направленный на эффективное привитие корейскому народу того понимания истории, которое было выгодно японскому руководству. По словам одного из школьных преподавателей, «в какие бы времена на Корею ни нападала другая страна, Корея никогда не ощущала полной самостоятельности. Поэтому в содержании истории Кореи упор делается на ее вечное состояние зависимости от Китая и на то, что во все времена и особенно на момент аннексии она находилась в состоянии застоя»²¹.

Японская администрация использовала и религию в качестве инструмента для осуществления культурной ассимиляции корейского народа. Сразу после аннексии в Корее была провозглашена свобода вероисповедания, но уже в январе 1935 г. было официально объявлено о линии японского руководства на распространение в Корее синтоизма. Первый инцидент в связи с нарушением свободы вероисповедания произошел 14 ноября 1935 г. В этот день вновь назначенный губернатор корейской префектуры Пхёнаннандо Анбу Тёкуфуси созвал на совещание директоров средних школ, а перед этим приказал всем участникам совещания посетить синтоистский храм в Пхеньяне. Директор профессиональной школы Снук, директор школы для девочек МакГюн и другие отказались идти в храм. Как сообщалось в «Вестнике Восточной Азии», «начальник департамента образования заявил, что посещение синтоистских храмов является обязательным для всех подданных Японской империи, а школы, администрация которых отказывается обеспечить посещения храмов учащимися и учителями, будут закрыты»²². 2 января 1936 г. у МакГюна и Снука и других директоров школ отобрали разрешения на руководство учебными заведениями. После этих событий принудительное посещение синтоистских храмов и закрытие школ в случае отказа от посещения стали в Корее правилом.

В целях воспитания корейцев в духе патриотизма 2 октября 1937 г. была принята «Присяга подданных Японской империи». Вот как она звучала:

«1. Мы, подданные империи, проявляем преданность и воздаём хвалу государю и отечеству.

2. Мы, подданные Японской империи, сплотившись в своих помыслах и объединив свои сердца, сохраняем верность Его Величеству Императору.

3. Мы, подданные империи, воспитав в себе стойкость и упорство, прославим императора. Проявив твердость и решительность, мы станем достойным и сильным народом»²³.

В то же время, когда была составлена «Присяга подданных империи», Комитет по физической культуре Кореи по заказу Управления образования разработал «Гимнастику для подданных империи». Она должна была служить «поднятию морального духа корейского народа, преданного империи и императору». Гимнастика была создана на основе боевых искусств как комплекс ежедневных упражнений для закаливания души и тела. Она была направлена на привитие определенных убеждений — таких как кодекс чести самураев. Как в японских традиционных боевых искусствах тренируется дух, так и с помощью «гимнастики подданных империи» воспитывался дух верного народа. На основании принципа единства духа и тела, характерного для всех боевых искусств, дух преданного империи народа должен был укрепляться вместе с развитием физической формы. Наряду с крепким телом необходимо сформировать живой, решительный и несокрушимый дух и выносливость. «Гимнастика для подданных империи» ставила своей целью воспитать сильный, энергичный, готовый к действию, стойкий и выносливый народ. Что касается манеры исполнения гимнастики, то на этот счет предписывалось «продолжать занятия до тех пор, пока пот не потечет градом»²⁴.

«Присяга подданных империи» и «гимнастика подданных империи» практиковались только в Корее. Эти меры были направлены на то, чтобы искусственным способом пробудить в корейцах патриотизм, преданность империи, чтобы все силы и душевные порывы корейского народа были направлены на служение Японии. Наряду с созданием присяги и разработкой гимнастики прошла «Кампания по всеобщей мобилизации морального духа народа». В октябре 1937 г. сформировался Центральный союз всеобщей мобилизации народного духа, а в следующем году в преддверии первой годовщины начала японо-китайской войны заработал Корейский союз по всеобщей мобилизации народного духа. В октябре 1940 г. развернула деятельность Ассоциация помощи трону²⁵. Кроме того, 6-го сентября 1937 г. был установлен «день патриотизма и любви к Родине». В целях поднятия патриотического духа в школах по приказу начальника Управления образования проводились следующие мероприятия:

- поднятие государственного флага;
- исполнение государственного гимна;
- декламация императорских эдиктов для поднятия духа;
- лекции о политической ситуации в стране;
- молитвы о ниспослании счастья на войне²⁶.

Следует отметить, что генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ придавал большое значение поддержанию безопасности в колониальной Корее. Расходы на образование, культуру и здравоохранение в бюджете за 1910 г. не превышали 1–2% расходов. Американский исследователь Марк Каприо приводит в своей статье следующие цифры: японское правительство в первые годы после аннексии Кореи нанимало здесь в три раза больше шпионов для выявления противников колониальных властей (30 000 человек), чем учителей (8 111 человек)²⁷. Тем не менее, в период колониального господства Японии в Корее образование здесь получило существенное развитие. Например, согласно второй статье «Закона о расходах на муниципальное образование» от октября 1911 г., на момент аннексии в Корее была 101 муниципальная школа, а уже в 1911 г. 136 школ. В 1912 г. число школ увеличилось еще на 107 и впредь каждые полгода возрастало на 20²⁸. Но следует иметь в виду, что речь шла о повышении образовательного уровня населения, которое, по замыслам руководства Японской империи, должно было «подтянуться» до уровня японцев и, утратив свою национальную (корейскую) идентичность, раствориться в японской нации.

1. *Inaba Tsukio*. Chosen shokuminchi kyoiku seisakusi no saikento [Новое исследование по истории образования в колониальной Корее]. Kyushu Daigaku, 2010. С. 12.

2. Ibid.
3. *Kazuko Suzuki*. The State and Racialization: The Case of Koreans in Japan // Center for Comparative Immigration Studies. 2003. Working Paper 69. February. P. 3–4.
4. *Caprio M.E.* Op. cit. P. 4.
5. *Kazuko Suzuki*. Op. cit., P. 7.
6. Teikoku Nihon to gendai // *Sekai*. 2010. № 1. С. 149.
7. *Kazuko Suzuki*. Op. cit. P. 8–9.
8. Ibid. P. 11.
9. *Шунаев В.И.* Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1912). М., 1964. С. 219.
10. Там же.
11. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 8.
12. Ibid. P. 11.
13. Ibid.
14. Ibid. P. 129.
15. Дзай Нихон Дайканминкоку Миндан. Тхо миндзоку кейку инкай. Рэкиси кейкасе. Дзайнити кориан но рэкиси. Акаси сэтэн. Токио. 2006 [Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии / Ассоциация граждан Республики Корея, проживающих в Японии. Центральная комиссия по национальному образованию]. Токио: Акаси сэтэн, 2006. С. 41–42.
16. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 27.
17. *Kokobu M.* Shokuminchi chosen no rekisi kyoiku. Chosen dzireki no kyodzu o megutte [Историческое образование в колониальной Корее. В связи с преподаванием «прошлого Кореи»]. Shinkanshya, 2010. С. 17.
18. Там же. С. 18.
19. *Пак М.Н.* Очерки по историографии Кореи (К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков), М.: Наука, 1987. С. 75.
20. «Политика культурного управления» «bunka toshi» политика, которую японская колониальная администрация стала осуществлять после подавления массовых выступлений корейского народа за освобождение Кореи в марте 1919 г. Функции жандармерии передавались обычной полиции, разрешался выпуск газет и журналов на корейском языке. В пределах, оптимальных с точки зрения укрепления колониального управления, корейцам предоставлялась свобода слова, собраний, организаций, была отдана часть чиновничьих должностей в генерал-губернаторстве и в полиции.
21. *Kokobu M.* Op. cit. P. 63.
22. Op. cit. P. 127.
23. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 142.
24. Op. cit. P. 143.
25. Op. cit. P. 154.
26. Op. cit. P. 155.
27. *Caprio M.E.* Neo-Nationalist Interpretations of Japan's Annexation of Korea: The Colonization Debate in Japan and South Korea // *The Asia-Pacific Journal*. 2010. 44–4–10. 1 Nov. P. 7.
28. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 12. URL: www.japanfocus.org.

Религия

Формирование и принципиальные моменты нормативно-правового регулирования религиозной сферы в КНР

© 2013

Л. Афонина

В статье раскрываются основные аспекты и проблемы государственного нормативно-правового регулирования религиозной деятельности в КНР, излагается содержание основных законодательных актов КНР, затрагивающих сферу политики в отношении религии, в том числе «Положения о религиозной деятельности», а также соответствующих правил и инструкций, выявляется их политический смысл.

Ключевые слова: история религии в Китае, нормативно-правовое регулирование в КНР, религиозная политика, свобода вероисповедания, «Положение о религиозной деятельности» в КНР, «теория взаимосоответствия», управление в соответствии с законом.

В период реформ в КНР произошел переход к регламентации религиозной деятельности в КНР на основе закона. Однако установленные правила применяются выборочно: в зависимости от возможности функционирования внутри этих рамок религиозные группы и течения в Китае подразделяются на официально признанные государством и действующие без легитимного признания властей. Настоящая статья представляет собой краткий обзор существующего законодательства КНР в религиозной сфере, что позволяет ознакомиться с основными принципиальными моментами и отправными точками регулирования религиозной деятельности со стороны китайских властей. Статья может представлять определенный интерес для исследователей истории формирования политики в сфере религий, китайского права в религиозной области, работников дипломатической сферы, ведущих диалог с китайской стороной по разным вопросам религиозного характера, а также для представителей религиозной сферы, деятельность которых имеет прямое или косвенное отношение к Китаю.

На основе анализа более чем 60-летней истории КНР можно прийти к выводу о том, что примерно половину этого периода проблемы религиозной сферы решались нелегитимно. Общие положения вероисповедальной политики нашли правовое отражение в Общей программе НПКСК, обладавшей статусом временной Конституции в первые годы после образования КНР, в первой Конституции КНР 1954 г., в последующих Конституциях 1975, 1978 гг., а также в ныне действующей Конституции 1982 г. В первой китайской Конституции 1954 г. в гл. 3 «Основные права и обязанности граждан» в ст. 88 сво-

бода вероисповедания получила свое конституционное закрепление, в ст. 86 ч. 1 декларируется возможность избирать и быть избранным вне зависимости от религиозной принадлежности. В Конституции 1975 г., закрепившей многие основные формулировки «культурной революции», количество статей в гл. 3 значительно уменьшилось, а в ст. 28 провозглашается свобода не только исповедовать религию, но и не исповедовать религию, а также пропагандировать атеизм. В Конституции 1978 г., принятой сразу после окончания «культурной революции» как временный документ, существенно расширены права и обязанности граждан КНР (гл. 3), ст. 46 дублирует содержание предыдущей версии конституции, касающееся свободы вероисповедания.

В начале 1980-х гг. уже в условиях реформ свобода вероисповедания декларировалась в Конституции, а религиозная жизнь все еще регламентировалась партийными указаниями. Постепенно законность внедрялась в нее по мере позитивных изменений позиции партийного и государственного руководства, осознания важности формирования законодательной базы в сфере религий. После XIII съезда КПК, проходившего с 25 октября по 1 ноября 1987 г., была создана рабочая группа по разработке законодательных актов для регулирования религиозной сферы¹. Управление по делам религий при Госсовете² внесло в свой рабочий план деятельность по подготовке соответствующих нормативных документов. Религиозные деятели также активно выступали за составление единого закона о религии для всей страны, религиозными лидерами создавались группы для работы над проектом будущего закона. Например, председатель Всекитайской протестантской ассоциации и Комитета патриотического движения за Три самостоятельности епископ Дин Гуансюнь и председатель Всекитайской буддистской ассоциации Чжао Пучу в марте 1989 г. передали в ПК ВСНП свой проект будущего закона о религии в надежде ускорения процесса его принятия³. Однако разработка и принятие такого закона были отложены на неопределенный срок.

В 1986 г. Управлением по делам религий была подана идея установить местные законы о религиозной деятельности в регионах со сложившимися условиями. В 1987–1988 гг. в городе Гуанчжоу, а также провинции Гуандун и Синцзян-Уйгурском автономном районе были приняты местные законодательные нормы в отношении религиозной деятельности и объектов религиозного назначения⁴.

Первым фактически сделанным шагом в сторону создания общегосударственной правовой базы для религиозной сферы стало опубликование Госсоветом в 1994 г. двух документов — «Положения об объектах религиозного назначения» и «Положения о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР». А с 1999 г. началась планомерная работа Управления по делам религий над проектом «Положения о религиозной деятельности».

Уже в начале 90-х гг., за 6 лет до того, как официально был провозглашен принцип «управления государством в соответствии с законом»⁵, руководство КПК в качестве приоритета определило управление религиозными делами на законодательной основе.

В декабре 2001 г. на Всекитайском совещании по религиозной работе, проводимом Государственным управлением по делам религий, регулирование религиозной сферы КНР в соответствии с законом было объявлено генеральным секретарем ЦК КПК и председателем КНР Цзян Цзэмином одной из основных задач проводимой партией и государством работы в религиозной сфере в новом столетии⁶. Эта задача в числе других была включена в пятую часть доклада Цзян Цзэминя под названием «Политическое строительство и реформа политической системы» на XVI Всекитайском съезде КПК в 2002 г. в подраздел «Сохранять и совершенствовать институты социалистической демократии»⁷. По словам Цзян Цзэминя — религия может быть адаптирована в социалистическом обществе, только когда она регулируется законами⁸. Это означает, что свобода вероисповедания должна быть защищена и контролируется правовыми нормами, но в то же время религиозные круги имеют перед государством обязанности, установленные законом.

Как отмечает С.А. Горбунова «принципиальным являлось то, что в содержании установки взаимного соответствия доминировали государственные интересы и ответственность верующих перед обществом. Иными словами, она на первых порах предусматривала несколько одностороннюю адаптацию религиозных кругов «к новой ситуации и новым задачам социалистической модернизации», а также построения социализма с китайской спецификой»⁹.

Четвертое поколение партийного и государственного руководства во главе с Ху Цзиньтао, отчетливо осознавая важность претворения этой теории на практике, продолжает намеченный третьим поколением курс на легитимное решение религиозных проблем, принимая все новые акты регулирования религиозной сферы. Пятое поколение руководителей КПК на XVIII съезде (ноябрь 2012 г.) подтвердило, что также будет следовать ему.

Законодательное регулирование религиозной сферы является важной составной частью проводимой китайским правительством политики свободы вероисповедания. Проводимая политика свободы вероисповедания в КНР есть инструмент для контроля над соответствующим сектором жизни общества с применением различных контрольных механизмов в зависимости от изменения политической конъюнктуры.

В Китае законодательство в религиозной сфере очень обширно, однако на настоящий момент оно не является всеобъемлющим и полным. Китайскими чиновниками ведется активная работа по его совершенствованию. В КНР не принят Закон о религии, о необходимости появления которого в правовой системе китайского государства ведется речь еще с восьмидесятых годов¹⁰.

Право китайских граждан на свободу вероисповедания закреплено в Конституции КНР (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 04.12.1982 с изменениями 12.04.1988, 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004).

В ныне действующей Конституции КНР глава, закрепляющая «основные права и обязанности граждан» вынесена в начало Конституции — гл. 2. Свобода вероисповедания получила более полную конституционную регламентацию по сравнению с ранее действующими конституциями, но в то же время в ней отразились и ограничительные тенденции вероисповедальной политики. Ст. 36, закрепляющая свободу вероисповедания, значительно расширена и дополнена по сравнению с прежними версиями китайских конституций. Ч. 1 формулирует стандартную для основных законов большинства стран правовую формулу: «Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания». Ч. 2 содержит важную декларацию: «Никакие государственные органы, общественные организации и частные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не допускается дискриминация в отношении верующих или неверующих граждан». В ч. 3 государство объявляет себя гарантом реализации свободы вероисповедания: «Государство защищает нормальную религиозную деятельность»; запрещает использование религии в противоправных целях: «Ни одно лицо не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения ущерба здоровью граждан или препятствования мероприятиям образовательной системы».

Ограничение свободы вероисповедания рамками нормальной религиозной деятельности на практике подразумевает свободу религиозной практики внутри пяти официально признанных государством религиозных течений, подчиняющихся созданным государством специальным религиозно-административным структурам (буддизм, даосизм, ислам, католицизм, протестантизм). И в завершающей части статьи китайский законодатель закрепил независимость религиозной деятельности, осуществляемой на территории КНР, от иностранного влияния: «Религиозные организации и религиозная деятельность не могут управляться иностранными силами». Религиозная сфера в Китае объявлена внутренним делом государства. Ограничение возможности влияния на рели-

гиозные группы из-за рубежа связано с опасением сопровождения влияния религиозного влиянием политическим.

Законы КНР, затрагивающие религиозные проблемы

На современном этапе религиозная жизнь в КНР регламентируется помимо Конституции законами КНР, в которых затрагиваются различные религиозные проблемы, специальным Положением, а также большим числом нормативных актов.

Право на свободное вероисповедание для национальных меньшинств особо закрепляется ст. 11 Закона КНР о национальной районной автономии (принят на 2-й сессии ВСНП 6-го созыва 03.05.1984, с изменениями от 28.02.2001).

Ст. 3 Закона КНР О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней (принят на 2-й сессии ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 14.03.2010), ст. 8 Закона КНР об образовании (принят на 3-й сессии ВСНП восьмого созыва 18 марта 1995 г., с изменениями от 27.08.2009), ст. 12 Трудового кодекса КНР (Закон КНР о труде) (принят на 8-м заседании ПК ВСНП восьмого созыва 5 июля 1994 г., с изменениями от 27.08.2009), ст. 7 Закона КНР о рекламе (принят на 10-м заседании ПК ВСНП восьмого созыва 27 октября 1994 г.) и др. запрещают дискриминацию граждан по религиозной принадлежности.

Статья 251 Уголовного кодекса КНР (принят на 2-й сессии ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 14.03.1997, 25.12.1999, 31.08.2001, 29.12.2001, 28.12.2002, 28.02.2005, 29.06.2006, 28.02.2009, 27.08.2009, 25.02.2011) предусматривает уголовную ответственность лишением свободы сроком до двух лет либо уголовным арестом для работников государственных органов в случаях незаконного лишения ими граждан права на свободу вероисповедания или посягательств на национальные обычаи.

С формальной стороны Конституция и законы КНР обеспечивают свободу вероисповедания граждан при неиспользовании религии в противозаконных целях. Политика свободы вероисповедания в китайском варианте — целенаправленный политический курс. Основная идея этой политики заключается в защите государством религиозной свободы до тех пор, пока религиозные общины соблюдают законы и постановления, которые имеют целью контроль их деятельности со стороны государства. Декларируемая Конституцией КНР свобода вероисповедания позволяет китайскому населению верить и участвовать в религиозной жизни в установленных и одобренных государством рамках.

Важным моментом является принцип отделения религии от образования, который прописан в ст. 8 Закона КНР об образовании. В обычных учебных заведениях не проводится религиозное обучение. Однако религиозные объединения могут открывать свои религиозные учебные заведения. Для этого необходимо обратиться с ходатайством в Государственное управление по делам религий от Всекитайского религиозного объединения или религиозного объединения провинции, автономного района, города центрального подчинения в Отдел по делам религии народного правительства провинции, автономного района, города центрального подчинения в зависимости от предполагаемого места открытия учебного заведения.

Ст. 82 Закона КНР об образовании гласит: «Образование в религиозных учебных заведениях утверждается особо Госсоветом». Религиозные учебные заведения относятся к особому классу, набор в них ограничен — привлечение обучающихся проводится среди особой категории людей. Обучаться в таких школах могут граждане не младше 18-летнего возраста по особым рекомендациям и направлениям религиозных организаций¹¹.

Закон КНР о стимулировании частного образования (принят на 31-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 28.12.2002) также подчеркивает важность соблюдения принципа разделения религии и образования частными учебными заведениями (ч. 2 ст. 4).

Положение КНР о совместных китайско-иностранных учебных заведениях (принято 01.03.2004 на Рабочем заседании министра образования КНР) предостерегают от распространения религиозного мировоззрения иностранцами посредством открытия совместных учебных заведений. Ст. 7 положения говорит: «Иностранные религиозные организации, религиозные структуры, религиозные учебные заведения и религиозные служители не должны на территории Китая осуществлять сотрудническую деятельность по созданию школ», а также «совместные китайско-иностранные учебные заведения не могут проводить религиозное обучение и разворачивать религиозную деятельность».

Положение о религиозной деятельности

Главным документом, регулирующим религиозную сферу, на современном этапе является «Положение о религиозной деятельности» (принято на 57-м заседании Госсовета 07.07.2004), действующее с 1 марта 2005 г., над новым проектом которого ведется работа в настоящее время. Это первый в Китае комплексный административно-правовой документ, регламентирующий религиозную сферу. Положением регламентируется деятельность религиозных объединений и использование объектов религиозного назначения. В большинстве статей она не отделяется от административно-управленческой деятельности отделов по делам религий различных уровней, являющихся представительскими Государственного управления по делам религий. Положение состоит из семи тематически разделенных глав.

В гл. 1 «Общие положения» подтверждается право граждан на свободное вероисповедание. Государство объявляет себе гарантом нормальной религиозной деятельности: «Государство в соответствии с законом охраняет нормальную религиозную деятельность, защищает законные права и интересы религиозных объединений, объектов религиозного назначения и верующих граждан».

Юридическое разъяснение понятия «нормальной религиозной деятельности» отсутствует, не разъясняется оно и в Конституции. По факту на принадлежность к «нормальной религиозной деятельности» могут претендовать лишь последователи пяти религиозных течений, организационно находящиеся в ведомстве государственно признанных религиозных структур. Эти структуры находятся под государственной защитой в соответствии с Основным законом страны и Положением о религиозной деятельности, могут иметь свои зарегистрированные объекты религиозного назначения, зарегистрированных служителей, собираться для совершения религиозных обрядов. Отличные от пяти выделенных религиозных направлений, а также не входящие в соответствующие структуры и не подчиняющиеся им религиозные группы либо не признаются юридически законными, либо в какой-то степени признаются властями на местном уровне в районах массового проживания этих национальностей в качестве религий национальных меньшинств. Примером может служить наличие разрешенных православных храмов и общин на северо-востоке КНР, в Автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском Автономном районе, несмотря на их неполноценное функционирование¹². В структуре Государственного управления по делам религий есть 4-й департамент, юрисдикцией которого является работа по контролю религиозной деятельности отличных от пяти признанных на общегосударственном уровне религий, а также работа по предупреждению и устранению деятельности сект.

В соответствии с текстом Положения, деятельность религиозных объединений, объектов религиозного назначения и верующих граждан должна соответствовать положениям Конституции, законов, подзаконных нормативных правовых актов. Религиозные деятели и верующие должны отстаивать государственное единство, сплоченность нации и общественную стабильность. Данное положение в законодательном акте с точки зрения западного законодательства выглядит излишним, поскольку соблюдение Конститу-

ции и законов является обязанностью всех граждан страны, а единство и стабильность не представляются прямыми религиозными задачами. Однако специфика внутренней политики Китая заключается в превалировании интересов общества над интересами индивида, а основной целью, которой подчинено все, является мирное сосуществование.

В Положении сказано, что религии должны придерживаться принципа самостоятельности и независимости, религиозные объединения и объекты религиозного назначения не должны управляться иностранными силами. Внешние связи должны осуществляться на основе дружбы и равноправия, исключая возможность непосредственного религиозного или политического влияния зарубежных религиозных организаций. Помимо положительных моментов религиозного сотрудничества с западным миром, существуют аспекты, расцениваемые китайскими чиновниками, как вредоносные — увеличение незаконной религиозной пропаганды иностранцами, политическое влияние на китайских религиозных последователей. Иностранное участие в религиозной жизни Китая расценивается как борьба за верующих с религиозными патриотическими организациями в целях противостояния правлению КПК в КНР, как поддержка сепаратистских настроений в районах проживания нацменьшинств, ведение нарушающей национальное единство деятельности¹³.

Вторая глава Положения регламентирует деятельность религиозных объединений. Их образование, изменение и ликвидация осуществляются на основании «Положения о регистрации общественных организаций» (принято Госсоветом 25.09.1998).

Религиозные организации имеют право издавать печатную продукцию религиозного содержания для внутреннего пользования. Издание религиозной литературы осуществляется на основе «Положения об издательской деятельности» (принято Госсоветом 12.12.2001, с изменениями от 16.03.2011). Издаваемая литература не должна содержать информацию: 1. наносящую вред мирному сосуществованию верующих и неверующих граждан; 2. наносящую вред миру среди представителей различных конфессий, а также внутри отдельной конфессии; 3. дискриминирующую или оскорбляющую верующих или неверующих граждан; 4. пропагандирующую религиозный экстремизм; 5. нарушающую принцип независимости и самостоятельности религий. Печатная и иная религиозная продукция могут распространяться внутри зарегистрированных объектов религиозного назначения.

Этой главой положения также устанавливается, что совершение мусульманских паломнических поездок за границу (хаджа) китайскими гражданами организовывается Всекитайской исламской организацией.

Самая большая третья глава Положения о религиозной деятельности посвящена объектам религиозного назначения: процедуре регистрации, порядку их использования. Смысл основного тезиса этой главы заключается в том, что религиозные обряды могут совершаться только в местах, одобренных и получивших соответствующее разрешение, а также религиозными служителями, признанными религиозными организациями и одобренными соответствующими государственными структурами.

Регистрация объекта религиозного назначения — многоступенчатая процедура, зависящая от административно-территориальной принадлежности объекта религиозного назначения. Для учреждения объекта религиозного назначения религиозной организацией должно быть подано ходатайство в Отдел по делам религий народного правительства уровня уезда по месту предполагаемого основания объекта религиозного назначения. Далее это ходатайство проходит процесс одобрения в несколько этапов последовательно в территориальном Отделе по делам религий народного правительства городского уровня, Отделе по делам религий провинции, автономного района, города центрального подчинения.

По объекту религиозного назначения, получившему разрешение на проведение подготовительных работ, после завершения строительства необходимо подать заявление

о регистрации в Отдел по делам религий народного правительства уровня уезда по местонахождению. Отдел по делам религий народного правительства уровня уезда в течение 30 дней с момента получения заявления должен изучить структуру управления, внутренние правила, результаты строительства объекта религиозного назначения. По тексту Положения, те объекты, которые соответствуют требованиям, проходят регистрацию, им выдается «Свидетельство о регистрации объекта религиозного назначения». При объекте должен быть сформирован орган управления. Его члены должны избираться демократическим путем — посредством выборной процедуры верующими прихожанами. Орган управления регистрируется в соответствующем органе регистрации.

Несмотря на существование этой законодательно оформленной процедуры регистрации объектов религиозного назначения, в КНР остается очень большое число незарегистрированных религиозных общин. Это связано с противоречиями, возникающими при прочтении и реализации процедуры регистрации на основании «Положения о религиозной деятельности» и «Положения о регистрации общественных организаций».

Многие общины вынуждены вести незаконную религиозную деятельность, связанную с преткновениями на пути прохождения регистрации в соответствии с законом. А отсутствие официальной регистрации у общины создает проблемы с наличием собственности, наймом работников, а также чревато конфликтами с местными властями.

«Положение о регистрации общественных организаций» — единственная юридическая основа для регистрации как религиозных, так и негосударственных общественных организаций, действует оно с 1998 г. Положением предусмотрена регистрация на национальном, региональном, местном уровнях. При этом только всекитайская религиозная организация может основывать учебные заведения, принимать участие в международном образовательном обмене. Однако ни в одном из положений не сказано, как должна формироваться, создаваться и регистрироваться религиозная организация национального уровня. Должны ли быть вначале зарегистрированы организации местного уровня, а затем подавать заявления на статус национальной, или же национальное объединение первично, как это произошло в случае с существующими восемью (Китайская буддистская ассоциация (1953), Китайская даосская ассоциация (1957), Китайская исламская ассоциация (1953), Китайская католическая патриотическая ассоциация (1957), Епископская конференция Католической Церкви Китая (1980), Комитет патриотического движения протестантских церквей Китая за Три самостоятельности (1954), Китайский протестантский совет (1980), Китайского комитета Всемирной конференции «Религии за мир».¹⁴

«Положение о регистрации общественных организаций» условиями регистрации ставит наличие минимум 50 участников, зафиксированное местоположение, квалифицированный персонал, законное имущество и источник финансирования. Документы, предъявляемые при регистрации: ходатайство, документ-поручительство от управляющей или материнской организации, отчет об активах и свидетельство о праве пользования помещениями, удостоверения личности (основная и по иницилирующему лицу и предполагаемому основному ответственному лицу), устав организации.

Итак, чтобы подать заявку на регистрацию общины, необходимо наличие поручительства со стороны национальной религиозной организации. Из этого следует, что общины, принадлежащие к иным религиозным течениям, кроме пяти, имеющих свои национальные организации, принадлежащие к тем же религиям, но не ассоциирующие себя с этими религиозными организациями, не разделяющие их целей и убеждений, не могут ходатайствовать о регистрации.

Необходимо отметить, что подавляющая часть общин не имеет желания проходить государственную регистрацию и связывать свою деятельность с патриотическими религиозными организациями, находящимися под контролем власти, что предполагает

контроль над деятельностью общин, а также чревато возможными вторжениями в догматическую и каноническую области религии.

Существуют также сложности, вызванные нежеланием поручительства национальной религиозной организации, от которой требуется одобрение ходатайства общины перед передачей его в органы управления по делам религий. Поручительство — не просто формальность, но определенные обязательства, связанные с ответственностью на этапах подготовки, регистрации, изменения, ликвидации; а также контролем соблюдения подшефной организацией законодательства, ведения ею деятельности в соответствии с уставом; проверкой годовых результатов в первой инстанции.

Административно-территориальные ограничения также не позволяют зарегистрироваться многим общинам. Ч. 2 ст. 13 Положения об общественных организациях ограничивает существование только одной общественной организации конкретного типа на отдельной административной территории. Таким образом, действующая религиозная община не может законно оформить свое существование, если на конкретной территории уже существует подобная зарегистрированная община. Это правило не учитывает соотношение количества верующих на определенной территории с имеющимся числом приходов.

Административно-территориальное ограничение и необходимость поручительства — основные, но не единственные препятствия на пути регистрации религиозной общины.

Если храм, монастырь, мечеть и т.д. является частью структуры религиозной организации, то персонал получает заработную плату из государственного бюджета. Здания сооружаются и поддерживаются также на государственные средства. Прописанная в законах необходимость государственного финансирования деятельности зарегистрированных объектов религиозного назначения является одной из причин нежелания регистрировать все желающие регистрации общины, многие из которых желали бы пройти регистрацию, но сталкиваются со сложнопреодолимыми барьерами и вынуждены функционировать подпольно¹⁵.

Существует также мнение, что в государстве с официально атеистической властью нельзя допустить значительный численный перевес членов религиозных организаций над членами КПК, что создает дополнительный барьер для регистрации всех существующих и желающих пройти регистрацию религиозных общин¹⁶.

В Положении указана обязанность Отдела по делам религий всех уровней осуществлять контроль и инспектирование в отношении соблюдения объектами религиозного назначения законов, подзаконных нормативных актов и правил, создания и применения ими системы управления, внесения изменений в регистрационные сведения, а также религиозной деятельности и деятельности, связанной с зарубежными странами.

Положение разрешает принимать пожертвования для объектов религиозного назначения от граждан и организаций как внутри страны, так и из-за рубежа, но запрещает требовать внесения пожертвований или принуждать к определенной выплате. В объектах религиозного назначения управляющим ими религиозным организациям разрешается осуществлять торговлю религиозными принадлежностями, религиозными предметами искусства и религиозной печатной продукцией. Религиозные объединения и находящиеся в их ведении объекты религиозного назначения должны отчитываться перед местным Отделом по делам религий народного правительства уровня уезда и выше о своих доходах и расходах, об использовании пожертвований. Вся полученная прибыль должна находиться под финансовым и бухгалтерским контролем и использоваться на мероприятия, отвечающие основным целям религиозного объединения или объекта религиозного назначения, а также общественно-полезную деятельность.

Положением регламентируется проведение массовых религиозных мероприятий, которые могут проводиться лишь на основании разрешительного документа. Народные

правительства обязаны в рамках своей компетенции осуществлять контроль, обеспечить безопасность и надлежащее проведение массовых религиозных мероприятий.

В Положении содержится запрет на самовольное сооружение монументальной скульптуры. При сооружении монументальной религиозной скульптуры под открытым небом религиозное объединение должно получить разрешение Отдела по делам религий народного правительства, который в свою очередь проводит согласование по данному вопросу с Государственным управлением по делам религий.

В соответствии с некоторыми религиозными традициями совершение таинств и обрядов должно проводиться за пределами мест религиозных собраний. Если необходимо присутствие священнослужителя вне рамок зарегистрированного места общих собраний — в доме верующего, на кладбище, крематории и пр. для проведения религиозного обряда, то требуется предварительная подача заявки в правительственный отдел по делам религий, и после получения соответствующего одобрения мероприятие организуется силами религиозной организации, объекта религиозного назначения¹⁷.

Разрешение Отдела по делам религий народного правительства уровня уезда и выше по местонахождению нужно испрашивать также при осуществлении объектами религиозного назначения реконструкции или постройки новых зданий, создании в них сетей коммерческого обслуживания, организации выставок, съемке фильмов.

В районах, где объекты религиозного назначения являются одновременно и туристической достопримечательностью, в сферу обязанностей местных народных правительств входит также координирование и разрешение вопросов, касающихся регулирования отношений и интересов объектов религиозного назначения с зонами отдыха и туризма.

Четвертая глава «Религиозные служители» говорит о том, что осуществлять религиозную деятельность могут только религиозные служители, утвержденные религиозными объединениями, поставленные на учет в отделах по делам религий народного правительства уровня уезда и выше.

Положение содержит локальное установление для тибетского буддизма — преэминентность живых Будд в тибетской традиции осуществляется под руководством буддистского объединения на основе религиозных правил и традиций, утверждается в территориальном Отделе по делам религий народного правительства уровня города и выше или территориальном народном правительстве уровня города и выше.

Католические епископы ставятся на учет Всекитайским католическим религиозным объединением в Государственном Управлении по делам религий. Национальная Ассамблея католических представителей (Китайская католическая патриотическая ассоциация и Епископская конференция Католической Церкви Китая) разработали «Правила о выборе преосвященных епископов Епископской конференцией Католической Церкви». По порядку, устанавливаемому этими правилами, для назначения епископа в епархию после получения согласия местного правительства представителями духовенства и верующих путем демократических выборов избираются кандидаты, данные о результатах выборов передаются на одобрение Епископской конференции Католической Церкви Китая, а также ставятся на учет в местном правительстве и Государственном управлении по делам религий¹⁸. Данный порядок избрания епископов является постоянным предметом противоречий между Китаем и Ватиканом, поскольку назначение и смещение епископов в Римско-католической церкви является прерогативой Папы Римского¹⁹.

Пятая глава положения именуется «Религиозное имущество». Имеющиеся у религиозных объединений, и относящиеся к объектам религиозного назначения помещения и используемые земли регистрируются в отделах земельного контроля и управления недвижимостью местных народных правительств, на них должно быть получено свидетельство о праве собственности или праве пользования. Используемые в религиозной

деятельности помещения, здания и иные строения не могут передаваться, закладываться или выступать в качестве предмета инвестирования.

В случае необходимости сноса принадлежащих религиозным объединениям или объектам религиозного назначения зданий и сооружений, в связи с потребностями городского планирования, осуществляющие снос организации должны придти к согласованию с религиозным объединением или объектом религиозного назначения, а также запросить мнение соответствующего Отдела по делам религий. Снесенные по согласованию всеми сторонами здания и сооружения должны быть отстроены заново в новом месте или должны быть выплачены компенсации за их снос согласно их рыночной стоимости.

Глава шестая посвящена юридической ответственности за нарушение норм законодательства религиозной сферы. Вводится ответственность за злоупотребление служебным положением, за недобросовестное исполнение обязанностей чиновниками религиозной сферы, за нарушение законных прав и интересов религиозных объединений, объектов религиозного назначения. Ответственность предусмотрена также в случае использования религии для совершения противоправной деятельности, угрожающей государственной безопасности, общественной безопасности, посягающей на личные и демократические права граждан, нарушающей общественный порядок, посягающей на государственную и частную собственность. Ответственность наступает за самовольное учреждение объекта религиозного назначения, осуществление религиозной деятельности в объекте религиозного назначения с аннулированной регистрацией, самовольное открытие религиозных учебных заведений, ведение религиозной деятельности организациями, не относящимися к религиозным организациям и объектам религиозного назначения, самовольной организации массовых религиозных мероприятий или паломничества верующих граждан и т.д.

Последняя седьмая глава «Дополнительные положения» говорит, что религиозные контакты материкового Китая со специальными административными районами Гонконг, Макао и районом Тайвань осуществляются на основании законов, административного законодательства и соответствующих государственных положений.

Долгожданное появление Положения о религиозной деятельности стало важным и большим шагом вперед в деле законодательного регулирования религий в Китае, но тем не менее оставило нерешенными много вопросов. Документ комплексный, он представляет собой набор общих утверждений, которые могут задавать вектор регулирования религиозных проблем, но при этом не отвечает на многие вопросы, оставляя возможность частного толкования чиновниками.

Итак, «свобода вероисповедания» в китайском варианте позволяет китайскому населению верить и участвовать в религиозной жизни в рамках одобренных государством объектах религиозного назначения. Условия реализации этой свободы заключаются в том, что верующие и религиозные организации принимают и поддерживают руководство КПК и социалистическую систему, самостоятельно осуществляют религиозную деятельность, не допускают вмешательство иностранных сил в религиозные дела Китая. Религиозная жизнь индивида, а также интересы религиозной группы должны быть подчинены интересам страны, а религиозные цели и содержание отодвигаются на второй план.

В Китае традиционно сложилась система законодательства, при которой более широкое применение получило местное нормотворчество. Общегосударственные документы, принимаемые высшими законодательными и/или исполнительными органами власти получают более подробную регламентацию в принимаемых местными органами власти нормативных документах²⁰. Так, помимо общекайтайского «Положения о религиозной деятельности» действуют также местные положения провинций и городов центрального подчинения с таким же названием.

Нормативные акты, регулирующие религиозную сферу

«Правила одобрения и регистрации учреждаемых объектов религиозного назначения» (опубликованы 21.04.2005 Государственным управлением по делам религий) представляют собой более подробное толкование процесса подготовки и прохождения регистрации объектов религиозного назначения. Сначала одобряется проект подготовки основания храма, после завершения процесса подготовки в соответствии с утвержденным проектом подается заявка на регистрацию в Отдел по делам религий народного правительства уровня уезда и выше.

В Правилах особо подчеркивается, что осуществлять религиозную деятельность в объектах религиозного назначения могут только религиозные служители, утвержденные религиозными объединениями с обязательством постановки на учет в отделе по делам религий.

«Правила учета религиозных служителей» (опубликованы 29.12.2006 Государственным управлением по делам религий, вступили в силу 01.03.2007) представляют собой инструкцию по постановке на учет в Государственном управлении по делам религий религиозных служителей, утвержденных всекитайскими религиозными объединениями. Каждый законный религиозный служитель должен иметь свидетельство религиозного служителя. Предусмотрена также процедура снятия с учета.

Большое значение придается воспитанию и обучению работников религиозной сферы. Описание образцовых религиозных работников приводится в документе ЦК КПК № 19 от 1982 г. «Особенности политики в сфере религий в начальный период реформ в КНР»: «любящие Родину, принимающие руководство Партии и правительства, поддерживающие движение по социалистическому пути, защищающие единство государства и сплоченность нации, имеющие религиозные знания»²¹. Для воспитания таких кадров в соответствии с «Правилами учреждения религиозных учебных заведений» (опубликованы 01.08.2007 Государственным управлением по делам религий, вступили в силу с 01.09.2008) открываются религиозные учебные заведения. Как правило, в одной административной единице провинциального уровня не может быть открыто два подобных учебных заведения религиозного толка. В Документе приведены требования к учреждаемым высшим и средним религиозным учебным заведениям, порядок их утверждения и регистрации.

В 2006 г. вместе с Правилами учета религиозных служителей были приняты «Правила учета настоятелей объектов религиозного назначения» (опубликованы 29.12.2006 Государственным управлением по делам религий, вступили в силу 01.03.2007). Правила устанавливают, что настоятели должны вставать на учет в отделе по делам религий местного народного правительства путем подачи объектом религиозного назначения заявки, одобренной местным религиозным объединением.

На фоне упорядочивания хозяйственной и правовой жизни общества партия и государство считают возможным осуществление регулирования и доктринальной области религиозной практики. «Правила реинкарнации живых будд в тибетском буддизме» (опубликованы 18.07.2007 Государственным управлением по делам религий, вступили в силу 01.09.2007) дополняют утверждение Положения о том, что преемственность живых Будд в тибетском буддизме осуществляется под руководством буддистского объединения, утверждается в территориальном Отделе по делам религий народного правительства. По новым правилам реинкарнация живого будды теперь производится по заявке местного буддистского объединения или монастыря, на которую должно быть получено одобрение. Это условие становится препятствием для многовековой тибетской традиции реинкарнации живых будд, является вмешательством в каноническую традицию тибетского буддизма.

«Правила контроля финансов объектов религиозного назначения» (опубликованы в 2010 г. Государственным управлением по делам религий, вступили в силу 01.03.2010) применяются в опытном порядке в целях нормализации финансовых действий объектов религиозного назначения, усиления контроля над финансами и защиты законных прав объектов религиозного назначения. Документ состоит из глав, посвященных бухгалтерской отчетности, управлению бюджетом, доходами, расходами, капиталом, а также юридической ответственности, наступающей в результате нарушения данных правил.

Китайское правительство старается законодательно затронуть все сферы религиозной жизни общества, регламентировать каждый возможный шаг, регулярно пополняя действующие законы и подзаконные нормативные правовые акты новыми. В 2000-е гг. были также приняты «Правила записи и очередности совершения хаджа китайскими мусульманами» (2005), «Правила назначения священников в китайских католических храмах» (2011), «Положение об обращении печатных изданий Библии» (2010), «Правила контроля монастырей тибетского буддизма» (2011), «Правила назначения настоятелей монастырей южного буддизма» (2011), «Правила назначения настоятелей монастырей тибетского буддизма» (2011) и др. Инструкции по контролю религиозной сферы жизни общества регулярно пополняются директивами, как, например, «Циркуляр китайского народного банка и Государственного управления по делам религий о вопросах открытия банковских расчетных счетов объектами религиозного назначения и религиозными учебными заведениями» (2011), «Циркуляр о дальнейшем решении вопросов социальных гарантий религиозным служащим» (2012) и многие другие. Подобные инструкции издаются не только на общегосударственном, но и на местном уровне.

В Китае религиозное влияние зачастую связывается с зарубежным политическим влиянием. Руководство КНР опасается распространения идей свержения существующего строя, идей сепаратизма наряду с распространением религиозных учений. Религии рассматриваются как потенциальные политические и идеологические соперники режиму. Поэтому китайские религиозные организации в своей работе должны быть независимыми и самостоятельными от иностранных религиозных сил и организаций. В связи с этим была издана Инструкция по применению «Положения о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР» (опубликована 26.09.2000 Государственным управлением по делам религий). Документ был разработан для контроля над деятельностью иностранцев в религиозной области. Согласно этому документу иностранцы могут участвовать в богослужениях, проводимых китайскими общинами, по приглашению религиозных организаций могут выступать с проповедями, при наличии разрешения отдела по делам религий могут проводить религиозные мероприятия для иностранных граждан. При въезде на территорию КНР иностранцу разрешено ввозить религиозные принадлежности и печатную продукцию только для личного использования одним человеком, исключение составляет наличие одобрения со стороны религиозной организации и разрешения отдела по делам религий. В то же время иностранным гражданам на территории Китая запрещено образовывать религиозные организации, объекты религиозного назначения и религиозные учебные заведения. Запрещено распространять религиозные взгляды среди граждан КНР, вести другую пропагандистскую деятельность. При нарушении пунктов положения должно последовать пресечение со стороны соответствующих органов, при наличии состава преступления последует привлечение к уголовной ответственности.

«Правила контроля приглашения на работу иностранных специалистов религиозными учебными заведениями» (опубликованы 19.11.1998 Государственным управлением по делам религий, вступили в силу 01.01.1999) указывают, что в целях расширения научно-культурного обмена с иностранными религиозными организациями и обогащения учебного процесса, религиозные учебные заведения могут приглашать ино-

странных лекторов для проведения преимущественно краткосрочных учебных курсов лекций (до полугода). Для приглашения иностранного специалиста религиозной сферы в качестве преподавателя необходимо получить соответствующее разрешение Государственного управления по делам религий. Но в то же время особо отмечено, что в силу того, что в Китае религии придерживаются принципа независимости и самостоятельности, религиозные учебные заведения в первую очередь должны приглашать преподавателей из местных религиозных объединений, исследовательских заведений, а также учебных заведений. Религиозные учебные заведения не могут назначать иностранцев на административные должности.

Законодательное регулирование религиозной политики в КНР в первую очередь направлено на сохранение баланса религиозных сил в обществе с целью сохранения гражданского единства. Нормативно-правовое регулирование религиозной сферы в настоящее время преимущественно происходит на подзаконном уровне. По-прежнему существует пласт правил и директив, носящих ведомственный и закрытый характер. Наличие многочисленных разрозненных актов оставляет пространство для самостоятельного их толкования и применения чиновниками на местах. Правоприменитель при регулировании соответствующего сектора жизни общества, как правило, руководствуется социалистическим правосознанием и интересами государства, не всегда в точности придерживаясь норм принятых актов. Поэтому при изучении методов регулирования религиозной сферы китайскими властями, исследователям необходимо, помимо обращения к актам правотворчества, обращать особое внимание на особенности их практической реализации.

Анализ положений актов законотворчества религиозной сферы позволяет сделать вывод, что у субъектов права религиозного законодательства в их религиозной деятельности достижение религиозных целей, формулируемых религиозным учением, замещается необходимостью выполнения государственных предписаний по достижению поставленных властями практических целей политического характера. Поддерживается главенствующая и направляющая роль социалистической политической идеологии, при этом выявляется роль религии в целях защиты национального единения и государственных интересов.

Несмотря на проводимую китайским правительством так называемую политику свободы вероисповедания, которая изначально задумывалась как механизм контроля религий и сдерживания их развития, число религиозных последователей в Китае как в государственно признанных религиозных структурах, а еще более вне их рамок, неуклонно растет. Осознавая тот факт, что решение многих политических вопросов сопряжено с решением вопросов религиозного характера, китайские лидеры уделяют особое внимание работе государства и партии в религиозной сфере, и корректируют концепцию ведения работы в данной области. Назрел вопрос разработки и принятия комплексного Закона о религии, в котором будут учтены современные реалии китайского общества и недостатки предыдущих актов нормотворчества.

1. Управление по делам религий при Госсовете : Цзунцзяо гуицзо цзичу чжиши [Основные знания по религиозной работе] // Чжунго люйю чубаньшэ. Пекин, 1990. С. 347–348.
2. С 1998 года — Государственное управление по делам религий.
3. Сюй Юйчэн. Ши си цзунцзяо лифа дэ зюань тяоцзянь [Попытка анализа объективных условий установления законов религиозной сферы]. Цзунцзяо. Пекин, 1994. № 25. С. 68.
4. Хэ Гуанлу. Цзунцзяо юй дандай чжунго шэжуй [Религии и современное китайское общество]. Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ. Пекин, 2006. С. 273.
5. Партийное решение о принципе «и фа чжи го» было принято 8 февраля 1996 г. на 3-м совещании руководящего состава ЦК КПК по законодательной системе (Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Понски новой идентичности. М., Указ. С. 297).

6. Ван Вэйфань. Е тань чжунго макэсы чжуи цзунцзяогуань дэ «шиинлунь» [Говоря о «теории соответствия» взгляда на религию китайского марксизма], 2004. URL: <http://wangweifan.bokee.com/3335620.html>.
7. См. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/17/content_693542.htm.
8. Ню Сун, Сы Юнчэн. Цзици иньдао цзунцзяо юй шэхуэй чжуи шэхуэй сяншиин [Активное приведение религий и социалистического общества к взаимосоответствию] // Цяньсянь. Пекин, 2002. № 9. С. 19.
9. Горбунова С.А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государств. М., 2008. С. 185)
10. Моу Чжунцзян. Цзэнян каньдай чжунго цзунцзяо вэньти [Как рассматривать религиозные вопросы Китая] // Чжунго минцзубао, 2009. URL: http://www.wuys.com/news/article_show.asp?articleid=29735.
11. Шуай Фэн. Цзунцзяо шуну тяоли шиин [Разъяснения к Положению о религиозной деятельности]. Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ. Пекин, 2005. С. 57–58.
12. Титаренко М.Л., Ломанов А.В., Петровский Д.И. и др. Православие в Китае / Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. М., 2010. С. 214.
13. Гун Сюэцзэн. Дэн Сяопин лилунь юй чжунго шэхуэй чжуи чунци цзедуань дэ цзунцзяо вэньти — вэй цзинянь чжунгун ши и цзе сань чжун цюань хуэй эрши чжоу эр цзо [Теория Дэн Сяопина и религиозные проблемы начального этапа китайского социализма — к 20-летию юбилею проведения третьего Пленума ЦК КПК 11-го созыва] // Шицэ цзунцзяо янцзю. Пекин, 1998. № 4. С. 1.
14. Цзоу Дунтао. Чжунго у да цзунуэяо [Пять религий Китая]. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. Пекин, 2010.
15. Lauren B. Homer. Registration of Chinese Protestant Churches under China's 2005 Regulations on Religious Affairs: Resolving the Implementation Impasse. Oxford University Press, 2010.
16. Там же.
17. Чжоу Боци. Чжунго цзунцзяо гайлань [Обзор религий в Китае и за рубежом]. Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2012. С. 260.
18. Шуай Фэн. Цзунцзяо шуну тяоли шиин [Разъяснения к Положению о религиозной деятельности]. Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ. Пекин, 2005. С. 113.
19. Anthony S.K. Lam. The Catholic Church in Present-Day China, through darkness and light. The Holy Spirit Study Centre. Hongkong, 1997. С. 209.
20. Троцинский П.В. Особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 6. С. 126.
21. Документ 19 «Основные взгляды и основная политика по религиозным вопросам в период социализма в Китае», 1982. URL.: <http://cpc.people.com.cn/GB/4519154.html>.

Культура

Дни китайской культуры в Чувашском государственном педагогическом университете имени И.Я. Яковлева

Китайская Народная Республика является ближайшим соседом России, с наиболее протяженными границами. Сегодня это крупнейший стратегический партнер нашей страны со стремительно развивающимися политическими, экономическими и культурными связями.

Одним из доказательств этого является рабочий визит с 12 по 17 мая 2013 г. главы Чувашской Республики М.В. Игнатьева в КНР. В ходе этого визита были подписаны протоколы о сотрудничестве на региональном уровне с провинциями Хубэй и Хунань.

Огромное значение имеют в настоящее время культурные связи обеих стран. Руководители РФ и КНР В.В. Путин и Си Цзиньпин неоднократно официально высказывались в пользу их дальнейшего всестороннего развития и активного участия в них молодежи обеих стран.

Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева занимает на этом направлении лидирующие позиции среди вузов республики. Здесь проводится активная работа по изучению наследия нашего великого земляка — выдающегося ученого, основоположника российской синологии Никиты Яковлевича Бичурина, изучению китайского языка, знакомству с историей и культурой Китая. На факультете иностранных языков создан Китайский клуб — добровольное объединение студентов и преподавателей, изучающих историю, культуру и национальные обычаи народов КНР, действуют курсы «Основы разговорного китайского языка». На факультете русской филологии в течение 80 часов изучается учебная дисциплина «Культура древнего Китая», ведется большая внеучебная работа по подготовке студентов к межкультурной коммуникации. На историческом факультете регулярно проводятся международные и Всероссийские конференции, посвященные изучению научного наследия Н.Я. Бичурина, в апреле 2013 г. создан Филиал Института Дальнего Востока РАН имени Н.Я. Бичурина.

В настоящее время установлены тесные связи с учеными ИДВ РАН, Обществом российско-китайской дружбы, Институтом Конфуция Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ), научными и культурными учреждениями республики, изучающими наследие Н.Я. Бичурина.

14—15 мая 2013 г. в Чувашском государственном педагогическом университете имени И.Я. Яковлева прошли Дни китайской культуры, организованные совместно с Институтом Конфуция КФУ по инициативе Китайского клуба, работающего под руководством доцента Е.В. Суховой. В них приняли участие студенты и преподаватели универ-

ситета, других учебных заведений, представители общественности города и республики, китайские гости.

14 мая в актовом зале главного учебного корпуса Чувашского государственного педагогического университета (ЧГПУ) им. И.Я. Яковлева состоялось торжественное открытие Дней китайской культуры.

Открывая мероприятие, проректор по научной и инновационной работе Т.Н. Петрова отметила, что Китай это страна уникальной культуры, искусства и философии. «Знаменательно, что именно в эти дни глава республики М.В. Игнатьев находится с рабочим визитом в Китайской Народной Республике. В нашем педагогическом университете есть определенные достижения по созданию условий для научно-исследовательской работы студентов, изучающих культуру стран Дальнего Востока. Сегодня мы хотим, чтобы диалог культур разных народностей состоялся, чтобы он был конструктивным и перспективным».

Директор Института Конфуция Казанского (Приволжского) федерального университета Джамиль Зайнуллин подчеркнул, что в России действует 20 Институтов Конфуция. «Это не выпускающий Институт, а научно-образовательный культурный центр. Я надеюсь, что и в ЧГПУ мы сможем в перспективе открыть Институт или Центр Конфуция, что позволит отправлять чувашских студентов на практику в Китай. Мы должны жить в дружбе с великим соседом — Китаем. Сегодняшнее мероприятие — это часть народной дипломатии, мы учимся дружбе, учимся понимать друг друга».

Заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Института востоковедения и международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета Яков Гришин в своем выступлении сказал: «У нас с Китаем мирные границы, нам нечего делить, но есть чему поучиться друг у друга. Мы обречены на сотрудничество. Для того, чтобы мы жили в добрососедстве, необходимо изучать эту страну, ее культуру, язык, обычаи, менталитет. Уверен, что мы будем сотрудничать с Чувашским государственным педагогическим университетом и внесем свою лепту в установление еще более тесных отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой».

«Я не в первый раз в Чебоксарах, 6 лет назад я уже был в этом городе. Чувашия — родина Н.Я. Бичурина, поэтому здесь хорошие научные традиции», — сказал докторант Института Дальнего Востока РАН, секретарь Международной Конфуцианской ассоциации Хуан Лилян. Гость из Китая отметил, что в настоящее время существуют хорошие условия для изучения как русского языка китайцами, так и китайского языка русскими и выразил надежду на плодотворное сотрудничество наших стран.

Программу праздничного мероприятия продолжил концерт, в котором приняли участие китайские и российские студенты Казанской консерватории, Казанского (Приволжского) федерального университета, члены клуба «Путешествие в загадочный Китай» при музее «Бичурин и современность», творческие коллективы студентов факультета чувашской филологии и факультета иностранных языков ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, народный коллектив «Сялкус» Синьяльского Дома культуры Чебоксарского района, члены Китайского клуба факультета иностранных языков, юные спортсмены Федерации ушу Республики Чувашия. Все выступления явились демонстрацией диалога культур, стремления к взаимопознанию, развитию дружбы и международного сотрудничества.

В тот же день состоялась встреча гостей с ректором университета, доктором физико-математических наук, профессором Б.Г. Мироновым, в ходе которой обсуждались вопросы развития дружественных связей с Китаем.

Очень эмоционально прошла встреча китайских студентов со студентами факультетов иностранных языков и русской филологии, изучающими китайскую культуру и китайский язык, презентация Китайского клуба. Большое впечатление на гостей произвела выставка литературы о Китае, большую часть которой составляли труды ученых

ИДВ РАН, в том числе многотомная энциклопедия «Духовная культура Китая», за которую ее авторы были удостоены Государственной премии РФ. Огромный интерес у участников программы вызвали мастер-классы китайского языка и китайской каллиграфии, которые провели преподаватели Института Конфуция КФУ.

Следующий день был не менее интересным. Участники программы, среди которых были студенты педагогического колледжа имени Н.В. Никольского, приняли участие в вечере китайской поэзии, который состоялся в Национальной библиотеке Чувашии. Они узнали много нового о творчестве знаменитых китайских поэтов Су Ши, Ли Бо, Бо Цзюйи, Ван Аньши и других. С презентацией китайской поэзии выступили студенты первого курса факультета иностранных языков — члены Китайского клуба. На вечере прозвучали стихи и песни на китайском и русском языках. Здесь же участники вечера познакомились с выставкой китайской литературы, которую подготовили работники отдела литературы на иностранных языках библиотеки.

Особый интерес вызвала знаменитая «Чайная церемония», которую представил «Чайный дом Пуэр» в Чебоксарах. Участники познакомились с традициями и историей чайной культуры, погрузились в неповторимую атмосферу «чайной благодати».

Центром бичуриноведения в Чувашии по праву считается музей «Бичурин и современность» в пос. Кугеси Чебоксарского района, который также принимал участников Дней китайской культуры. Студенты и сотрудники педуниверситета и китайские гости ознакомились с экспозицией музея, обсудили план совместной деятельности по изучению наследия Н.Я. Бичурина, культуры Китая и китайского языка.

Студенты факультета русской филологии провели конкурсы на знание истории и культуры Китая, подготовили оригинальные стенгазеты.

Завершением программы стала демонстрация китайских кинофильмов. Студенты с интересом посмотрели эпический китайский фильм «Хуа Мулань» о героине китайской поэмы, вставшей на защиту родины.

Так ярко и незабываемо прошли Дни китайской культуры в Чувашском государственном педагогическом университете имени И.Я. Яковлева, которые приблизили нас к уникальной культуре этой загадочной страны, позволили узнать о ней много нового и интересного. И это — только начало работы. В ближайших планах университета — вступление в Общество российско-китайской дружбы и открытие Центра китайской культуры. Все это, несомненно, будет способствовать приобщению Чувашии к укреплению российско-китайской дружбы, продолжению дела великого Бичурина.

© 2013

*Е. Сухова,
руководитель Китайского клуба,
кандидат исторических наук, доцент*

Научная жизнь

XIX Всероссийская научная конференция «Философии восточно-азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация»

20 мая 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась XIX Всероссийская научная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация», в которой приняли участие сотрудники и аспиранты ИДВ РАН, ИВ РАН, ИСАА МГУ, ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ).

Д.и.н., г.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН *А.В. Ломанов* в докладе «О китайской культуре для иностранцев: публикации Ху Ши 1930-х годов» обратился к истории проблемы формирования облика Китая за рубежом усилиями китайских интеллектуалов в республиканский период. Хотя внутри страны Ху Ши был критиком традиции, его выступления перед иностранной аудиторией были более мягкими и взвешенными по отношению к китайской культуре. Значительное воздействие на понимание соотношения консерватизма и вестернизации оказывали события в отношениях Китая с внешним миром. На это указывает сравнение выступлений Ху Ши конца 1920-х и первой половины 1930-х годов. В 1929 г. китайский интеллектуал в публикации на английском языке отверг идею «выборочной ассимиляции» в сфере культуры, он призывал к полному принятию западной цивилизации и называл Японию примером в деле изучения достижений Запада.

Однако вслед за вторжением Японии в Северо-Восточный Китай перед Ху Ши встала задача продемонстрировать разницу путей модернизации Китая и Японии в благоприятном для Китая ключе. Эти рассуждения можно найти в его лекциях, прочитанных в 1933 г. в Чикагском университете. Ху Ши подчеркивал, что китайский путь заимствования у западной цивилизации был «диффузным», лишенным централизованного контроля со стороны правящего класса, медленным и трудным – но, вместе с тем, более глубоким и опирающимся на сознательный выбор людей. Напротив, в Японии лидеры движения за модернизацию были выходцами из военной среды, они смогли провести заимствования быстро и организованно, однако в сочетании с сохранившимися элементами средневековой культуры этот путь вел к милитаризации, экспансии и военному соперничеству. Ху Ши подчеркивал, что эти тенденции не свойственны Китаю, где не было «просвещенных деспотов», военные не пользовались авторитетом, централизованный контроль над модернизацией отсутствовал. Акцент на традиционном китайском пацифизме и демократизме помогал создать привлекательный образ страны, заслуживающей сочувствия и поддержки.

С докладом «“Проходимость” Пути-дао» (к методологии перевода философской классики Китая)» выступил д.филос. н., профессор, заведующий отделом Китая ИВ РАН **А.И. Кобзев**. В своем выступлении он продемонстрировал сложность понимания китайской философской терминологии и, в частности, категории *дао*, на примере анализа основополагающего даосского трактата «Чжуан-цзы» (в частности, философского диалога разбойника Чжи с его сподвижником из гл. 10 «Чжуан-цзы»). Докладчик подчеркнул, что еще в 1978 г. им был предложен перевод, принципиально отличный от опубликованных к тому времени по-русски, однако проблема перевода термина *дао*, по его мнению, до сих пор не решена. Несмотря на то, что вполне правомерен перевод иероглифа *дао* словом „учение“ и тем более правомерна, казалось бы, безобидная фонетическая транскрипция „*дао*“, по мнению докладчика, в контексте диалога разбойника Чжи с его сподвижником вся доказательная сила заключена в конкретном значении иероглифа *дао* — „путь“, которое пропало в ряде переводов. Анализируя ключевую фразу всего пассажа «Как можно, направляясь (*ши*), не иметь пути (*дао*)?», выступающий подчеркнул семантическую и графическую связь глаголов *ши* и *дао*, подчеркнув высокую частотность употребления глагола *ши* в «Чжуан-цзы» (86 раз) и указав, что в синхронном (IV–III вв. до н.э.) трактате «Мэн-цзы», примерно в половину меньшем по объему, этот иероглиф встречается семнадцатикратно реже.

Другое свидетельство тесной взаимосвязи терминов *ши* и *дао* при безусловном значении *дао* «путь», по мнению докладчика, предоставляет даосский канон «Ле-цзы», в гл. 8 которого рассказана притча еще об одном разбойнике и содержится фраза, также объединяющая *ши* с *дао*: некий муж с востока Юань Цзинму «отправился (*ши*) в путь (*дао*) и оголодал». Кроме того, указанную автором доклада семантику *ши* (уходить, переходить в, направляться к) и прямое терминологическое значение «переход (от одного состояния/элемента к другому)» в формулах ицзинистики и учения о «пяти элементах» (*у-син*), поддерживает имя главного героя — Чжи, давшее название одной из глав «Чжуан-цзы», значение которого — «подошва ноги, стопа, плюсна, птичья лапка; топтать, попирать, ступать, ходить по; достигать, доходить».

«Тема «возвращения» к идеалу и первоначалу» — с докладом на эту тему выступил к.филос.н., н.с. Центра исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН **Р.М. Зиганьшин**. Тема возвращения является одной из важнейших и актуальнейших тем религиозно-психологического и мифологического сознания. Священное отношение к Началу (всех начал) во многом объясняет сакрализацию древности в традиционных обществах. Тема возвращения и обращения к истокам, подчеркнул докладчик, очень актуальна в китайской культуре. Отражена она и в даосском трактате «Дао дэ цзин» (§ 16), согласно которому возвращение к истокам является и символом, и неперемным условием самосовершенствования и достижения успеха. У-цзы, один из китайских военных классиков, также связывает достижение Дао, а значит совершенства, с возвращением. Несколько по-другому, но также как самый важный стратегический ресурс, необходимый в военном деле, толкует Дао-Путь Сунь-цзы, согласно которому единство правителя и народа это и есть Дао, именно в таком случае правитель обладает «Мандатом Неба». Дао здесь имеет социально-политическое значение и этот момент сближает Сунь-цзы с конфуцианцами.

Возвращение и обращение китайцев к Дао также, как полагает выступающий, можно считать неким циклическим космогоническим актом: оно здесь выступает и как некий высший идеал и как Творец всех явлений мира. Именно в Начале существовали совершенные правители древности и идеальные совершенномудрые. Это нашло отражение практически у всех традиционных китайских философских школ. Культ предков и священное отношение к древности — все это результат этого мифологического представления. Таким образом, вся китайская традиция основана на культурно-психологическом «возвращении» к древности, а значит — к идеалу и совершенству.

О трактате «Луский Му-гун спрашивает Цзы Сы» и его связи с конфуцианскими канонами рассказала в своем выступлении аспирантка ИДВ РАН *А.Ю. Блажкина*. Трактат под названием «Луский Му-гун спрашивает Цзы Сы» входит в состав годяньских рукописей – древних философских текстов на бамбуковых планках, найденных китайскими учеными в 1993 г. в уезде Шаян провинции Хубэй и получивших наименование по месту нахождения могильника, в котором велись раскопки. Докладчик самостоятельно выполнила перевод вышеуказанного трактата, построенного как разговор правителя царства Лу Му-гуна (? – 376 до н.э.) и ученого конфуцианца, внука Конфуция – Цзы Сы (ок. 483–402 до н.э.). Ключевой проблемой данного трактата она считает вопрос о понятии преданного чиновника *чжун чэнь*, связанным с характеристикой сословия служилых людей *ши* древнекитайского общества, которые наряду с правителем несли ответственность за упадок или процветание Поднебесной.

Предварительный анализ текста «Луский Му-гун спрашивает Цзы Сы», как полагает докладчик, позволяет сделать вывод о его тесной связи с конфуцианскими канонами «Лунь юй», «Чжун юн» и «Мэн-цзы». С одной стороны, рассматриваемый текст, продолжает и развивает идеи, высказанные в конфуцианских канонах (главенствующая роль долга, принцип «следовать Дао, а не следовать за правителем», характеристика подлинного чиновника, как человека, обладающего преданностью). С другой стороны, упомянутый трактат содержательно наполняет конфуцианство новым смыслом, делая акцент на том, что основная функция служилых людей – научать правителя, сообразуясь с чувством долга.

Аспирант ИДВ РАН *А.Ю. Ионов* в докладе «Критика "учения о сердце" Ван Янмина в "учении о началах познания" Гу Яньбу» отметил: ученый энциклопедист Гу Яньбу (1613-1682) стал единственным мыслителем XVII века, заново открывшим своему поколению жизнеспособность и духовную стойкость конфуцианского учения, его непреходящую ценность в тяжелейших испытаниях, выпавших на долю китайского народа в эпоху маньчжурского завоевания Китая. Гу Яньбу считал, что падение Великой Минской империи – закономерный итог ослабления официальной идеологии чуждыми китайской культуре ценностями, привнесенными иноземными учениями. Из-за их воздействия механизмы государственного управления оказались парализованы в ситуации, когда общество нуждалось в мобилизации усилий для устранения внешней угрозы. Однако сложность проблемы заключалась также и в том, что само конфуцианское учение утратило основу – идеологическую направленность и принципиальность.

Гу Яньбу негативно оценивал роль неоконфуцианства эпохи Сун в целом (полагая, что аксиология сунцев в целом опиралась на ценности, отличные от учения самого Конфуция и заложила основу для произвольного толкования конфуцианской классики), он отрицал учения о сердце Лу Сяншана и Ван Янмина и подверг критике учения о принципе Чэн Хао и Чжу Си.

Острые критики Гу Яньбу направлено на «учение о сердце» Ван Янмина, которое лишает четких критериев моральные предписания конфуцианства, поскольку вводит дополнительные понятия, заимствованные из чань-буддизма, а не использует изучение канонов. Компромисс оказывается невозможен, так как идеи буддизма являются внешними для конфуцианства, а конфуцианские каноны – внешними для буддийской доктрины. По мнению Гу Яньбу, несовместимость «учения о сердце» Ван Янмина с учением Конфуция состоит в том, что конфуцианство не рассматривает сердце, то есть эмоциональную сферу, изолированно от человеческих поступков, ему чуждо созерцательное отношение к окружающему миру. Конфуцианство деятельно и потому культивирует чувство долга, при наличии которого сами по себе эмоциональные переживания отступают на второй план. Гу Яньбу отмечает нецелесообразность изучения сердца как органа восприятия, поскольку структурировать и концептуализировать опыт интуитивного постижения невозможно.

С.н.с. Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН *А.П. Шилов* выступил на тему: «Нишаньская дискуссионная трибуна (Межцивилизационный диалог: проблемы и перспективы)». Организация Нишаньской дискуссионной трибуны (НДТ) – это ответ Китая на инициативу ООН вести постоянный диалог между мировыми цивилизациями, способствовать взаимопониманию и общению между ними. Инициатором НДТ стал бывший заместитель председателя ПК ВСНП Сюй Цзялу. Цель – взаимодействие между цивилизациями, сохранение культурного многообразия, распространение китайской культуры, усиление ее роли в межцивилизационном диалоге, поиск путей углубления взаимопонимания, взаимоуважения, создания гармоничного мира, устранения конфликта между цивилизациями. Докладчик проинформировал собравшихся о 2-м форуме НДТ (2012 г.), тема которого – «Пути создания гармоничного мира с сохранением различий. Верования, ценности, взаимоуважение, солидарность». По итогам форума, в работе которого приняли участие около 100 ученых из КНР и других стран мира, была принята резолюция: «Об охране культурного наследия и развитии диалога между цивилизациями» («Нишаньский консенсус»).

Главная задача Нишаньской трибуны заключается в том, чтобы решить, действительно ли принцип «гармонии с различиями» (*хэ эр бу тун*) является наиболее эффективным и даже единственно возможным для ведения межцивилизационного диалога и построения гармоничного мира, как считает китайская сторона. По мнению докладчика, трудно ожидать от НДТ прорыва в решении проблемы построения гармоничного мира. Тем не менее, в перспективе НДТ может быть полезной для дальнейшего осмысления проблемы как таковой, имеет все шансы занять достойное место в ряду подобных мероприятий, проводящихся в мире.

Аспирант отдела Дальнего Востока ИВР РАН *А.Э. Терехов* в докладе «Казус с легендой о рождении Ди Ку» рассказал об образе одного из совершенномудрых государей древности- Ди Ку. В I в. н.э., как отметил докладчик, образы совершенномудрых (*шэн*) государей, по большей части – древних божеств, в результате обратной эвгемеризации превратившихся в исторических персонажей, подвергаются повторной мифологизации (ремифологизации), основными элементами которой становятся легенды об их чудесном рождении, необычной внешности и о благих знаменьях, сопровождающих их правление. Но Ди Ку выбивается из общего ряда: легенды о его рождении отсутствуют в сохранившихся фрагментах апокрифов (*чэнь вэй*) – текстов, в рамках составления которых и происходил процесс ремифологизации древних *шэнов*. Однако, поскольку эти сочинения дошли до нас только в виде извлечений, некоторые ученые считают легенды о рождении Ди Ку утерянными. Тем не менее, история о чудесном рождении Ди Ку рассказывается в сочинении XII в. «Лу ши» со ссылкой на утерянное ныне сочинение «Бэй цзяо бяо» Гаотан Луна (ум. 237 г.). По мнению докладчика, даже если допустить аутентичность «Бэй цзяо бяо» и факт наличия там данной истории, ее отсутствие во всех прочих источниках, как предшествующих этому сочинению, так и появившихся после него, заставляет предположить, что она не являлась «канонической» и появилась лишь как попытка заполнить «лауну» в системе представлений о ремифологизированных государях древности.

К.филос.н., доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств *А.С. Рысаков* выступил на тему «Философские аспекты конфуцианских ритуальных практик». Как в российской, так и в западной науке, отметил он, остается малоизученным философское измерение ритуальных практик. Вместе с тем связь ритуала с техниками изменения сознания и сопутствующим комплексом рефлексивных процедур давно стала предметом изучения для социальных антропологов и культурологов. Цель доклада – наметить подходы к анализу конфуцианских ритуалов с позиции философии сознания, и очертить возможности применения феноменологии символических форм к проблемам герменевтического понимания канонических ритуа-

лов традиционного Китая. В центре исследовательского внимания докладчика — ритуальные комплексы служилого сословия (*ши*), детальная дескрипция которых содержится, в первую очередь, в каноническом тексте «И ли» («*Церемонии и ритуалы*»), а также в каноне «Ли цзи» («*Записки о ритуале*»). В частности, выступающим были проанализированы ритуал совершеннолетия для мужчин служилого сословия («ритуал надевания шапки»), церемониальный дар дикого гуся в свадебном обряде, ритуал встречи гостя.

К.филос.н., с.н.с. Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН *Н. Кварталова* в своем докладе «Счастье как этическая категория в Древнем Китае и Древней Греции» попыталась провести параллели между пониманием счастья у мыслителей двух древних цивилизаций. Докладчик выделила 3 концепции счастья. Так, в частности, у Аристотеля, у которого человек без государства немислим, счастливый человек — это, прежде всего, моральный гражданин. В Древнем Китае, отметила докладчик, похожая трактовка счастья встречается в «Цзо-чжуань», где счастье человека зависит от счастья страны; и у Конфуция, у которого добродетель определяет счастье, и люди как члены общества имеют право на счастье наряду с другими правами. Это общественно-политическая концепция счастья, причисляющая счастье к гражданским добродетелям. В противовесе этой концепции находится концепция личного счастья как счастья индивида (трактат «Мо-цзы», главы «Против конфуцианцев» и «Против судьбы»; а также Ян Чжу). Третья концепция счастья — счастье как гармония. В наиболее явном виде о таком счастье говорится в «Даодэцине» в §§ 58 и 65 и в «Чжуанцзы» в главе XVIII («Высшее счастье»).

Что касается самого понимания сущности счастья, три из пяти составляющих счастья, как отметила докладчик, совпадают у Аристотеля и в «Шу-цзин» (здоровье, наличие внешних благ / богатство и нравственное совершенствование); а вот, например, дружба не упоминается в китайских текстах. Эпикур, которого часто называют гедонистом, также считал дружбу необходимой составляющей счастья. Для Эпикура счастье — это свобода от телесных страданий и душевных тревог. И оно предполагает правильное отношение к удовольствиям и атараксию (безмятежность), а также правильное отношение к жизни и смерти. Это понимание счастья уже можно сравнить с буддистским. Таким образом, подчеркнула докладчик, развитие представления о счастье в двух цивилизациях шло в целом параллельно; в счастье включались и бытовые составляющие, и нематериальные.

К.ф.н., с.н.с. Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН *А.Н. Коробова* в докладе на тему «Книги и судьбы: литературное наследие Ван Аньши (1021–1086)» попыталась проследить судьбу первых киелографических изданий литературного наследия Ван Аньши. Учитывая тот факт, что от дней сегодняшних его произведения отделяет без малого тысяча лет, а личность реформатора получила резко негативную оценку в традиционной китайской историографии (на него, в частности, возлагалась ответственность за падение династии Сун), и принимая во внимание, что при жизни его труды (нередко политически конъюнктурные) напечатаны не были, резонно предположить, что у собрания его сочинений могла быть нелегкая судьба. Тем не менее, Ван Аньши, более всего в истории китайской литературы прославившийся своей прозой, известен как один из «восьми великих авторов [эпох] Тан и Сун». В этой связи докладчик рассматривает следующие вопросы: 1) насколько сохранилось литературное наследие Ван Аньши и есть ли произведения спорной атрибуции; 2) как происходило становление опального реформатора классиком китайской литературы.

Кроме как минимум двух неудачных попыток издать полное собрание сочинений Ван Аньши (сведения о которых зафиксированы в исторических документах), в эпоху Сун были изданы 3 собрания его сочинений — в 1140 г. в Линьчуани, ранее 1151 в Луншу и в 1151 в Линьане (Ханчжоу). Последнее, подготовленное правнуком Ван Аньши, было признано наиболее авторитетным и неоднократно переиздавалось в

дальнейшем. Однако проблема определения авторства ряда произведений Ван Аньши в самом Китае не решена. Основываясь на лингвистической методике и документальных источниках, китайские исследователи расходятся в количестве произведений знаменитого реформатора. Количество произведений в каждом из изданий и переизданий существенно отличается и варьирует от 2306 до 3308. В Китае, отметила докладчик, в настоящее время ведется большая работа по определению авторства произведений Ван Аньши и, возможно, придется вносить коррективы в имеющиеся знания о литературном наследии великого реформатора.

К.ф.н., старший преподаватель Философского факультета СПбГУ *А.Д. Зельницкий* в докладе «Чжун-куй как императорское божество» отметил, что история происхождения данного персонажа «народной» религии остается довольно загадочной. В эпоху Цин знаменитым ученым Гу Янью (1613–1682) была выдвинута версия, согласно которой фигура этого духа восходит к молоту, который использовали в древности жители царства Ци во время процессий, связанных с изгнанием вредоносных духов, а также к названию завершающей ритуальной нефритовой таблички. Эта версия, с некоторыми оговорками, была принята также де Гроотом (1854–1921), но впоследствии была подвергнута критике французской исследовательницей литературного образа Чжун-куя Д. Элиасберг. При этом она указывала на присутствие персонажа по имени Чжун-куй, наделенного функциями изгоняющего демонов в тексте эпохи Шести династий- «Каноне заклинаний высочайшего пещерного глубинного духа» (*Тай-шан дун юань шэнь чжэоу цзин*). Примечательно, что тот образ Чжун-куя, который становится привычным в более поздние эпохи, отсылает к периоду династии Тан (618–907), конкретно к эпохе правления Сюань-цзуна (712–756). Как известно, период правления Сюань-цзуна ознаменован масштабной институциональной реформой, в рамках которой проводилась реорганизация системы государственных ритуалов. В этот период был составлен новый реестр ритуалов («Ритуалы [годов под девизом правления] Кай-юань»), в котором были заново расписаны все официальные жертвоприношения и заново установлен круг важнейших почитаемых божеств. Важной особенностью ритуальных реформ было то, что они, в силу историко-политических причин, осуществлялись при самом активном участии представителей даосского духовенства. Кроме того, с точки зрения докладчика, заслуживает внимания и сама личность императора Сюань-цзуна, а именно- его приверженность даосскому учению. Докладчик полагает, что именно повышенный интерес двора, а также включение фигуры Чжун-куя в придворный церемониал и послужил основным толчком к последующей популяризации божества.

К.и.н., с.н.с. Отдела Китая ИВ РАН *А.Н. Хохлов* представил доклад «Кто автор статьи «Лао-цзы и его учение» в журнале «Сын отечества» (1842)?». Кратко изложив взгляды известного древнекитайского философа согласно трактату «Даодэцзин» (в трактовке безымянного автора статьи по трудам французских синологов Абеля Ремюза и Станислава Жульена), докладчик с учетом содержания и стиля статьи, особенно ее введения, связанного с открытием Китая в результате англо-китайской войны (1839–1842 гг.), пришел к выводу, что анонимным автором статьи о Лао-цзы, судя по всему, был известный ориенталист (арабист) и журналист О. И. Сенковский (1800–1858), а не Н. Я. Бичурин (1877–1853), к авторству которого склонялись некоторые российские библиографы после 1917 г.

К.ф.н., с.н.с. Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии *В.Б. Виноградская* в своем докладе «*Лэ юй сянь* – настройка сознания в “Ю мэнь ин”» рассмотрела авторские афористические сборники «чистых речей малых форм» (*цин янь сяо пинь*) –жанр, появившийся в конце эпохи Мин и продолживший свое развитие в эпоху Цин. Одним из лучших собраний в данном жанре считается сборник «Теи отрешенных снов» («*Ю мэнь ши*») Чжан Чао (1650-?), на котором автор доклада остановилась подробнее.

Заметки, наблюдения, впечатления, озарения, длиной от короткого предложения до порядка ста и нескольких сотен иероглифов, от вполне тривиальных до тонких и изящных, от чисто занимательных до глубоких и серьезных, содержат значительное число повторяющихся мотивов и тем, общих для традиционных китайских интеллектуалов и литературы, таких как, например образы из мира природы. Настрой на создание определенного состояния (*сянь* — «незанятость», свобода от забот) по мнению докладчика, является объединяющим началом для всего разнообразия заметок, составляющих «Ю мэн ин», а сам сборник можно рассматривать как концентрированное выражение рафинированного мира опыта литератора-интеллектуала.

К.ф.н., с.н.с. Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН *Е.К. Шулунова* в своем докладе «Основные тенденции развития современной китайской драматургии начала XXI века» отметила, что китайский драматический театр *хуацзюй* сейчас выходит на новый этап своего развития. С момента коммерциализации театра (т.е. с конца 80-х гг. прошлого столетия) предпочтение отдавалось классическим пьесам, коммерческий успех которых был прогнозируем. Однако в последние годы часты постановки новых пьес: «Ричард III», «Жить!» (по известному роману Юй Хуа), «Неофициальные записки о Западном флигеле», «Похождения скверной девчонки» (по роману лауреата нобелевской премии 2010 г. по литературе М. Варгас Льюса) и других.

Докладчик рассказала также о ежегодном Международном фестивале молодежной драмы, проходящем в Пекине. Работа этого современного молодежного фестиваля, с 2010 года привлекающего театральные коллективы со всего Китая и из-за рубежа (Германия, Франция, Швеция, Великобритания, Испания, Нидерланды, США, Швейцария, Япония, Дания, Польша, Южная Корея и др.), организована при активном участии современных драматургов и режиссеров (худрук Оргкомитета фестиваля — известный театральный режиссер Мэн Цзинхуэй).

К.ф.н., с.н.с. Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН *Е.С. Ленехова* выступила с докладом «О поездках японских буддийских монахов в Китай в VII в. и XII вв.». Одно из первых упоминаний о поездке японских монахов-студентов на обучение в Китай встречается в летописи «Анналы Японии» («Нихон сёки»), где сказано, что осенью 608 г. восемь человек были посланы на обучение в «страну Тан». Все отправляемые на обучение монахи, согласно источнику, являлись выходцами из Китая и, по мнению автора доклада, этот факт — еще одно доказательство того, что буддизм в Японии на ранних этапах своего становления поддерживался, главным образом, в среде переселенцев из Кореи и Китая. Первые японские монахи, побывавшие в Китае в эпоху Южная Сун (кон. XII в.) и пытавшиеся затем распространить систему китайского буддизма в Японии, обучались главным образом доктринам чань-буддизма в китайских монастырях.

Две рассматриваемые стадии путешествий японских монахов в Китай (в VII в. и XII вв.), по мнению докладчика, имели огромное значение не только для истории японского буддизма, но и для процесса формирования японской истории и культуры в целом. В первом случае, поездки монахов в Китай, инициированные правительством, и привлечение монахов стажеров в качестве государственных служащих привели к формированию в древней Японии государственного аппарата китайского образца и соответствующей политической культуры. В период Камакура (XII в.) путешествия буддийских монахов в Китай династии Южная Сун и заимствованная ими китайская система обучения буддизма способствовала появлению нового явления в японской религии и культуре — дзэн-буддизма.

Аспирант ИСАА МГУ *О.А. Забережная* выступила с докладом «Особенности идейного течения «Сиракаба-ха» («Белая береза») в Японии на примере эстетической мысли в творчестве Сига Наоя (1883–1971)». Объединение «Сиракаба-ха» было создано вокруг одноименного журнала (издавался с 1910 по 1923 г.). В журнале публиковались

ознакомительные материалы по западному изобразительному искусству, а также произведения участников объединения. Основная идея объединения заключалась в провозглашении новых для Японии течений – индивидуализма и гуманизма.

В группе «Сиракаба» Сига Наоя поддерживал основную линию индивидуалистической мысли и эгонстической концентрации на своем мире, характерной для представителей объединения, но выбрал путь более глубокого погружения в этот внутренний мир. По мнению автора доклада, своим существованием являя образец чувственного постижения мира и мастерской прозы, Сига Наоя явился одним из создателей японской автобиографической литературы, тем самым воплощая в жизнь идеологию индивидуализма и реализации своего «я», провозглашенную «Сиракабой».

© 2013

*А. Коробова,
кандидат филологических наук*

О VIII конференции Международного общества по изучению зарубежных китайцев¹

17—19 августа 2013 г. в г. Куала-Лумпуре (Малайзия) прошла VIII международная конференция Международного общества по изучению зарубежных китайцев (ISSCO). Эта Конференция стала событием долгожданным, так как должна была состояться еще в 2012 г. в г. Сеуле (Южная Корея), однако по организационным причинам была перенесена на 2013 г. Организатором VIII конференции ISSCO выступил Институт китайских исследований Университета Тунку Абдул Рахмана (Малайзия). Как отметил профессор Ван Гунью во вступительной речи, «Малайзия — это идеальное место, чтобы обсудить и понять опыт зарубежных китайцев, поскольку в Малайзии зарубежные китайцы внесли значительный вклад в формирование и развитие страны». В конференции приняли участие более 160 научных работников, аспирантов, журналистов и представителей бизнеса из 17 стран мира.

Тема VIII конференции ISSCO — «Локальное, региональное и транснациональное: переосмысление зарубежных китайцев». Особое место в лекциях приглашенных специалистов и в выступлениях участников конференции уделялось вопросу идентичности зарубежных китайцев. Этой теме было посвящено выступление президента ISSCO профессора Лео Сурьядината «Обретшие корни, потерявшие корни, не имеющие корней: размышления о зарубежных китайцах и их потомках в современную эпоху». В частности, профессор Сурьядината выделил четыре понятия: «возвращение к корням» (гуйгэнь), «обретение корней» (шэнгэнь), «потеря корней» (шигэнь) и «отсутствие корней» (угэнь). «Потеря корней», «обретение корней» и «возвращение к корням» являются понятиями, уже закрепившимися в отечественной и мировой науке, и означают соответственно процесс потери китайской идентичности при эмиграции за рубеж у «сужень» (лиц китайского происхождения) и их потомков («хуан»), интеграцию в принимающее общество и обретение новой культуры и новой идентичности в стране проживания, возвращение к китайской идентичности при реэмиграции. В свою очередь термин «отсутствие корней» является относительно новым понятием, отражающим реалии последнего десятилетия. В начале XXI в. изменилось качество китайской миграции. Появился новый тренд — глобально ориентированные мигранты. Термин «отсутствие корней» отражает тенденцию транснациональности и мобильности современных зарубежных китайцев, чья жизнь и место пребывания определяется экономическими и бытовыми соображениями (более высоко оплачиваемой работой, лучшими условиями проживания) и зачастую меняется в зависимости от текущей экономической конъюнктуры. Рядовым событием становится работа в одной стране, а проживание в другой или частая смена мест проживания. Таким образом, теряется не только гражданская лояльность зарубежных китайцев к своей исторической родине, но и утрачивается интерес к культуре и историческому наследию. Они теряют старые корни, не приобретая новые в стране проживания или

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ молодым ученым — кандидатам наук.

пребывания. — это профессор Сурьядината и называет «отсутствием корней». Он ставит вопрос: «Кто они — новые китайские мигранты: образец малой народности, стопроцентные американцы или вечные иностранцы?». Являются ли они мигрантами, резидентами или «астронавтами»? Это люди, не имеющие корней, или имеющие множество корней? Очевидным остается одно, делает вывод профессор Сурьядината, — в последние десятилетия в среде новых китайских мигрантов все чаще звучит требование о введении двойного гражданства.

Профессор Ли Вэй (Государственный университет Аризоны, США) также затронула вопрос транснациональности зарубежных китайцев через сравнение понятий транснационализм и реэмиграция. По ее мнению, транснационализм начинается, когда мигрант принимает решение о реэмиграции на родину или миграции в третью страну. Другими словами, реэмиграция рассматривается как часть более широкого феномена транснационализма, где основным фактором является поиск более выгодных условий работы и проживания. Согласно ее исследованию, многие китайские студенты готовы вернуться домой после завершения обучения в США, однако парадокс состоит в том, что китайское правительство хочет видеть молодых, но уже состоявшихся реэмигрантов. Это толкает выпускников на миграцию в третьи страны в целях приобретения опыта. Однако после профессионального становления зарубежные китайцы уже не стремятся вернуться на родину на постоянное место проживания, предпочитая быть «астронавтами», то есть жить и работать одновременно в нескольких странах. Таким образом, заключает Ли Вэй, сами внешние условия расширяют класс «астронавтов».

Похожему феномену — «гибкому гражданству» — было посвящено выступление Сюзан Леонг из Технологического университета Квинсленда (Австралия). Развивая теорию Айвы Онг о «гибком гражданстве» в среде зарубежных китайцев, она представила обновленные данные по китайской деловой миграции в Австралию. Сюзан Леонг проанализировала, как влияет постоянная связь с Китаем через социальные сети и блоги на сохранение китайской идентичности и лояльности к Китаю или обретение новой лояльности к стране проживания. Примечательно, что характер взаимоотношений со страной происхождения описан австралийским исследователем как «взаимный долг и выгода».

Профессор Чжоу Мин из Университета Калифорнии (США) в своем докладе «Динамика формирования поколений: трансформация американских китайцев» выдвинула тезис, что наличие китайской идентичности зависит не столько от поколения зарубежных китайцев (первое, второе, третье), сколько от внешних условий. Так, она определяет поколение как иммигрантские когорты, сформировавшиеся под воздействием социально-исторических условий, тем самым выделяя несколько когорт китайских иммигрантов в рамках четырех периодов китайской миграции в США, чья идентичность зависела больше от внешних условий, чем от места рождения. Первая когорта относится к периоду первого появления китайцев в США (1848—1882 гг.). Вторая когорта соответствует периоду действия закона об «исключении китайцев» (1882—1943 гг.). В рамках третьего периода — Вторая мировая война и послевоенный период 1943—1965 гг. — выделяются две когорты: «сегрегированные национальные меньшинства» (в частности, жители чайна-таунов) и «ассимилировавшиеся жители» (специалисты, бизнесмены, дети иммигрантов). В рамках современного периода (с 1965 г. до настоящего времени) выделяются четыре когорты: «иммигранты», «реэмигранты», «дети иммигрантов», «нелегальные мигранты». В частности, профессор Чжоу обосновывает, что во второй когорте в период действия закона об «исключении китайцев» китайская идентичность сохранялась у «хуажень» и «хуаи» на протяжении многих поколений, что было обусловлено их фактической консервацией в чайна-таунах. Отсюда исследователь делает вывод, что идентичность формируется, прежде всего, под воздействием внешних условий (политики

властей принимающей страны, условий на местном рынке труда, деятельности общественных организаций и т.д.).

Многие исследователи в своих выступлениях обращались к современному периоду китайской миграции. Чжан Сюмин (КНР) представил доклад о новой миграции и «цяосян». «Цяосян» (giao xiang) — это «малая родина» эмигрантов, местность (как правило поселок, городок, уезд), откуда за рубеж эмигрировала часть местных жителей и где остались проживать их родственники. Докладчик выделил традиционные «цяосян» и новые «цяосян». По его мнению, «цяосян» присущи три характерные черты: 1) наличие определенного числа выходцев из данной местности за рубежом; 2) поддержание тесных связей с зарубежной диаспорой; 3) наличие в составе местных органов власти структур по делам зарубежных китайцев и реэмигрантов. Только при наличии всех черт можно говорить о том, что данная местность действительно является «цяосян». При этом исследователь подчеркнул, что новая миграция формирует новые «цяосян», способствуя их развитию, в то время как некоторые традиционные «цяосян» теряют свой статус, утрачивая связи с зарубежной диаспорой.

Важно отметить, что несмотря на то, что понятийный аппарат в сфере исследования китайской миграции уже устоялся, однако появляются новые термины и классификации, совершенствуются уже имеющиеся. Например, понятие новой китайской миграции во многих докладах уже начало подразделяться на раннюю новую миграцию (1980—1990 гг.) и позднюю новую миграцию (с конца 1990-х гг.). В рамках данной типологии выделяют характерные черты каждого этапа новой миграции. Так, для стран Юго-Восточной Азии отмечается, что на позднем этапе новой миграции значительную долю мигрантов составляли состоятельные бизнесмены и инвесторы из КНР (а не из Тайваня и Гонконга, как это было на предыдущем этапе). Кроме того, наряду с термином «синь иминь» для обозначения новых китайских мигрантов, в выступлениях участников использовался и термин «синьцяо».

Традиционно большой блок докладов на конференциях ISSCO посвящается китайской миграции и зарубежным китайцам в странах Юго-восточной Азии. Не стала исключением и VIII конференция, которая затронула самый разнообразный спектр тем: от новой китайской миграции в Камбодже, Малайзии и на Филиппинах, до истории формирования китайских ассоциаций в странах Юго-Восточной Азии, филантропической деятельности китайских диаспор и особенностей китайской культуры и религии в странах региона. Нескольку секций специально были посвящены китайским школам в Малайзии, а также изучению китайского языка в странах Юго-Восточной Азии.

На отдельной секции рассматривались проблемы китайской миграции в Африку. Данная тема привлекает внимание большого количества исследователей. Карен Харрис (Университет Претории, ЮАР) представила доклад об отношении населения ЮАР к признанию «черными» китайцев, получивших гражданство ЮАР до 1994 г., и их потомков. Соответствующее решение Верховный суд ЮАР в Претории вынес в 2008 г. Это устранило ущемление этнических китайцев в осуществлении бизнеса, проведении различных операций, занятии должностей. Однако это решение подняло волну протестов среди местного населения под лозунгами «китайцы — не черные» или «китайцы — недостаточно черные». В целом исследователи в своих выступлениях отмечали предубежденное отношение местного населения стран Африки к китайским мигрантам и в особенности, к китайским предпринимателям. Китайские бизнесмены регулярно сталкиваются с ограничениями в правах со стороны местных властей. Это вызвано тем, что низкие цены и значительное количество китайских магазинов приводят к вытеснению с рынка местных предпринимателей. Низкое качество китайских товаров, незнание китайцами языка страны пребывания и, как правило, английского языка, кражи местными жителями из китайских магазинов приводят к частым конфликтам.

Несколько секций было посвящено зарубежным китайцам в Северной Америке. Большой интерес вызвал доклад Сонода Сетсуко (Япония) о передаче опыта китайской диаспоры в Сан-Франциско по адаптации и взаимодействию с местными властями и жителями через консульства Китая в другие китайские сообщества в США, Канаде и Перу в конце XIX в. Беннетт Бронсон и Чуймей Хо (США) в своем выступлении проанализировали стратегии выживания китайских женщин на Северо-западе США в 1860—1920 гг. Мэри Уотерс (США) представила доклад о борьбе против антикитайского расизма в США и на Кубе после 1865 г.

Выступление канадских исследователей Карла Фросхауэра и Лойда Вона «Китайские техно-иммигранты в Канаде» было посвящено участию китайских мигрантов в высокотехнологичных секторах экономики Канады. Ян Го из Университета Калгари (Канада) презентовала результаты исследования о проблемах детей китайских мигрантов, посещающих канадские школы, и участии родителей в процессе адаптации детей в местных школах. Ван Исюань и Цзун Ли (Канада) представили доклад о барьерах для интеграции китайских мигрантов в канадское общество. Они пришли к выводу, что хотя новые мигранты хорошо образованы и финансово состоятельны, они все еще подвергаются в той или иной мере дискриминации на рынке труда и в бытовых вопросах, но в современных условиях причина дискриминации — это скорее разница в культурных ценностях и традициях, чем расовая принадлежность.

Значительное количество докладов было посвящено проблеме «утечки мозгов» и их возвращению в Китай. Так, Тянь Фанмэн из Пекинского педагогического университета в своем выступлении большое внимание уделил вопросу возвращения зарубежных китайских специалистов и студентов в КНР. По итогам проведенного им исследования, он выдвинул тезис, вызвавший обширную дискуссию в секции, что основной вклад в научно-техническое развитие Китая среди зарубежных китайцев внесли реэмигранты, имевшие диплом ВУЗов Китая и прожившие за рубежом более двух лет.

Большой интерес вызвали доклады, освещающие различные вопросы жизни китайских мигрантов в Европе. Николетта Брессан (Италия) в докладе «Китайские предприниматели в Италии: локальное и транснациональное развитие» отметила, что в настоящее время количество китайских мигрантов в Италии составляет более 277 тыс. человек, им принадлежат более 40 тыс. фирм. Основная доля китайского бизнеса в Италии приходится на розничную и оптовую торговлю (более 18 тыс.), производственный сектор (более 15 тыс.) и отели и рестораны (более 4 тыс.). По данным исследования, за период 2002—2009 гг. количество китайских предприятий в Италии выросло на 131%. Кроме того, исследовательница подчеркнула процесс диверсификации китайского бизнеса в Италии в последние 5 лет: расширение сфер деятельности, покупка и создание предприятий в различных секторах экономики.

VIII конференция завершилась общим собранием членов Международного общества по изучению зарубежных китайцев, на котором его новым президентом был избран профессор Тан Цзибэн (Институт антропологии и социологии Университета им. Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Tan Chee-Beng, на путунхуа — Чэнь Чжиминь). На церемонии закрытия конференции профессор Ван Гунью получил особую награду за выдающийся вклад в дело развития исследований зарубежных китайцев. Было также объявлено, что IX международная конференция ISSCO состоится в 2016 г. в г. Ванкувере (Канада).

Инновационные проекты ИДВ РАН в гуманитарных науках

Высокую эффективность внедрения научных знаний в образовательную и исследовательскую практику демонстрирует реализация инновационных проектов Института Дальнего Востока Российской Академии наук (ИДВ РАН).

В ходе подготовки к торжествам в честь 230-летия со дня рождения патриарха российского китаеведения Н.Я. Бичурина (2007 г.) началось сотрудничество Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН с учеными вузов и научных учреждений Чувашской Республики — малой родины Никиты Яковлевича. На Международной научно-практической конференции, посвященной этому событию, представили свои доклады как российские, так и китайские ученые. В их числе — начальник отдела Древней истории Института истории Академии общественных наук Китая Юй Тайшань, научные сотрудники этого института Ли Вэйли и Чжар Кен. Кстати, Ли Вэйли к тому времени завершила работу над докторской диссертацией на тему «Исследование Китая российским востоковедом Н.Я. Бичуриным». Это стало одним из первых коллективных успехов в реализации соглашения, заключенного в 2005 г. между институтами России и Китая о совместной разработке научных проблем. Сборник научных статей состоявшейся в 2007 г. международной конференции «Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение» стал важным источником по исследованию истории и культуры народов Евразии, в том числе древних племен западных окраин Китая и предков российских чувашей. Ряд научных трудов, изданных ИДВ РАН и преподнесенных тогда представителями академического института исследователям республики, дополнили экспозиции Музея «Бичурин и современность» в Чебоксарском районе Чувашской Республики.

Практическим результатом продолжения сотрудничества отечественных и китайских ученых стали научные конференции, посвященные 235-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина (сентябрь 2012 г.) и проблемам преемственности просветительских традиций (апрель 2013 г.). В рамках этих научных форумов подвижники упрочения сотрудничества столичных и региональных ученых: руководитель Центра изучения цивилизаций ИДВ РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации А.Е. Лукьянов, научные сотрудники ИДВ РАН В.П. Абраменко, А.О. Милянюк, аспирант А.Ю. Понов и ученые из других регионов России посетили вузы и общеобразовательные школы Чувашии, музей «Бичурин и современность», пришкольный музей имени Н.Я. Бичурина в с. Бичурино Марининско-Посадского района.

В ходе этих совместных мероприятий сказался большой социальный эффект научной поддержки региональным культурным проектам. В с. Бичурино, откуда Никита Яковлевич Бичурин выезжал на учебу (сначала, в 1786 г. — в Свияжскую школу потного пеня, а в следующем году — в Казанскую духовную семинарию), на день встречи с учеными Института Дальнего Востока собрались не только жители современного села, но и его уроженцы, ставшие успешными и известными в своих сферах деятельности во многих городах Чувашии и Российской Федерации. Этот праздник оз-

наменовался зарождением новой традиции — ежегодным проведением Дня села Бичурино, среди мероприятий которого воспевание славных дел своих выдающихся земляков, достойно вошедших в историю, подведение итогов многогранной работы сельчан, включая учащихся, концерты художественной самодеятельности, в том числе с участием китайских артистов.

Гости подарили местным библиотекам свои научные труды, а также уникальные монографии академика РАН М.Л. Титаренко о роли России в глобализирующемся мире и первые тома серии «История русской и мировой культуры» в 50-ти томах, издаваемой под руководством академика РАН В.Б. Миронова. Книги, подаренные видными учеными академического института, заметно обогатили библиотечные фонды республики, активно используются в учебно-воспитательном процессе вузов, подготовке студенческих и аспирантских докладов, проведении спецкурсов и спецсеминаров с докторантами, аспирантами и студентами.

По инициативе сотрудников ИДВ РАН в республике активизировались курсы преподавания китайского языка, открылся Китайский клуб (руководитель — заведующая методическим кабинетом факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета, доцент Сухова Е.В.). Подготовку преподавателей китайского языка первоначально организовали при участии докторанта Института Дальнего Востока РАН, секретаря Международной конфуцианской ассоциации Хуан Лиляна. Серьезную лингвистическую подготовку прошла в Институте Дальнего Востока выпускница Чувашского госпедуниверситета А.М. Сержантова. Теперь преподавание китайского языка ведется при Музее «Бичурин и современность» (для старшеклассников общеобразовательных школ) и на факультете иностранных языков Чувашского госпедуниверситета им. И.Я. Яковлева (для студентов и работающей молодежи). В ходе «Дней китайской культуры» в Чебоксарах в мае 2013 г. достигнута договоренность об открытии на базе Чувашского госпедуниверситета отделения Института Конфуция, который действует в Казанском (Приволжском) федеральном университете (директор — доктор филологических наук, профессор Д.Г. Зайнуллин).

Таким образом, учебные заведения и музеи Чувашии фактически стали своеобразными научно-творческими лабораториями академического Центра изучения цивилизаций ИДВ РАН. Признавая значительный вклад в исследование и популяризацию научного наследия — уроженца Чувашского края Н.Я. Бичурина, высшие органы местной власти наградили руководителя Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН профессора Лукьянова А.Е. Почетной грамотой Государственного Совета Чувашской Республики.

В соответствии с рекомендациями совместных конференций Институт Дальнего Востока издал в начале 2013 г. книгу китайских канонических поучений XIII века «Троесловие» («Сань цзы цзин» — «Канон трех иероглифов») с включением в нее поэтического перевода этого выдающегося произведения на чувашский язык (переводчик — кандидат филологических наук, доцент, известный чувашский поэт П.Я. Яковлев). Как известно, Н.Я. Бичурин, выполнивший перевод «Троесловия» с китайского на русский язык в 1829 г., призывал: «Эта книжка поистине заслуживает, чтобы ее изучало юношество». Высоко оценивая дидактическое и просветительское значение «Троесловия», ЮНЕСКО включило его во «Всемирную библиотеку нравственного воспитания детей».

Презентация академического издания «Канона трех иероглифов» состоялась в апреле 2013 г., в ходе Всероссийской научно-практической конференции «Преемственность просветительских традиций в России XIV—XXI веков» в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева. Участники презентации назвали «Троесловие» целостной образовательной программой по подготовке достойных граждан страны и убедились, что эта книга является не только детско-юношеской энциклопедией, но и дает поучительный урок государственным мужам. Она раскрывает фунда-

ментальную истину: источником государства является народ со своим духовно-культурным наследием, а механизм сбережения и передачи из века в век этого наследия — система образования — является основой и гарантом сохранения государства.

Эффективное многогранное сотрудничество столичных и региональных ученых породило новую форму интеграции академического учреждения с вузами: в Чувашской Республике создан Филиал ИДВ РАН как структурное подразделение академического института. Основными задачами Филиала стали выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований в области истории и культуры народов России и стран Евразии, науковедения и востоковедения в направлениях, представляющих интерес для ИДВ РАН и вузов республики; подготовка и повышение квалификации научно-педагогических кадров; разработка научно-практических рекомендаций государственным и негосударственным учреждениям и организациям, связанным своей деятельностью с реализацией научной, образовательной и национально-культурной политики; оказание консультационных услуг и др. Важными направлениями деятельности Филиала, которому присвоено почетное имя Н.Я. Бичурина, стали углубленное изучение и популяризация научного, педагогического и литературного наследия основоположника российской научной синологии, сотрудничество с отечественными и зарубежными научными организациями по выявлению и исследованию материалов, раскрывающих историю и судьбу древних племен суннуского и гуннского объединений, болгар и сувар, ставших предтечей этногенеза чувашского народа — четвертого по численности народа в современной России.

Участники торжественного открытия Филиала ИДВ РАН им. Н.Я. Бичурина с воодушевлением восприняли приветствие директора Института Дальнего Востока, академика РАН М.Л. Титаренко, в котором подчеркивалось присутствие высокого духа созидания, жизнестойкости у предков чувашей, внесших свою лепту в историю формирования «симфонии» народов России и Евразии.

Рецензии

Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: ИД «Форум», 2012. 416 с.

Ученые Российской академии наук и Академии общественных наук Вьетнама (ВАОН) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) под руководством заместителя директора ИДВ РАН, доктора экономических наук А.В. Островского и директора Института Китаеведения ВАОН доктора исторических наук До Тиен Шама успешно завершили совместное фундаментальное научное исследование, посвященное сравнительному анализу общего и особенного в теории и практике реформ переходного периода в России, Китае и Вьетнаме, которое имеет к тому же немалое прикладное значение.

Участниками этого проекта стали признанные специалисты в своей области в России и во Вьетнаме. Среди них — историки, политологи, экономисты и социологи, что обеспечило междисциплинарный, комплексный подход, позволяющий сравнить различные концепции и выводы. На основе глубокого и всестороннего научного анализа в трех основных областях — экономической, социальной и политической — авторы выявили как сходства, так и серьезные различия в рыночной трансформации в каждой стране, важнейшие закономерности и особенности этого процесса.

Сходство, как показано в исследовании российских и вьетнамских ученых, заключается в том, что во всех трех странах осуществляется глубокая системная реформа, означающая переход от директивной, плановой системы управления в экономике к механизмам рыночного саморегулирования и от традиционной, централизованной власти к более или менее современной модели правового государства с большей или меньшей степенью демократизации политической системы. При этом ставятся идентичные цели: модернизация экономики, замена экстенсивных форм производства интенсивными, отход от опоры на избыточную и дешевую рабочую силу и переход к квалифицированному труду, развитие научно-технического

прогресса и инноваций, сохранение природной среды и, в конечном счете, повышение жизненного уровня народа и укрепление политической стабильности. Везде этот процесс идет крайне тяжело как по объективным причинам, так и в результате допущенных ошибок и сопротивления отдельных социальных слоев и групп.

Основной проблемой экономической реформы стало определение границ государственного вмешательства в экономику. Оказалось, как показано авторами, что несмотря на переход к рыночному хозяйству отношения собственности во многом изменились лишь формально. Во всех трех странах доминирующим укладом фактически стал государственный капитализм. По-прежнему главным игроком, наиболее активным экономическим субъектом остается государство и в его лице — государственный чиновник, нередко, к сожалению, вороватый и склонный к коррупции. Созданные в трех странах финансово-промышленные корпорации (группы), пользуясь привилегиями и живя за счет государственного бюджета, в большинстве случаев показывают низкую эффективность и все чаще оказываются в центре громких коррупционных скандалов.

Если Россия пошла по пути самой радикальной реформы, применив либеральную, монетаристскую модель, то Китай, а немного позже и Вьетнам избрали относительно безболезненный, постепенный переход от плановой к рыночной экономике, обеспечивший им сохранение высоких темпов роста на протяжении уже трех десятилетий. Достигнутые тремя странами результаты, особенно в паре Россия — Китай, однозначно показывают, что сравнение пока явно не пользу российской модели.

Можно по-разному относиться к реформам в Китае, но нельзя не согласиться с авторами в том, что за эти годы Китай в отличие от России добился впечатляющих успехов в развитии народного хозяйства. И этот опыт ки-

тайских реформ содержит немало ценных уроков для всех государств, проходящих переходный период от одной модели экономического развития к другой. Он, прежде всего, показал возможности более гармоничного развития в рамках смешанной экономики и перехода к рынку с меньшими социальными издержками, что позволило сохранить политическую стабильность и монополию власти правящей коммунистической партии.

Д.э.н. А.В. Островский подчеркивает, что главной отличительной чертой китайской модели от российской является серьезная теоретическая проработка общих проблем экономической реформы с учетом зарубежного опыта, предварительное проведение локальных экспериментов и тщательный анализ их результатов. Этот опыт убедительно показал преимущества постепенного, поэтапного, а не одномоментного перехода к рыночной экономике. Это позволило Китаю на протяжении длительного периода обеспечить стабильный и постоянный рост экономических показателей, повышение жизненного уровня основной массы населения и заинтересованность большинства социальных слоев и групп в реформах и переходе к рынку.

Конечно, можно поспорить относительно его вывода, что «используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку могла бы быть применена в определенной степени и в российских условиях с учетом российской специфики для каждого региона отдельно»¹. Здесь ключевые слова — «в определенной степени». У истории, как известно, нет сослагательного наклонения, да и слишком разными были стартовые условия реформ в двух странах как экономические, так и политические. Не случайно, приветствуя большую совместную работу российских и вьетнамских ученых, первый вице-президент РАН академик А.Д. Некипелов справедливо отметил, что для страны с преобладанием тяжелой промышленности (от себя добавим, с гигантским ВПК и при катастрофическом падении цен на нефть) такой алгоритм реформ, который был применен в Китае, а затем и во Вьетнаме, обрекал экономику на серьезные деформации².

Но в чем А.В. Островский, несомненно, прав, так это в том, что в выборе экономической стратегии российское руководство, как в прошлом, так и в современных условиях могло бы в большей степени учитывать китайский опыт, который состоит, помимо прочего, в отказе от либеральных концепций т.н. «вашингтонского консенсуса» и в переходе от стратегии

догоняющего развития к стратегии сравнительных преимуществ по примеру Японии и «четырёх азиатских драконов», что позволило Китаю достичь небывало высоких темпов экономического роста на протяжении многих лет.

Пути перехода к рыночной экономике в России в решающей степени определялись процессом приватизации. Изучение этого опыта, по мнению вице-президента Вьетнамской академии общественных наук, доктора Нгуен Куанг Тхуана, имеет большое теоретическое и практическое значение почти для всех стран с переходной экономикой. В своем исследовании он обстоятельно показывает, какие уроки извлек из этого для себя Вьетнам. Процесс приватизации в России, по его словам, оставил в российской экономике и обществе настолько тяжелые последствия, что многие засомневались в том, а был ли в ней вообще какой-то смысл. Это заставило вьетнамское руководство всерьез задуматься над тем, как должна была бы на самом деле проводиться приватизация, чтобы не наносить столь тяжкого ущерба всей социально-экономической структуре страны и не заставлять свой народ платить за нее несоизмеримую цену. Урок для Вьетнама состоял в том, что программа приватизации должна включать комплексные, всесторонние и системные меры, а не просто служить основой для раздачи государственного имущества в руки новых собственников из числа приближенных к власти людей³.

Различия в моделях реформирования экономики в России и Китае, как показано коллективом российских и вьетнамских авторов, особенно дали о себе знать во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда падение мировых цен на основные товары российского экспорта привело к резкому (почти на 8% в 2009 г.) сокращению ВВП страны, тогда как Китай и Вьетнам при тех же обстоятельствах, стимулируя внутренний спрос, смогли сохранить хотя и не такие высокие, как раньше, но достаточно убедительные темпы роста — соответственно в 7–8% и 5–6% ВВП в год.

Важной особенностью представленной работы является также первая попытка сравнения общих черт и отличий условий, стратегии и тактики, а также результатов реформ в Китае и во Вьетнаме. Если этот процесс относительно глубоко проанализирован российскими и иностранными учеными применительно к каждой стране в отдельности, то сравнительный анализ его развития впервые и не без успеха попытался проделать доктор экономических наук В.М. Мазырин.

Руководящая роль компартий в обеих странах предопределила декларирование ими курса на социализм в собственной интерпретации его существа и этапов на пути к нему. Руководство КПВ сделало свои выводы и извлекло уроки из краха СССР, оценив его не как поражение социализма вообще, а как провал только одной его модели — советской (сталинской)⁴. Одним из главных теоретических достижений в обеих партиях считается пересмотр утвердившихся представлений о рыночной экономике как об исключительной характеристике капитализма и обоснование ее возможности совмещения с социализмом. Исходя из этого, руководство КПК утверждает, что строит «социалистическую рыночную экономику», а КПВ строит «рыночную экономику, ориентированную на социализм». Разница слишком мала, чтобы ее разглядеть невооруженным взглядом.

Главный вывод из уроков истории, который был сделан руководством КПВ вслед за их китайскими коллегами, связан с тем, что нельзя успешно развиваться, не открываясь миру, не становясь активными участниками международного разделения труда, не используя всех выгод экономического и научно-технического сотрудничества.

Реформы во Вьетнаме начались на 10–15 лет позже и идут медленнее, чем в соседнем Китае. Сказываются различия в стартовых условиях. Ведь начинать приходилось не то, что с нуля, а буквально на краю пропасти, в дотла разоренной войнами стране и к тому же лишившейся всякой помощи извне. Вьетнам не располагал благоприятными внешними условиями и преимуществами для перевода экономики на рыночные рельсы, которые имел Китай. А потому там фактически не занимались теоретическими вопросами, хозяйственные эксперименты на местах проводились часто даже без формального разрешения сверху. Они диктовались самой жизнью и необходимостью выхода из тупика. Применяя схожие с Китаем методы преобразований, вьетнамское руководство в центре и на местах исходило из принципа: что успешно удалось в Китае, должно получиться и во Вьетнаме. Часто так и выходило. И переход к рыночной экономике во Вьетнаме принес видимые и в основном схожие с китайскими позитивные результаты.

КПК, как считают некоторые эксперты, удалось добиться большего в управлении государственными предприятиями и в повышении их эффективности и конкурентоспособности. Вьетнам на порядок уступает северному соседу в развитии инфраструктуры и в эффек-

тивности капиталовложений в этой области. Отстает он и в сфере образования и подготовки профессиональных кадров. Д.э.н. В. М. Мазурин оценивает отставание Вьетнама в модернизации экономики от КНР в 15–20 лет⁵.

Мировой финансовый кризис и преодоление его последствий китайской и вьетнамской экономикой показали не только плюсы, но и серьезные минусы их модели реформ. Эта модель себя уже исчерпала, и рождается новый подход к главным путям развития страны. Об этом много и откровенно говорилось на прошедших съездах правящих коммунистических партий Вьетнама (январь 2011 г.) и Китая (ноябрь 2012 г.) и в широкой дискуссии, которая им предшествовала и продолжается до сих пор.

Общие контуры будущей китайской экономики, как они были обрисованы на съезде КПК, означают новую индустриализацию, опирающуюся на инновации и научно-технический прогресс, развитие информационных технологий, урбанизацию и обновление села. И все это при условии сохранения и без того уже сильно загрязненной окружающей среды. Китай намерен накапливать силы, наращивать экономическую мощь и снижать зависимость от экспорта, предпринимая все возможное для того, чтобы не допустить дестабилизации ситуации внутри страны. За десять лет предстоит осуществить обещанное на съезде «двойное удвоение» — увеличить вдвое объем ВВП и удвоить средние доходы жителей города и села.

Ключевой проблемой для всех трех стран является коррупция. Последние события и принимаемые решения, как в Китае, так и во Вьетнаме свидетельствуют, что новое руководство КПК и КПВ ясно видят всю сложность ситуации и настойчиво ищут пути решения возникших проблем. Особое внимание ей уделяет избранный на XVIII съезде КПК новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, провозгласивший девизом политики КПК «близость к людям». В одном из своих первых выступлений после съезда он настойчиво предупреждает:

«В последние годы в некоторых странах длительное накопление проблем привело к народному гневу и выходу людей на улицы, социальному беспорядку, падению политической власти, при этом коррупция была наиболее важной среди причин. Большое количество фактов говорит нам, что проблема коррупции становится все более и более острой, она способна привести к гибели партии и гибели государства! Нам нужно быть бдительными!»⁶

Еще одним признаком политики «бли-

зости к людям» стали приняты в начале декабря прошлого года на заседании Политбюро ЦК КПК «восемь положений», призванных сблизить партийное руководство с народными массами. Для этого должно стать меньше пустых речей и ненужных совещаний, лишенных информационной ценности сообщений СМИ о деятельности членов Политбюро, перекрытий движения транспорта при поездках начальства, руководству нужно подавать пример экономии и бережливости. (выделено мною — Г.Л.). Представляется, что многие из этих «восьми положений» были бы весьма полезны и актуальны также и для России.

Нет сомнений в том, что рассмотренная работа будет во многом интересна и полез-

на не только ученым и преподавателям, но и широким кругам общественности двух стран. Немалую пользу она должна принести законодателям и практическим работникам, занятым разработкой законов и директив по переходу к рыночным отношениям в различных областях.

А в целом совместное издание этого труда на русском и вьетнамском языках является успешным продолжением творческого поиска ученых ИДВ РАН и Института Китаеведения ВАОН, начатого еще в 2010 г. общей коллективной монографией «Китай в начале XXI века» глазами российских и вьетнамских ученых. Но оно могло бы стать еще более плодотворным, если бы к участию в нем подключились ученые Китая.

© 2013

*Г. Локшин,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
ИДВ РАН*

1. Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: ИД «Форум», 2012. С. 400.
2. Там же. С. 4.
3. Там же. С. 113.
4. Избранный XI Съездом Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг является автором вышедшего перед съездом подробного исследования исторических уроков крушения КПСС и распада СССР.
5. Там же. С. 379.
6. Цит. по: *Ламанов А.В.* Новый лидер исполнит китайскую мечту о возрождении // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 6.
7. Там же.

Завидовская Е.А. Народная религия современного Тайваня: храмовые организации и праздники. СПб.: Наука, 2012. 175 с.: 62 ил. ISBN № 978-5-02-037122-4

Е.А. Завидовская рассматривает особенности организации и функционирования религиозных объединений на острове Тайвань, а также проблемы взаимодействия храмовой общины и верующих. Из-за особенностей исторической ситуации на острове религиозная жизнь Тайваня значительно отличается от таковой в материковом Китае (КНР). В силу ряда причин она уже была достаточно подробно исследована иностранными и местными учеными. Тем не менее, как указывает автор книги, не все аспекты жизни религиозных организаций получили полное освещение в уже существующих исследованиях. На эти аспекты — такие, как социальная и экономическая основа современной храмовой общины, а также историческая динамика ее развития — Е.А. Завидовская обращает особое внимание.

На русском языке подробные исследования религии Тайваня отсутствуют, что определяет ценность монографии Е.А. Завидовской. В отечественной науке еще не получила должного освещения проблема важности религиозного элемента в организации культуры и жизни светских людей в разных районах Китая в современный период.

Предметом работы Е.А. Завидовской являются культы народных божеств и посвященные им храмы в период с 1945 г. по настоящее время. Несмотря на то, что в поклонении этим божествам важную роль играет даосский ритуал, в организации культов ведущая роль принадлежит светским лицам. При этом Е.А. Завидовская демонстрирует территориальную «привязку» культов: в большинстве случаев активные члены религиозной общины проживают вокруг храма. Таким образом, автор показывает неразрывное единство народных религиозных верований и даосизма. Культы народных божеств — лишь один из аспектов религиозной жизни Тайваня; тем не менее, он является очень важным в организации как традиционного, так и современного социума в этом регионе.

Книга основывается на материалах полевых исследований, которые автор проводила в 2009 г. Она посетила несколько храмовых праздников, наблюдала даосские и буддийские

ритуалы, опрашивала активных деятелей храмовых объединений. В то же время Е.А. Завидовская изучила обширную литературу по данной теме на китайском и английском языках.

Первая глава книги посвящена теоретическому осмыслению локальных культов и храмовых объединений, в ней автор критически обсуждает выводы предшествующих зарубежных исследований по данному вопросу. Е.А. Завидовская подробно раскрывает дискуссию зарубежных ученых по поводу определения типов «ареала культа» и «ареала верования» — категорий, в которых часто описывается религиозная жизнь Тайваня. Е.А. Завидовская принимает эти категории в качестве теоретической базы исследования. На основе собственных исследований автор показывает, что они «дают возможность сформулировать, как и по каким принципам деревни или районы города объединяются в храмовые общины». В то же время автор признает условность этих теоретических категорий, приводит примеры локальной и исторической специфики данных понятий.

Во второй главе автор рассматривает несколько примеров храмовых объединений Тайваня. При этом особое внимание уделяется институту главы курильни — *лучжу* и тенденциям развития религиозных организаций в период после 1945 г.

В третьей главе монографии анализируется вопрос отношений между храмами, которые Е.А. Завидовская классифицирует как иерархические (образование филиалов) и «дружеские» отношения между храмами, равными по статусу. Также рассматриваются виды паломничества и другие категории отношений между верующими и храмами.

Особую ценность представляет сравнение ситуации на Тайване с таковой в Северном Китае в четвертой главе работы. Это сравнение позволяет лучше понять специфику Тайваня и в то же время определить общие черты в организации религиозных объединений китайцев, проживающих в разных регионах страны. Е.А. Завидовская сравнивает культы двух регионов подробно, по нескольким параметрам, так как она проводила полевые исследования

также и в северных провинциях КНР Шаньси и Шэньси: их материалы легли в основу предыдущей книги автора. Е.А. Завидовская полагает, что важным отличием современного состояния храмовых объединений на Тайване и в Северном Китае является ослабление роли даосского ритуала и священнослужителей, его проводящих, в Северном Китае. Автор видит причину этого явления в различии исторических и политических обстоятельств развития народной религии в двух регионах.

Пятая и шестая главы книги посвящены культу отдельного божества — «богине морей» Мацзу и «божествам эпидемий» Ван-е. Эти божества особенно популярны на острове и их культы включают многообразные храмовые действия. Культ Мацзу, необычайно популярной на Тайване, как отмечает автор монографии, характеризуется организованными паломничествами из разных частей острова в центральные храмы в период празднования дня рождения богини (3-й месяц по лунному календарю), для чего в некоторых храмах формируются временные объединения паломников. Е.А. Завидовская описывает алгоритм паломничества на примере храма Чжэньлань-гун в селе Дацзя и указывает, что соперничество между храмами Мацзу на Тайване за звание «первого», т.е. обладающего старейшей статуей божества Мацзу, нашло выражение в создании Тайваньского объединения дружбы храмов Мацзу.

Функции Ван-е, как указывает исследователь, «в современном обществе измени-

лись — сегодня в ритуальной практике слабо артикулирована идея изгнания болезней и эпидемий... Ван-е не столько охраняет от болезней в прямом смысле, сколько играет роль покровителя, становится культурным символом небольшого ареала» (С. 125).

В седьмой главе автор, основываясь на опыте личного посещения храмов и работе с информантами, рассматривает понятие храмовых территорий (или пределов) *цзин* в городе Тайнань — старейшем административном центре острова.

В Заключении Е.А. Завидовская отмечает наиболее заметные новые явления и тенденции в религиозной жизни Тайваня, начиная с 1945 г. В приложении к работе даются сведения о наиболее популярных народных божествах Тайваня.

В работе использовано большое количество иллюстраций, в том числе 10 таблиц и схем и 52 цветных фото. Фотографии, сделанные автором, прекрасно дополняют этнографические описания ритуалов и праздников в тайваньских храмах в книге. Они позволяют читателю наглядно представить, как выглядят современные храмы Тайваня и связанные с ними культы.

Целевая аудитория книги Е.А. Завидовской — специалисты по культуре, истории и религии Китая; в то же время ее можно порекомендовать всем интересующимся жизнью народа этой страны. Для рядового читателя книга имеет статус введения в современную религиозную культуру острова Тайвань.

© 2013

Р.В. Березкин
кандидат филологических наук
Фуданьский университет (Шанхай, КНР)

Забровская Л.В. Стратегия и основные направления политики России в отношении КНДР после завершения «холодной войны» М.: Морской гос. ун-т им. Адмирала Г.И. Невельского, 2011. 300 с.

Востоковедение традиционно было одним из наиболее плодотворно развивающихся направлений российской историографии, и страны Северо-Восточной Азии всегда занимали в ней особое место. О Китае и Японии написано огромное количество книг и статей, корееведение же почти до конца XX в. развивалось не столь интенсивно. Настоящий всплеск публикаций в России по истории и культуре стран Корейского полуострова на рубеже XX–XXI вв. был замечен всеми, кто интересуется Азиатско-Тихоокеанским регионом. С одной стороны, это вызвано самим развитием данного направления исследований российских ученых, с другой, обусловлено международной ситуацией, когда Корейский полуостров стал одним из «очагов напряженности» в мире.

Монография дальневосточного исследователя, специалиста по вопросам международных отношений в Северо-Восточной Азии Л.В. Забровской «Стратегия и основные направления политики России в отношении КНДР после завершения «холодной войны», посвященная современной российской политике в отношении КНДР, носит обобщающий, можно сказать, фундаментальный, характер. Это результат многолетних научных изысканий автора. Хронологические рамки книги охватывают фактически весь период взаимоотношений СССР (России) и КНДР. Материал рассматривается в широком историческом контексте, что позволяет Л.В. Забровской делать глубоко продуманные, обоснованные выводы по периоду и предлагать собственный прогноз развития событий. Автор подчеркивает, что в монографии «выявлены наиболее острые военно-политические противоречия в Северо-Восточной Азии и определена степень их влияния на формирование концептуальных подходов России в отношении КНДР» (С. 2). Политическая и научная актуальность данной темы не вызывает сомнений

Прежде чем обратиться к анализу работы, отметим, что монография написана на основе большого количества источников и литературы (511 наименований, включая ресурсы Интернета) (С. 270–299). Список содержит документы, мемуары, справочные и статистиче-

ские издания, научные публикации представлены на русском, на восточных (китайском и корейском) и на европейских языках (преимущественно на английском). Л.В. Забровская хорошо знает отечественную и мировую научную литературу по теме исследования, концепции, разработанные отечественными и зарубежными учеными, аргументировано обосновывает свое мнение по спорным моментам.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, примечаний и списка использованной литературы. Структура работы хорошо продумана. В оглавлении ясно и последовательно отражен ход авторского анализа материала и выдвинута собственная оригинальная концепция развития современного развития российско-северокорейских связей. Названия разделов и подразделов выглядят как «ключевые слова» общего направления и всей работы. Структура самого оглавления для такого многопланового исследования, на наш взгляд, является удачной находкой автора.

Введение (С. 5–25) — написано традиционно и содержит все необходимые разделы, наиболее подробно дано обоснование темы исследования, ее актуальность и историография, как отечественная, так и мировая.

Сравнительный анализ концептуальных положений отечественных и зарубежных специалистов по странам Корейского полуострова (дипломатов, историков, политологов, экономистов) органично входит в текст исследования. Аналитические выводы свидетельствуют о доскональном знании исследователем международной ситуации в Северо-Восточной Азии в целом, и на Корейском полуострове, в частности,

Россия, пишет Л.В. Забровская, как евразийская страна географически соприкасается с Корейским полуостровом и потому «кровно заинтересована в сохранении мира и поддержании безопасности на своих дальневосточных рубежах» (С. 26). Этими словами начинается *глава 1 «Ключевые подходы Российской Федерации к строительству отношений с КНДР» (С. 26–106)*, самая большая по объему. Как видно уже из оглавления, она содержит целый ряд разделов и подразделов, ох-

ватывая большой круг важных вопросов, таких как: *проблемы поддержания мира и безопасности на Корейском полуострове; позиция России, концепции объединения страны и российские интересы; китайский фактор в российско-северокорейских отношениях; ядерный кризис на Корейском полуострове; стратегия и тактика России на шестисторонних переговорах*. Автор детально рассматривает внешнеполитический аспект взаимоотношений России и Корейской Народно-Демократической Республики с 1991 г. с момента становления Российской Федерации и качественные изменения во взаимоотношениях двух стран.

Отмечено, что 90-е гг. XX в. стали сложным и противоречивым периодом во взаимоотношениях России и КНДР, обусловленным как объективными, так и субъективными факторами. Л.В. Забровская приходит к выводу, что российское правительство внимательно наблюдало за изменениями политической ситуации на Корейском полуострове, а усилия российской дипломатии были активизированы в направлении мирного выхода из конфликтной ситуации, сложившейся на Корейском полуострове. Автор считает, что России необходимо проводить активную политику в Северо-Восточной Азии, укреплять политические и торгово-экономические связи со всеми странами, и в частности, с КНДР (С. 40, 47). «Пути и методы объединения Кореи — один из самых актуальных вопросов в отношениях России и КНДР, поскольку напрямую связан с проблемой безопасности и поддержания статус-кво в Северо-Восточной Азии», подчеркивает исследовательница (С. 48). Шестерка заинтересованных стран — Россия, Китай, США, Республика Корея, и КНДР к концу 2008 г. провели в Пекине 6 встреч, но в Северо-Восточной Азии пока нет организации, регулирующей конфликтные ситуации (С. 83, 95).

Глава II «Политические и дипломатические связи России и КНДР» (С. 107–150) представляет объективную оценку политико-правовых основ становления российско-северокорейских отношений в начале 1990-х гг.; характеризует методы и принципы ведения дипломатического диалога между Россией и КНДР во второй половине 1990-х гг. и заключения нового межгосударственного договора. В главе показано развитие двухсторонних отношений в начале XXI в. Особо выделим раздел «Методы и принципы ведения дипломатического диалога между Россией и КНДР (вторая половина 1990-х гг.)», содержащий большое количество примеров. Есть и историческая

ретроспектива. Л.В. Забровская подчеркивает, что начало 1990-х гг. внесло негативные коррективы в отношении КНДР и нашей страны. Установление официальных отношений между СССР и Республикой Корея в сентябре 1990 г. привело к охлаждению советско-северокорейских отношений. Причем отчуждение не пошло на пользу ни одной из сторон (С. 111, 112). Этот факт наглядно отражает таблица 1, где представлены статистические данные о торговых связях двух стран. Так, в 1992 г. товарооборот составлял 311,5 млн дол., а в 2009 г. — 49,4 млн дол.; общий баланс в 1992 г. составлял 166,5 млн дол., а в 2009 г. — 34,4 млн дол. (С. 113), что свидетельствует о спаде экономической активности двусторонней связи.

Заметим, что Л.В. Забровской как при анализе и оценке, так и простом изложении фактов и событий удается показать разные точки зрения, подчас противоположные (как например, С. 118–120) и сделать собственные аналитические выводы. Речь идет о разработке и принятии проекта нового межгосударственного договора, который должен был заменить заканчивающий свое действие 10 сентября 1996 г. советско-северокорейский договор 1961 г. В монографии приводятся подчас различные точки зрения представителей российского правительства, фракций Государственной думы, известных корееведов и дипломатов. Новый договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР от 9 февраля 2000 г., отмечает Л.В. Забровская, в отличие от договора 1961 г. не является военно-политическим пактом. Он составлен на основе рекомендаций ООН, отвечает целям и принципам Устава ООН, о чем записано в преамбуле договора (С. 133).

В главе III «*Проблемы формирования российско-северокорейских морской и сухопутной границ*» (С. 151–190) автор уделяет пристальное внимание пограничной политике двух стран, делает исторический анализ советско-северокорейских пограничных договоров, указывая на их важное значение для развития двусторонних связей, раскрывая их основные положения и показывая значение пограничного соглашения 1998 г. между Россией, КНДР и Китаем. В качестве иллюстрации и сравнения, как решаются пограничные вопросы между другими государствами, в главе всесторонне рассмотрен японо-южнокорейский пограничный спор и его влияние на развитие российско-северокорейских отношений. Автор дает анализ даже таких, на первый взгляд, частных и отдаленных вопросов, как переименование

Японского моря: является ли это насущной необходимостью или стало проявлением политического самоутверждения. Л.В. Забровская обращает внимание на то, что для России японо-корейский территориальный спор относительно островов Токто является примером того, как сходные территориальные вопросы решаются в соседних странах (С. 187–188). Анализ территориальных вопросов сопровождается рядом схем-карт, что позволяет лучше понять позиции и цели сторон и решение их (С. 152; 156).

Значительное место в работе уделено анализу экономического сотрудничества (СССР) России и КНДР в течение большого хронологического периода (с 1945 до 2000-х гг.), что позволяет проанализировать процесс в целом во всей многогранной сложности, увидеть в нем место российского Дальнего Востока и спрогнозировать его будущее.

Глава IV, в частности, детально рассматривает опыт и перспективы привлечения северокорейских рабочих на российский Дальний Восток (С. 191–215). Л.В. Забровская подчеркивает, что «российский Дальний Восток и Корейский полуостров являются территориями, активно вовлеченными в обмен трудовыми ресурсами». История северокорейской трудовой миграции на Дальний Восток СССР/России насчитывает больше лет, чем период существования КНДР, и всегда имела важное значение для обеих стран (С. 193). Автор анализирует причины и этапы северокорейской трудовой миграции; политические цели и экономические результаты трудовой миграции северокорейцев в СССР (1945 — начало 1990-х гг.), считая миграцию северокорейских рабочих в Россию в определенной степени решением региональных социально-экономических проблем в конце 1990-х — 2000-х гг. Исследовательница останавливается на характеристике термина «гастарбайтеры» («приглашенные рабочие»), которым обозначают иностранных трудовых мигрантов, на свой страх и риск выезжающих на заработки за границу. По ее мнению, такой термин неприменим к северокорейским рабочим в России (несмотря на имеющиеся исключения), так как они выезжают на российскую территорию организованно, трудятся в течение определенного срока на заранее оговоренных предприятиях и также организованно выезжают на родину (С. 192–193). Выделяется три волны северокорейской трудовой миграции. Таблицы 2–8 содержат статистические данные о выезде/въезде иностранных граждан, побывавших в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Сахалинской области в 1991–

2009 гг.

Глава V посвящена российско-северокорейским торгово-экономическим связям и их влиянию на укрепление сотрудничества двух стран (С. 216–259). Л.В. Забровская показывает особенности развития межгосударственных торгово-экономических связей в 1990-х гг. и поиски новых форм сотрудничества в 2000-е гг. Автор подробно останавливается на трудностях и недостатках процесса. Анализ торгово-экономических контактов КНДР с Приморским и Хабаровским краями, Сахалинской и Амурской областями свидетельствует о том, что положительная роль и значение российских регионов в расширении торгово-экономических контактов с КНДР — очевидны. Таблицы 9–11 позволяют увидеть состояние торгово-экономических связей России и КНДР по целому ряду направлений за 1991–2004 гг. Заинтересованность есть, а результаты невелики. «Весь спектр приобретенных традиций, форм, особенностей и трудностей, прослеживаемых в российско-северокорейских межгосударственных торгово-экономических связях, характерен и для аналогичных связей КНДР с отдельными российскими регионами» (С. 231), — приходит к выводу автор. Безусловный интерес представляют таблицы 12–15, где представлены конкретные данные о торговле Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей с КНДР в 1992–2008 г. (тыс. дол.). Анализ материала показывает, что «наиболее тесные и постоянные контакты с КНДР сложились у Приморского и Хабаровского краев, географически наиболее близких к этой стране». Анализ общей ситуации приводит к выводу, что «возврата к прежним методам осуществления торгово-экономических связей между Россией и КНДР не будет, если в этот процесс не вмешается политика и конъюнктурные интересы российских монополий» (С. 259).

Заключение (С. 260–264) традиционно содержит основные выводы и концептуальные положения по теме исследования. Всесторонний анализ закономерностей и специфики формирования и развития российско-северокорейских отношений после окончания «холодной войны», в условиях глобализирующейся международной политики позволил автору сделать целый ряд важных выводов по теме исследования и выделить два этапа их развития. Политико-экономические отношения России и КНДР, считает Л.В. Забровская, на рубеже XX–XXI вв. совершили новый виток — от свертывания в начале 1990-х гг. до установле-

ния конструктивного партнерства в начале 2000-х гг. Были исправлены просчеты российских политиков и заключен новый межгосударственный договор, хотя до прежнего политического влияния на Севере Корейского полуострова России пока далеко (С. 260). В целом период 1990–2000-х гг. — это время формирования новой российской стратегии в отношении КНДР. По мнению автора, «на современном этапе для России важна взвешенная политика в отношении двух корейских государств, закрепление и развитие достигнутых результатов, пе-

реосмысление полученных уроков» (С. 263).

Ближайшие задачи российской политики Л.В. Забровская видит в укреплении полноправных, отвечающих российским национальным интересам отношений с двумя корейскими государствами.

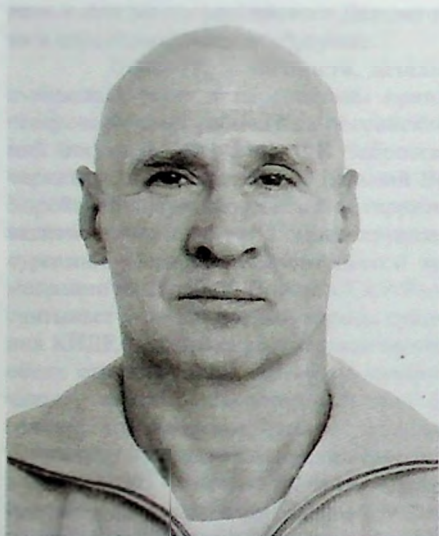
Книга может представлять большой интерес как для специалистов, занимающихся историей современного российского Дальнего Востока и международными отношениями в АТР, так и для всех, кто интересуется указанными проблемами.

© 2013

*В. Чернавская,
к.и.н., ст.н.с. Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Юбилей ученого

Андрею Андреевичу Крушинскому — 60 лет

25 сентября исполнилось 60 лет Андрею Андреевичу Крушинскому, видному ученому-китаеведу, кандидату исторических наук, доктору философских наук (по специальности «логика»), основателю нового направления в отечественной синологии — логико-методологическая мысль Древнего Китая.

Интерес к синологии зародился у Андрея Андреевича еще в детские и отроческие годы: дважды — в 1959 и 1966 гг. (совпавших с «большим скачком» и «культурной революцией») он оказывался в Китае вместе с работавшими там родителями. Востоковедческое образование получил в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ по специальности «История Китая». Дальнейшему совершенствованию уровня знаний способствовало участие в длительной археологической экспедиции в Туву с профессором Л.Р. Кыз-

ласовым и годичная стажировка в Фуданьском университете КНР.

По окончании института в 1975 г. А.А. Крушинский был призван на срочную воинскую службу, которую проходил на советско-китайской границе, выполняя функции переводчика; участвовал в мероприятиях по охране границы, в задержании нарушителей.

В 1979 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения РАН, где защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме рецепции идей новоевропейской науки общественной мыслью позднего Китая, где в качестве лингвистического медиума, призванного транслировать западные концептуальные новации, выступил китайский классический литературный язык (вэньянь).

Будучи заинтригован базовой непроясненностью логико-методологических оснований китайской цивилизации, посещал лекции и семинарские занятия по логике на философском факультете МГУ. Подготовил и в 2006 г. защитил на кафедре логики философского факультета МГУ докторскую диссертацию по теме «Логика Древнего Китая». С 2007 г. продолжает свои исследования китайской логической мысли в ИДВ РАН.

Среди значительного числа научных работ А.А. Крушинского выделяются монографии: *«Творчество Янь Фу и проблема перевода»* (1989), *«Логика "И цзина"»: дедукция в древнем Китае»* (1999), *«Логика Древнего Китая»* (в печати); статьи и тезисы

докладов: «*Indeterminacy of translation and semantics of the Chinese language*» (1987), «*The Yijing symbolism and logical procedure of generalization*» (2002), «Гексаграммы и обобщение» (2003), «Язык и мышление в древнем Китае» (2007), «Библейский шестоднев и гексаграммная схема» (2007), «Китайская концепция логики человеческого действия» (2009), «Числа и китайское коррелятивное мышление» (2009), «Логико-методологическая мысль древнего Китая как историческая реализация генетического типа дедукции» (2010), «“Луньюй” кайпянь юй “И” сянь сывэй» (Пекин, 2011), «Диagramматизация логических принципов в китайской логико-методологической традиции» (2012), «Китайская логика и китайская категоричность» (2013).

Фундаментальные исследовательские работы А.А. Крушинского — крупнейшего отечественного специалиста по китайской логико-методологической традиции — внесли большой вклад в осмысление логико-методологического наследия Древнего Китая. А.А. Крушинскому удалось на современном научном уровне раскрыть своеобразие существенных черт китайской логической мысли, в частности, выявить ее теснейшую связь с числовыми алгоритмами и тем самым предопределил математизированный характер китайской логики и методологии.

А.А. Крушинский впервые обнаружил и зафиксировал тот уникальный ракурс, в перспективе которого только и правомерно говорить о феномене собственно китайской логики. Положительный ответ на вопрос о существовании автохтонной логики в Китае явился долгожданным прорывом в исследованиях, длящихся уже второе столетие. Он вносит серьезные коррективы в устоявшиеся представления о возникновении и типах исторически задокументированных логических традиций.

Активное участие А. А. Крушинского в международном научном сотрудничестве (доклады на конференциях, симпозиумах и семинарах) неизменно вызывает глубокий интерес специалистов. На протяжении многих лет А.А. Крушинский был одним из руководителей Международной ассоциации изучения «Канона перемен», заслужив на этом посту высокое признание международной научной общественности. В 2013 г. А.А. Крушинский стал единственным из российских синологов персонально приглашенным участвовать в работе международного проекта по созданию монументальной «Справочной книги по логической мысли в Китае», призванной охватить все богатство китайского логико-методологического наследия. Он в единственном числе представлял российское Китаеведение на состоявшейся в Тяньцзине в апреле 2013 г. научной конференции, целью которой явилось обсуждение практических шагов в направлении реализации этого грандиозного проекта.

Активную научную работу Андрей Андреевич совмещает с педагогической деятельностью. Он профессиональный преподаватель истории китайской философии, автор уникальной учебной программы для студентов России по древнекитайским логическим учениям, руководитель научно-исследовательской работы аспирантов. Одаренность Андрея Андреевича, его теоретическая прозорливость и исследовательская интуиция, притягательность его научных разработок, открытие новой темы в российской синологии — все это способствует воспитанию новых талантливых поколений отечественного Китаеведения.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Андрея Андреевича Крушинского со знаменательной датой в его жизни, желают крепкого здоровья, счастья и новых успехов в творческой деятельности.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2013 год

От главного редактора..... № 6

ДОКУМЕНТЫ

- Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества..... № 5
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия..... № 3
- Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства..... № 3

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- Встреча Председателя КНР Си Цзиньпина с российскими китаеоведами..... № 4
- А. Виноградов.* Изучение моделей развития Китая и России в 1990-е годы..... № 2
- Г. Куликова.* 95-летие академика С.Л. Тихвинского..... № 6
- А. Ларин.* Китайские мигранты в России. Современные российские исследования..... № 5
- В. Портяков.* Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000-2013 гг..... № 5
- М. Титаренко, А. Ипатов.* История — учитель жизни (К 95-летию академика С.Л. Тихвинского)..... № 4
- М. Титаренко, А. Ломанов.* Изучение китайской философии и религии в России в начале XXI в..... № 6
- С. Торопцев.* Изучение китайской культуры и образования в России в начале XXI в..... № 5

ИТОГИ XVIII СЪЕЗДА КПК

- П. Каменов.* Вопросы военной политики Китая на XVIII съезде КПК..... № 2
- А. Островский.* XVIII съезд КПК: как обеспечить построение общества «сяокан» («малого благоденствия») в Китае..... № 2
- В. Портяков.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия..... № 2
- И. Ушаков.* XVIII съезд КПК и экологический императив Китая..... № 2

ПОЛИТИКА

- К. Антипов.* Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога..... № 6

<i>П. Бакланов, М. Романов.</i> Об уникальности геополитического положения Тихоокеанской России.....	№ 6
<i>Я. Бергер.</i> К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса.....	№ 1
<i>В. Воробьев.</i> Южно-Китайское море: Китай и другие.....	№ 2
<i>И. Гордеева.</i> Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао).....	№ 1
<i>А. Давыдов.</i> КНР — США — Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен?.....	№ 2
<i>П. Калмычек, В. Кистанов, Е. Леонтьева.</i> Япония: власть сменилась — проблемы остаются.....	№ 4
<i>А. Карнеев.</i> «Чунцинская модель»: что это было?.....	№ 3
<i>А. Карнеев.</i> «Чунцинская модель»: что это было? Часть 2.....	№ 4
<i>Ким Ен Ун.</i> Современный политический ландшафт в Республике Корея: тенденции эволюции.....	№ 6
<i>С. Кривохиж.</i> Публичная дипломатия Китая: защита или нападение?.....	№ 5
<i>А. Ломанов, О. Борох.</i> Первые шаги нового руководства Китая.....	№ 3
<i>С. Лузянин.</i> Российско-китайские измерения Шанхайской организации сотрудничества. Модель 2013 г.....	№ 3
<i>П. Мозиас.</i> Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты.....	№ 1
<i>Ю. Морозов.</i> Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе?.....	№ 2
<i>Ю. Морозов.</i> Перспективы России в Северо-Восточной Азии и предлагаемая стратегия в регионе.....	№ 5
<i>В. Портяков.</i> О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г.....	№ 3
<i>Д. Стрельцов.</i> Новая смена власти в Японии.....	№ 2
<i>С. Уянаев.</i> Россия – Индия – Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых.....	№ 1
<i>А. Шлындов.</i> Военно-стратегические концепции КНР и сетевые войны будущего.....	№ 5

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>О. Борох.</i> Дискуссии о «контролируемой экономике» в республиканском Китае (1930-е – 1940-е гг.).....	№ 6
<i>Т. Гурулева.</i> Разработка бренда приграничных территорий в условиях российско-китайского взаимодействия (на примере Забайкальского края).....	№ 5
<i>Э. Пивоварова.</i> Почему сегодня Китай «гордо стоит на Востоке мира».....	№ 6
<i>М. Титаренко.</i> О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК).....	№ 2
<i>Юй Кэпин, Ф. Фукуяма.</i> Глобализация, современный мир, китайская модель развития.....	№ 1

ЭКОНОМИКА

<i>М. Александрова.</i> Развитие внешнеэкономической деятельности провинции Цзилинь в период экономических реформ.....	№ 6
<i>В. Балакин.</i> Геополитическая подоплека российско-китайского инвестиционного взаимодействия в Центральной Азии.....	№ 1
<i>В. Балакин.</i> Инвестиционная стратегия Китая в межкризисный период (1998-2008 гг.).....	№ 4

<i>А. Биндер, А. Кононов.</i> Укрепление позиций национальной валюты на глобальных рынках: опыт Китая.....	№ 5
<i>До Минь Као.</i> «Энергетическая дипломатия» Китая и ее влияние в сопредельных регионах	№ 4
<i>Дяо Сюхуа.</i> Состояние и перспективы экономического сотрудничества между Россией и Китаем	№ 1
<i>Л. Захарова.</i> Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне	№ 4
<i>Е. Кузьмина.</i> Российское и китайское экономическое присутствие в Центральной Азии. Есть ли возможность взаимодействия?	№ 5
<i>Д. Кручинина.</i> Этапы формирования «золотого треугольника» Янцзы	№ 5
<i>В. Мазырин.</i> Актуальные проблемы экономического развития стран АСЕАН	№ 1
<i>М. Потапов.</i> К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов	№ 3
<i>Д. Сенина.</i> Крах экономики «мыльного пузыря» и антикризисные меры правительства и Банка Японии (1980-е – 1990-е гг.).....	№ 1
<i>Сунь Яо.</i> О путях повышения уровня китайско-российского сотрудничества	№ 6
<i>С. Суслина, В. Самсонова.</i> Экономика Республики Корея: новые перспективы и вызовы	№ 3
<i>Л. Ходов.</i> Китайская валюта укрепляет свои позиции в мировой экономике	№ 4
<i>В. Чуванкова.</i> Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап.....	№ 3
<i>Л. Эдер, И. Филимонова.</i> Особенности развития трубопроводного транспорта Китая	№ 2

Российский Дальний Восток

<i>А. Жирнов.</i> Черная металлургия как локомотив развития экономики Дальнего Востока	№ 5
<i>С. Мищук.</i> Влияние иностранной рабочей силы на социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина XIX — начало XXI вв.).....	№ 1

Государство и общество

<i>В. Бородич, А. Виноградов, П. Троцинский.</i> 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае.....	№ 3
<i>Л. Смирнова.</i> Стратегия противодействия коррупции в КНР в свете решений XVIII съезда КПК.....	№ 4
<i>И. Чубаров.</i> Особенности формирования глобальных городов в современном Китае	№ 4

Дискуссионная трибуна

<i>А. Крушинский.</i> СССР, Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны	№ 3
---	-----

История

<i>А. Воронин, Е. Глазунов.</i> Трудная дорога к победе и миру. (К 40-летию подписания парижского Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме)	№ 1
<i>Ю. Ванин.</i> Из истории становления Трудовой партии Кореи	№ 1

- В. Гринюк.* Корейская диаспора в Японии после Второй мировой войны (1945–1960 гг.) № 4
- В. Дацышен.* Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. № 5
- М. Кротова.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. № 1
- В. Кузьминков.* Сан-Францисский мирный договор 1951 г. в японской историографии № 3
- А. Петров, Г. Капалин, А. Ермолаев.* Представители Сибири и российского Дальнего Востока в истории Форт-Росса и освоении Калифорнии № 5
- С. Пономарев, А. Плотников.* К 200-летию со дня рождения Г.И. Невельского № 6
- Н. Пузыня.* Политика Японии в юго-западной части Тихого океана (50-е – 80-е годы XX века) № 2
- Г. Романова.* Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) № 6
- Син Се Ра.* Политика КНДР по вопросу объединения Кореи в 1950-х гг. после Корейской войны и позиция СССР № 4
- А. Хисамутдинов.* Русские женщины в Китае (1922-1940-е гг.) № 3
- Д. Якимова.* Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910-1945 гг.) № 6

ФИЛОСОФИЯ

- Бао Оу.* Становление философии инженерии в Китае № 4

РЕЛИГИЯ

- Л. Афонина.* Формирование и принципиальные моменты нормативно-правового регулирования религиозной сферы в КНР № 6

КУЛЬТУРА

- Е. Аурилене.* Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920 – 1940-е гг): региональный фактор № 3
- Т. Виноградова.* Концерт за Великой стеной: «chinoiserie» в творчестве Исмаила Кадаре № 5
- Г. Куликова.* Солдат, дипломат, поэт и переводчик (К 95-летию М.И. Басманова) № 5
- Е. Лачина.* Сравнительный анализ «корейской волны» на примере южнокорейского тхэквондо № 5
- Ю. Лемеико.* Искусство народной картины-няньхуа как часть нематериального культурного наследия Китая № 4
- Е. Сухова.* Дни китайской культуры в Чувашском государственном педагогическом университете имени И.Я. Яковлева № 6
- С. Торонцев.* Новый Нобелевский лауреат — писатель Мо Янь № 1
- Т. Гурулева, А. Макаров.* Организационно-педагогические проблемы подготовки китаеведов в высших учебных заведениях России № 4
- Сун Лэй.* «Дебаты» как средство формирования личностно-значимых качеств студентов высшей школы КНР № 1

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Г. Куликова.* Обществу российско-китайской дружбы — 55 лет № 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е. Анохина.* О VIII конференции Международного общества по изучению зарубежных китайцев № 6
- В. Григорьев.* Инновационные проекты ИДВ РАН в гуманитарных науках № 6
- А. Давыдов.* Презентация книги Г. Киссинджера «О Китае» № 1
- О. Казаков.* О научной конференции в ИДВ РАН «Три года правления Демократической партии Японии: итоги и перспективы» № 2
- А. Коробова.* XIX Всероссийская научная конференция «Философии восточно-азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация» № 6
- Е. Кранина.* Научная конференция ЦЭСИК ИДВ РАН «Проблемы и перспективы развития экономики Китая в свете решений XVIII съезда КПК» № 4
- А. Ломанов.* «Новое китаеведение» для растущего Китая № 1
- А. Ломанов.* Пятый форум изучения Китая в Шанхае № 3
- Ю. Перепелкин, А. Виноградов.* Конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН «XVIII съезд КПК: новые задачи и перспективы развития» № 4
- В. Портяков.* О Международной конференции исследователей Азии в Макао № 4
- В. Чуванкова, Е. Лапицина.* Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2012 году № 2

РЕЦЕНЗИИ

- Р. Березкин.* Завидовская Е. А. Народная религия современного Тайваня № 6
- А. Волохова.* Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX — XXI веков № 3
- В. Гринюк.* Роман Юрия Макарцева «Итуруп» № 5
- А. Ефимов.* Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки № 3
- О. Железняк.* Катасонова Е.Д. Японцы в реальном и виртуальном мирах № 5
- А. Королев.* Китай 3.0 / Ред. Марк Леонард № 3
- А. Крушинский.* Куликова Г.В. Россия – Китай. Народная дипломатия № 2
- А. Ларин.* Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Центральной Азии в начале XXI века № 3
- Г. Локишин.* Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме № 6
- А. Островский.* Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества № 3
- В. Портяков.* Потапов М., Салицкий А., Шахматов А. Экономика современной Азии № 2
- В. Портяков.* Тихвинский С.Л. Избранные произведения. Кн. 6. Дополнительная № 1
- В. Росов.* Новые книги к юбилею ученого-востоковеда Ю.Н. Рериха № 3
- М. Самойлова.* После великого восточно-японского землетрясения: политические и институциональные изменения в Японии после аварии на АЭС «Фукусима» № 4
- Е. Стабурова.* Сборник «Общество и государство в Китае»: 42-я научная конференция № 3
- В. Чернавская.* Забровская Л.В. Стратегия и основные направления политики России в отношении КНДР № 6

IN MEMORIAM

Я. Бергер. Лев Петрович Делюсин (16.11.1923 — 22.05.2013) № 4

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Александру Мироновичу Григорьеву — 80 лет..... № 3

Леониду Моисеевичу Гудошникову — 85 лет № 1

Евгению Васильевичу Кобелеву — 75 лет..... № 3

Юбилей Кондрашовой Людмилы Ивановны № 2

Андрею Андреевичу Крушинскому — 60 лет № 6

Григорию Михайловичу Локшину — 75 лет № 3

К юбилею потомственного китаевода Г.А. Степановой..... № 4

Виктору Николаевичу Усову — 70 лет № 1

НАШ ЮБИЛЯР

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 80 лет № 3

Contents..... № 1-6

Summary № 1-6

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2013 год..... № 6

Contents

Note by the Editor

RUSSIAN SINOLOGY

G. Kulikova. 95th Anniversary of Academician S. Tikhvinsky

M. Titarenko, A. Lomanov. The Study of Chinese Philosophy and Religion in Russia at the Beginning of the XXI Century

POLITICS

P. Baklanov, M. Romanov. On the Uniqueness of the Geopolitical Position of Pacific Russia

K. Antipov. Cyber Conflict in Sino-US Relations and the Search for Dialogue

Kim Yong-un. The Political Landscape in the Republic of Korea: Trends of Evolution

ECONOMY

M. Alexandrova. Development of Foreign Trade Activities in Jilin Province during the Period of Economic Reforms

Sun Yao. Ways to Improve Sino-Russian Cooperation

THEORY AND METHODOLOGY

O. Borokh. Discussions about "Controlled Economy" in the Republican China (1930 's - 1940's)

E. Pivovarova. Why is China "Standing Proudly in the East of the World"

HISTORY

S. Ponomarev, A. Plotnikov. On the 200th Anniversary of G. Nevelskoy.

G. Romanova. Business, Agriculture and Crafts of Chinese Migrants in the Russian Far East (Late XIX - Early XX Century)

D. Yakimova. Japan's Policy in the Field of Education and Training in Colonial Korea (1910-1945)

RELIGION

L. Afonina. Formation and Fundamental Aspects of Legal Regulation of the Religious Sphere in the People's Republic of China

CULTURE

E. Suhova. Days of Chinese Culture in the Chuvash State Pedagogical University Named after I. Yakovlev

SCIENTIFIC EVENTS

A. Korobova. The XIX Scientific Conference "Philosophies of the East Asian Region (China, Japan, Korea) and Modern Civilization"

E. Anokhina. The VIII Conference of the International Society for the Study of Chinese Overseas

V. Grigoriev. Innovative Projects in Social Sciences by IFES

BOOK REVIEW

G. Lokshin. Comparative Analysis of the Common Features and Peculiarities of Transitional Phase in Russia, China and Vietnam

R. Berezkin, E. Zavidovskaya. Contemporary Folk Religion in Taiwan

V. Chernavskaya, L. Zabrovskaya. Strategy and Major Policies of Russia towards DPRK

SCHOLAR JUBILEE

Andrey Andreyevich Krushinsky — 60 Years

Contents

Summary

Far Eastern Affairs Contents for 2013

Summary

M. Titarenko, A. Lomanov. The Study of Chinese Philosophy and Religion in Russia at the Beginning of the XXI Century

The article describes the main trends and scientific developments in the study of Chinese philosophy and religion in Russia in this century, among which there are the creation of a comprehensive encyclopedia "Spiritual Culture of China", the studies in Neo-Confucian heritage and the role of the modern and contemporary Chinese philosophy in contacts of civilizations of China and the West, as well as the practical aspects of contemporary religious life in China.

Key words: Russia, sinology, philosophy, religion, civilization.

P. Baklanov, M. Romanov. On the Uniqueness of the Geopolitical Position of Pacific Russia

The features of the geopolitical position of Russia in the Pacific area of intersection of the interests of the world's largest "power centers" and the maritime powers — the U.S., China and Japan, — are considered.

Key words: geopolitical position, geopolitical potential, the world's "power centers", Pacific Russia, contact structures, cross-border regions.

K. Antipov. Cyber Conflict in Sino-US Relations and the Search for Dialogue

The escalation of conflict between China and the United States in cyberspace marked a crisis in Sino-US relations. However, the outcome of the informal meeting between Xi Jinping and Obama in California on 8–9, June 2013 indicate that the United States and China have the opportunity to advance to a new stage of cooperation in the security sphere.

Key words: China, USA, cyberspace, the economics of competition.

Kim Yong-un. The Political Landscape in the Republic of Korea: Trends of Evolution

The 2012 parliamentary and presidential elections in the Republic of Korea led to a noticeable change in the political landscape. Since taking office, the new president began gradual reforms in the economy and the social sphere, which lead to further democratization of Korean society. A new political landscape also affects the inter-Korean relations, which have had positive changes as well.

Key words: parliamentary and presidential elections, the defeat of neo-conservatives, the process of recovery and building confidence on the Korean peninsula.

M. Alexandrova. Development of Foreign Trade Activities in Jilin Province during the Period of Economic Reforms

The external trade of Jilin Province is characterized by a negative trade balance, since it does not receive "dividends" from its economic and geographical position, bordering with the underdeveloped areas of Russia and North Korea. Before the global financial and economic crisis geographical directions of export-import flows of the province were poorly diversified. As a result of the reform of state enterprises and the adoption of "The Program for the revival of the old industrial bases in Northeast China" it has developed its own amendments to the "reach-out" strategy.

Key words: Jilin province, revival of old industrial bases, tolling trade, border trade, state enterprises, export-oriented enterprises.

Sun Yao. Ways to Improve Sino-Russian Cooperation

The article noted the success of foreign economic cooperation with Russia in Heilongjiang Province. During its further development the proposed focus should be in the fields of information, transport infrastructure, tourism, e-commerce and bilateral cooperation between enterprises of China and Russia.

Key words: Heilongjiang Province, Harbin, BAM, RMC cable system, Internet shop.

O. Borokh. Discussions about "Controlled Economy" in the Republican China (1930 's — 1940's)

The concept of "controlled economy" has gained popularity in the Republican China, thanks to the study of international experience and the challenges of accelerated industrial development in order to strengthen the country's defense. The understanding of the Chinese specifics in economy and expanded influence of liberal ideas have made scientists to recognize the importance of market mechanisms and

support of a mixed economy. Many aspects of the economic debate in 1930's—1940's are similar to disputes of contemporary Chinese researchers.

Key words: economic thought, state interventionism, the Kuomintang, liberalism, Ma Yinchu, Tang Qingzeng.

E. Pivovarova. Why is China "Standing Proudly in the East of the World"

The paper shows how in the course of reform in China a convergent socio-economic model of society with a reasonable combination of market and planned regulatory principles had been formed. The directions for search by world scientists and economists of optimal methods for state regulation of the economy have been considered.

Key words: China, eradication of poverty and backwardness, the efficiency of the market, social protection of workers, capitalism, socialism, convergence.

S. Ponomarev, A. Plotnikov. On the 200th Anniversary of G. Nevelskoy

The publication represents a versatile activities for the benefit of Russia by sea explorer and pioneer, Admiral Georgiy Ivanovich Nevelskoy whose the 200th birth anniversary is celebrated on December 5, 2013.

Key words: G. Nevelskoy, Amur, Sakhalin, Russian Far East.

G. Romanova. Business, Agriculture and Crafts of Chinese Migrants in the Russian Far East (Late XIX — Early XX Century)

The author analyzes the economic activities of Chinese migrants in the Russian Far East in the fields of entrepreneurship, agriculture and crafts in the late XIX-early XX century. The mutual influence of material cultures of Russia and China was noted. The policy of Russian Far East administration to regulate economic processes between neighboring areas of Russia and China has been traced. New archival materials and works by Chinese historians were introduced into scientific circulation.

Key words: Russian Far East, Northeast China, migrants, economic activity, policy of Governors-General of Amur area, national interest.

D. Yakimova. Japan's Policy in the Field of Education and Training in Colonial Korea (1910–1945)

The article discusses the Japanese educational and training policy in colonial Korea within the frame of "cultural assimilation" of the Korean people. Particular attention is paid to the course of Japanese leadership against the historical education of Korean citizens. The introduction of "The Oath of subjects of Japanese Empire" and "Gymnastics for the subjects of the Empire" in order to strengthen the physical and moral spirits of the Koreans are also touched upon.

Key words: assimilation, common culture, common race, a single organism, the subjects, the elimination of the Korean culture, changing of Korean names and surnames.

L. Afonina. Formation and Fundamental Aspects of Legal Regulation of the Religious Sphere in the People's Republic of China

The article describes the main aspects and problems of state regulation of religious activities in China, sets out the content of the basic laws of the PRC that affect the field of religion, including "The Regulations on religious activities", reveals their political meaning.

Key words: history of religion in China, legal regulation, religious politics, freedom of religion, the theory of "mutual conformity" management in accordance with the law.

Жигулева Валентина Викторовна
02.03.1956 — 08.11.2013

Российское китаеведение понесло тяжелую утрату. 8 ноября 2013 г. на 57 году ушла из жизни наш коллега и друг, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальных и экономических исследований Китая ИДВ РАН Валентина Викторовна Жигулева. Тяжелая болезнь, с которой она боролась мужественно и стойко, не оставила шансов.

Утешением можно считать то, что сама жизнь Валентины Викторовны была интересной, насыщенной и яркой. В.В. Жигулева родилась 2 марта 1956 г. в Москве. Сразу после окончания школы поступила в Институт стран Азии и Африки при МГУ на социально-экономический факультет. По окончании института была направлена на работу во внешнеторговое объединение «Союзвнештранс» Министерства внешней торговли СССР в качестве оперативного сотрудника, затем работала сотрудником консульского отдела Посольства СССР во Франции, а в 1988–1992 гг. трудилась в пресс-бюро Посольства России в Пекине. Без отрыва от производства в 1984 г. она закончила аспирантуру Института экономики мировой социалистической системы и защитила диссертацию на присвоение ученой степени кандидата экономических наук.

Весомы ее заслуги в укреплении системы высшего образования страны, подготовке научных кадров. Не менее успешно Валентина Викторовна занималась аналитической, исследовательской, редакторской и переводческой работой.

В ИДВ РАН В.В. Жигулева работала с 1992 г. и исследовала проблемы современного Китая, прежде всего внешнеторговую сферу, ценовые факторы. Перу Валентины Викторовны принадлежат несколько авторских монографий, более 150 научных статей.

В последние годы жизни В.В. Жигулева активно расширяла спектр своих исследований, обращая большое внимание на процессы, происходящие в экономике и политике КНР.

Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока, скорбя об утрате, выражают искреннее соболезнование родным и близким покойной. Память о Валентине Викторовне Жигулевой навсегда сохранится в сердцах ее коллег.

*Дирекция и сотрудники ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Подписано к печати 26.11.2013 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 537 экз. Зак. 1794. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2013 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.